

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

С. В. Васильева, Д. Б. Фартусов

**РЕПРЕССИИ 1920-х – 1930-х гг.
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА В БУРЯТИИ**

МОНОГРАФИЯ

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Рос.Бур)
В 191

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы

О. П. Еланцева, д-р ист. наук, проф., Дальневосточный федер. университет
В. В. Доржиева, д-р ист. наук, проф., Северо-Восточный госуниверситет
О. В. Афанасов, канд. ист. наук, доцент, Иркутский госуниверситет

Васильева С. В.

В 191 Репрессии 1920-х — 1930-х гг. и государственная реабилитационная политика в Бурятии : монография / С. В. Васильева, Д. Б. Фартусов. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2021. 184 с. ISBN 978-5-9793-1663-5

В монографии представлена историческая реконструкция сложных и драматических взаимоотношений советской власти и общества в период репрессивной политики на территории Республики Бурятия. Особое внимание уделено вопросам современной историографии по изучению истории государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в СССР/России. Работа построена на обширном фактологическом и документальном материале и может быть интересна для специалистов в различных областях гуманитарного знания, а также для широкого круга читателей, интересующихся политическими процессами в России.

Vasilyeva S. V.

Repressions of the 1920s–1930s and national rehabilitation policy in Buryatia : a monograph / S. V. Vasilyeva, D. B. Fartusov. Ulan-Ude : Buryat State University Publishing Department, 2021. 184 p.

The monograph presents a historical reconstruction of the complex and dramatic relationship between the Soviet government and society during the period of repressive policy on the territory of the Republic of Buryatia. Particular attention is paid to the issues of modern historiography on national rehabilitation policy and the public movement for perpetuating the memory of victims of political repressions in the USSR / Russia. The work is based on extensive factual and documentary material and is intended for specialists in various fields of humanities knowledge, it is also to attract a wider readership by providing the information about political processes in Russia.

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Рос.Бур)

ISBN 978-5-9793-1663-5

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие сегодня глубинные процессы трансформации российского общества и государства нуждаются в исторической реконструкции сложных и драматических взаимоотношений власти и общества, имевших место в прошлом. Проблема избавления от наследия репрессивной политики периода тоталитаризма как пережитка старой политической культуры ставит задачу всестороннего изучения ее особенностей и последствий. Кроме того, исследование этого этапа в истории нашей страны — важное условие формирования гражданского общества, отличительными чертами которого являются толерантность и уважение прав отдельного человека.

Становление и развитие советской модели государства тоталитарного типа, для которой политические репрессии стали структурным элементом в общей системе управления, — приоритетные направления изучения истории советского общества. В этой связи возрастает потребность в научном анализе причин возникновения этого явления, масштабы репрессивной политики в стране и отдельно взятых регионах. Исследование регионального аспекта темы имеет принципиальное значение для осмысления исторического опыта взаимоотношений центральной и местной властей в осуществлении общегосударственной политики.

Актуальность исследования определяется интересом современной историографии к изучению истории государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в СССР/России, отношений государства и общества в решении проблемы реабилитации. Реабилитация граждан, репрессированных по политическим и иным мотивам, идущим вразрез с законодательством, тесно связана с задачей раскрытия содержания тоталитаризма и освобождения общества от его деструктивного наследия. Все это, бесспорно, актуализирует избранную тему исследования.

Историография политических репрессий в СССР располагает большим количеством авторских монографий, книг, брошюр, серьезных и глубоких диссертационных исследований, в отличие от историографии реабилитационной политики советского и российского государства, по существу находящейся в стадии своего становления. Этим обстоятельством обусловлен выбор проблемного подхода к историографическому анализу избранной проблемы и выделение в ней *двух основных направлений*. Первое связано с определением сущности, форм и масштабов проведения массовых политических репрессий в СССР.

Первые оценки репрессивной политики советского государства были непосредственно связаны с освещением текущей деятельности органов коммунистической партии и государственной власти. В публикациях и докладах И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина, Я. Э. Рудзутака, П. П. Постышева, Н. В. Крыленко и ряда других деятелей освещалась практика применения репрессивных мер в отношении отдельных социальных групп населения, выступавших объектом партийно-государственной политики, комментировались показательные процессы над «врагителями», давалось обоснование необходимости борьбы с «врагами народа» и их физического уничтожения с целью «социальной защиты» завоеванной революции [114, 95, 86, 494, 491, 215].

Официальный подход в оценке репрессивной политики государственной власти, сложившийся в 1930-е гг., получил свое законченное выражение в «Краткой истории ВКП(б)». В соответствии с этим подходом репрессии против различных социальных элементов рассматривались в качестве закономерной и необходимой меры в интересах народа и строительства социализма. Исследования 1930-х — 1950-х гг. по проблемам политических репрессий, карательной политики государства, развития и функционирования исправительно-трудовых учреждений, безусловно, подвергались жесткой цензуре. Тем не менее работы Н. Л. Рубинштейна, Л. Н. Гусева, С. А. Голунского, А. А. Липатова, Н. Т. Савенкова, С. С. Студеникина и других внесли весомый вклад в накопление информационной базы взаимодействия власти и общества по про-

блеме репрессий и разработке методических подходов к ее анализу [141, 244, 77, 78, 245].

Новый этап в освещении проблемы советской репрессивной политики начался после XX съезда партии, на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом «О культуре личности и его последствиях». В нем было подчеркнuto, что «массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы» [497]. В своем докладе Хрущев осудил практику массовых репрессий в СССР, но датировал их начало 1934 г., тем самым из числа преступлений сталинского режима исключались раскулачивание и депортации крестьянских хозяйств, необоснованные политические репрессии начала 1930-х гг. В дальнейшем это наложило отпечаток на освещение проблемы репрессий в СССР в советский период.

Что касается произошедших перемен, то наиболее важным их аспектом стал пересмотр некоторых вопросов советской истории, включая пережитые страной политические репрессии и официальное признание самого факта преступлений сталинского режима. Репрессивная политика советского государства нашла отражение в публикациях 1960–1970-х гг., большей частью посвященных классовый борьбе в период проведения коллективизации в деревне. Это работы С. П. Трапезникова, Б. А. Абрамова, Н. А. Ивницкого и других исследователей [257, 147, 204]. В них уделено особое внимание периодизации процесса раскулачивания, описанию форм сопротивления крестьян и политики государства в отношении раскулаченных. В работе «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.)» Н. А. Ивницкий делает чрезвычайно важный вывод: «Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации на ее основе кулачества как класса привели к качественным изменениям в социальной структуре советского общества, во взаимоотношениях между рабочим и крестьянством. Крестьянство освободилось от эксплуатации со стороны кулаков, спекулянтов и ростовщиков, которые были ликвидированы

в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства» [204, с. 305–351].

В Бурятии также сформировалась историография работ, посвященных данной теме. В трудах Г. Л. Санжиева и М. О. Могордоева освещены и оценены социалистические преобразования в деревне в период проведения кампании сплошной коллективизации в Сибири и Бурятии. Основное место в их публикациях занимают вопросы, касающиеся темпов, путей и итогов коллективизации. Г. Л. Санжиев отмечает, что коллективизация в Бурятии отличалась от центральных областей более низкими темпами колхозного строительства, при этом он выделяет специфику региона — кочевую форму хозяйствования и ее национальные особенности [228, 246].

В числе публикаций, появившихся в 1960–1980-е гг. на Западе, крупное исследование о сталинских репрессиях представлял труд Р. Конквеста «Большой террор», в котором автор сумел дать наиболее подробное описание драматических событий 1930–1940-х гг., выделив существенные черты сталинской репрессивной политики, вскрыв подоплеку многих секретных операций против политических оппонентов, воспроизведя психологическую и моральную атмосферу тех лет [145]. А. Авторханов в своей работе «Технология власти» (1959), изданной в России в 1991 г., выдвинул версию, что НКВД в течение 1935–1936 гг. провел «глубоко законспирированную работу по учету бывших и установлению будущих врагов сталинского режима», на основании чего был подготовлен план чистки всех групп и слоев населения СССР, обеспечивающий создание «морально-политического единства советского народа» [149]. С конца 1980-х гг. ситуация в СССР поменялась коренным образом. Историография пополнилась огромным количеством исторической информации о репрессиях чудовищных масштабов. Историками, философами, политологами, экономистами, публицистами сделано очень многое. Был опубликован ряд статей, целиком или частично посвященных репрессиям в 1930-х гг., в том числе и в деревне. Это работы В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, В. Н. Земскова, Н. А. Ивницкого, В. В. Кондрашина, Е. И. Осколкова, В. П. Попова, О. В. Хлевнюка и других [333, 339, 340, 353, 358, 382, 391, 414].

В 1991 г. были опубликованы труды С. В. Кульчицкого «Цена "великого перелома"», Е. Н. Осколкова «Голод 1932–1933 гг.», в 1993 г. — В. Я. Шашкова «Спецпереселенцы на Мурмане», в 1994 и 1996 гг. — Н. А. Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов)», в 1996 г. — О. В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти», в том же году опубликован коллективный труд «Судьбы российского крестьянства» [218, 231, 272, 204, 264, 256]. Можно по-разному оценивать значение этих работ, но, несомненно, одно: все они написаны с новых позиций, в них привлечены новые источники, в том числе и ранее недоступные, сделаны новые выводы.

Произошли некоторые изменения в освещении проблем истории советской деревни в 1930-е гг. и в зарубежной историографии. Исследования зарубежных ученых больше стали опираться не только на печатные источники, но и на неопубликованные, хранящиеся в архивах России, Украины и других бывших советских республик. В этой связи можно отметить работы Ш. Фицпатрик, Р. Маннинг, М. Таугера, Д. Пеннер, С. Максудова, Т. Мартина (США), Л. Виолы, Р. Джонсона, Дж. Харриса, П. Соломона (Канада), Ш. Мерля (Германия), А. Грациози (Италия), С. Уиткрофта (Австралия), Ю. Таниучи (Япония), Р. Дэвиса (Англия) и других ученых, в которых использован конкретно-исторический материал о коллективизации, раскулачивании, спецпереселенцах, «лишенцах» не только архивов Москвы, но и других регионов страны [200, 115, 403, 210, 368, 291, 289, 252, 146, 185, 294]. Репрессии, принуждение и насилие во всевозможных формах, введенные в ранг государственной политики, активно исследуются историками во всех регионах России. Это диссертационные работы О. Н. Шашковой, С. В. Карлова, М. И. Варфоломеевой, С. А. Головина, С. В. Кудрявцева, С. С. Багovieвой, А. В. Семено, В. С. Мильбаха и других, посвященные различным сторонам и аспектам репрессивной политики сталинской эпохи. В них наряду с характерными явлениями исследуются и региональные специфические аспекты, особенности проведения репрессий, вызванных социально-экономическими и другими факторами [438, 433, 440, 458, 432, 452, 428, 445, 436, 457, 459].

В 1990–2000-е гг. были изданы работы российских исследователей, в которых были предприняты попытки комплексного освещения репрессий в Сибири. На материалах Сибири советская историография пополнилась серьезным исследованием Н. Я. Гущина, в котором освещается классовая борьба в деревне и политика ликвидации кулачества как класса [188]. В этой работе обоснованы предпосылки и необходимость социалистического преобразования сельского хозяйства и изменения политики в отношении «кулака», раскрывается сущность и направление этой политики. В работе В. Н. Уйманова приведены данные о массовых депортациях сибирских крестьян, крупных крестьянских мятежах в районах спецпоселений, отдельных репрессивных акциях НКВД на промышленных предприятиях Томска и в сельских районах. Автором подробно освещены механизмы осуществления репрессий, способы фабрикации обвинений, процедура следствия и судопроизводства [259]. В монографии С. А. Папкина представлены характер и основные этапы репрессивной сталинской политики в условиях Сибири. На широкой источниковой базе предпринята попытка восстановления обобщенной картины карательных действий большевистского режима в отношении различных групп населения и оппозиционных сил, исследован процесс формирования системы ГУЛАГа [235]. Видными российскими учеными (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, А. Г. Вишневский, А. К. Соколов, О. В. Хлевнюк, И. В. Павлова и др.) были предприняты попытки создания концептуально целостной модели эпохи Великого перелома [184, 175, 264, 233, 177, с. 83, 223]. Для работ Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Д. А. Волгогонова был характерен подход, утверждающий, что массовые политические репрессии явились отступлением И. В. Сталина и его ближайшего окружения от принципов построения социализма, провозглашенных В. И. Лениным. Во многом противоположную точку зрения занял Р. А. Медведев. В его исследовании анализируется прежде всего социально-политические и экономические условия, породившие сталинизм как общественное явление, без привязки к свойствам одной личности.

Другой подход представляет собой направление в отечественной историографии, сформировавшееся под влиянием западных исследований советского общества периода сталинизма. Представителями этого направления являются А. В. Антонов-Овсеенко, В. М. Кириллов, А. Н. Яковлев и некоторые другие, не отделявшие репрессии от политического режима, при котором они осуществлялись. Методологическим подходом при анализе фактического материала для них стала теория тоталитаризма. В научный оборот был введен целый пласт архивных источников, благодаря открытию доступа к материалам партийных и государственных архивов, архивов ФСБ, МВД [153, 209, 277, 402].

В работах Б. В. Базарова, Л. В. Кураса, Б. Б. Батуева, Ю. П. Шагдурова, Л. А. Зайцевой, Л. Б. Жабаевой, Е. С. Митыповой и других представлен значительный массив архивного материала, ранее не вовлеченного в научный оборот, что позволило авторам осветить важные вопросы истории политических репрессий в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. [301, 157, 362, 201, 196, 226, 371, 193, 194]. В 2000 г. была издана монография Б. В. Базарова и Д. Д. Намнанова, посвященная становлению и развитию национальных воинских формирований в период политических репрессий в Бурятской кавалерийской бригаде РККА в 1937–1938 гг., когда арестам и суду по политическим мотивам подверглись и командный состав, и рядовые красноармейцы [157].

В региональной историографии получило развитие направление, посвященное анализу создания и развития тюремно-лагерной системы. В работах Л. В. Кураса, Т. О. Гусаровой, С. П. Суша содержатся данные о численности осужденных за контрреволюционные преступления, материалы о функционировании исправительно-трудовых лагерей, количестве заключенных и ссыльнопоселенцев и т. д. Исследование этой тематики тесно связано с механизмами тоталитарного режима, оно открывает возможности для выяснения сущности самого террора, его мотивов и последствий [219, 363, 187]. В работах Б. В. Базарова, Г. Д. Басаева, Л. Б. Жабаевой, С. В. Балдано (Кириченко) характеризуются репрессии в отношении интеллигенции Бурятии, анализируется их негативное влияние на

художественную культуру республики [160, 163, 307]. Вопросам социального протеста и вооруженных выступлений крестьянства в период коллективизации в Бурят-Монгольской АССР посвящена работа Д. Л. Доржиева, в которой раскрываются формы и методы кампании раскулачивания. Однако автор придерживается ранее принятых взглядов на дифференциацию крестьянства в конце 1920-х гг., не подвергая анализу взаимосвязь процессов лишения избирательных прав и раскулачивания [194].

Достаточно подробно изучены репрессии против граждан польской, немецкой национальностей, жителей прибалтийских республик. В исследованиях по этому вопросу выясняются масштабы насильственных переселений, кампании массовых арестов, изучаются их политический и социальный контекст. Значительный интерес представляют исследования В. Ю. Башкуева и Л. П. Сагановой, связанные с депортацией народов и спецпоселением в Бурятии, в которых раскрыты такие аспекты, как функционирование режима (спецпоселение), методы надзора за спецконтингентом со стороны администрации, повседневная жизнь на спецпоселении в Бурят-Монголии и другие [451, 304, 164, 397, 396].

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. вышел ряд работ, освещавших историю взаимоотношений государства и религиозных конфессий Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. Их авторы — Е. С. Митьпова, А. А. Данзанова, И. С. Цыремпилова, В. М. Митьпов, Л. В. Занданова — рассматривали историю взаимоотношений религиозных конфессий в регионе в контексте репрессивной политики Советского государства. В работах раскрыт механизм проведения антирелигиозной политики государства в 1930-е гг. по отношению к представителям духовенства [227, 190, 269, 225, 338]. В трудах постсоветского периода ощущается принципиально иной, отличный от выработанного советской исторической наукой взгляд на проблему репрессивной политики государства. В этот период были защищены кандидатские диссертации В. К. Тушемилова, Э. Б. Цыжипова, Д. А. Доржиевой, и других, посвященные изучению репрессивной политики в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. [453, 456, 434].

Интересный материал по истории репрессивной политики советского государства представлен в многотомных изданиях: «История Бурятии» в трех томах, «Энциклопедия Забайкалья» и других [122, 498].

Научная литература *второго направления* связана с процессом реабилитации. Особенностью этого направления является преобладание работ историко-правового характера, а также трудов о развитии общественного движения по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. Импульс к освещению проблемы политической реабилитации был дан в трудах зарубежных исследователей истории СССР 1930-х гг. Начало изучению политической реабилитации в СССР положил американский социолог Л. Лабедз, статья которого была опубликована в 1963 году [290, 293, 292]. Одним из первых обобщенных исследований процесса реабилитации, переведенных на русский язык, стала книга Н. Адлер, в которой основное внимание уделено социальной адаптации вернувшихся из ГУЛАГа жертв политических репрессий [151]. Работы Ж. Боффа, Л. Шапиро, Р. Конквеста, А. Г. Авторханова большей частью опирались на комплекс воспоминаний бывших узников лагерей и содержали помимо ценной информации ряд неточностей [143, 144]. Недоступные вначале для отечественных исследователей, эти работы были переведены на русском языке в конце 1980 — начале 1990-х гг.

В этот же период были опубликованы исследования Н. Каткова, Б. Попова, Л. Комарской, В. Туйкова о реабилитации жертв политических репрессий. Предметом изучения стали такие проблемы, как внутривластная борьба, механизм принятия политических решений, персональная роль советских руководителей в начатых преобразованиях [355, 390, 357, 404]. Особое значение для понимания представленной темы имеет работа Р. Г. Пихоя, в которой автор, опираясь на обширный пласт архивных источников и воспоминаний, объясняет переход от репрессий к политике реабилитации борьбой за власть между Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым и утверждает, что политика реабилитации во второй половине 1950-х гг. использовалась исключительно как инструмент борьбы с политическими конкурентами. Автор также подчеркивает, что после смерти

И. В. Сталина в ходе борьбы за власть между его преемниками возросло влияние партии и снизился вес «силовых» ведомств [237]. В этом же контексте особый интерес представляет статья В. П. Наумова, в которой указано, что элементы борьбы за власть, несомненно, присутствовали в процессе разоблачения сталинских репрессий, но решающим фактором они стали «не до, а после XX съезда» [375].

В начале 2000-х гг. предметом исследования стали правовые аспекты реабилитации. Защитили диссертации В. И. Антонов, Г. З. Климова, А. Г. Петров, С. А. Бетров, представившие комплексный анализ правоприменительной практики реабилитационной законодательной базы [427, 439, 449, 431]. Ведущее место в проведении историко-правового анализа процесса реабилитации занимает работа А. Г. Петрова [236], целью которой является определение эффективности функционирования института реабилитации жертв политических репрессий в современной России. По мнению автора, реабилитация жертв политических репрессий — многоуровневый, многогранный и системный процесс. В структуру института реабилитации жертв политических репрессий входят следующие элементы: основание для реабилитации, субъекты права на реабилитацию, порядок реабилитации, правосстановительные и компенсационные меры. Представленное автором разделение видов реабилитации на юридическую, политическую, материальную и моральную позволило нам в настоящем исследовании сделать акцент на юридическую реабилитацию как основной ее вид.

Среди работ, относящихся ко второму направлению, значительное место занимает литература правозащитной тематики, поскольку она наиболее четко освещает проблему прав человека, в том числе в периоды проведения репрессивной политики и реабилитации. В числе первых работ, в которых были предприняты попытки систематизировать сведения о развитии инакомыслия в СССР, труды Л. М. Алексеевой и А. А. Данилова [152, 191].

Работ, в которых тема реабилитации рассматривается в совокупности с темой увековечения памяти жертв политических репрессий, единицы. Есть вступительные разделы и статьи в книгах памяти, выступ-

ления представителей общества «Мемориал», отчеты комиссий по реабилитации при Президенте Российской Федерации и т. д. Истоки представленной тематики анализируются в работе Н. Адлер, в которой реконструирована история создания общества «Мемориал», рассмотрен вклад данного общества в разработку реабилитационного законодательства; обобщен процесс реабилитации в фокусе деятельности общественных, правозащитных организаций [142, 150].

История общественного движения по увековечению памяти жертв политических репрессий в рамках реабилитационной политики получила освещение в монографическом исследовании Е. Г. Путиловой [240]. В нем также приведено немало ценных сведений о состоянии, уровне, качестве защиты прав и свобод лиц, незаконно репрессированных по политическим мотивам в годы советской власти. Серьезный вклад в изучение представленной темы внесли материалы научно-практических конференций, семинаров и круглых столов. Важный аспект затронут в статье Л. А. Лягушкиной, где Книга памяти рассмотрена как исторический источник. Исследователь сравнивает степень ее информативности с архивными материалами, а именно со следственными делами жертв политического террора, которые в большинстве случаев и ложатся в основу Книги памяти. В статье сделан вывод о том, что следственные дела содержат полную биографическую информацию. Однако позволим себе не согласиться с этим утверждением, так как информация в следственное дело заносилась со слов репрессированного, и очень часто с ошибками. На наш взгляд, данные анкет и протоколов следственных дел нуждаются в дополнительной проверке. Соответственно, представленные краткие биографические данные книг памяти могут быть недостаточным основанием для построения базового социального портрета жертв политических репрессий.

Имеющиеся историографические работы как российских, так и зарубежных исследователей во многом освобождают нас от подробного анализа большого массива литературы по теме исследования и дают возможность перейти к выводам.

Анализ научной литературы *первого направления* демонстрирует, что тема политических репрессий стала самостоятельным объектом

научного исторического знания. Ее изучению посвящено большое количество специальных исследований, а круг рассматриваемых проблем отражает широкий спектр отношений между советским государством и обществом. Характерной особенностью историографии репрессий на разных этапах является отсутствие однозначной оценки происходящих событий, односторонность не только в освещении фактов и оценок, но и в умолчании целого ряда явлений и сторон репрессивной политики. При этом качества, снижающие научную ценность советского историографического наследия, одновременно наделяют его свойствами источника, отразившего официальную политику и действия власти. Что касается работ постсоветского периода, то их ценность заключается во введении авторами в научный оборот значительного комплекса документальных и архивных материалов, использовании новых подходов и исследовательских методов, переосмыслении политической истории 1920–1930-х гг. Вместе с тем наиболее важный нормативно-правовой аспект зачастую оставался за пределами исследовательского поля, хотя трагические события, произошедшие в нашей стране в годы «великого перелома», имели формально-юридическое и нормативно-правовое обоснование. Больше внимания исследователи уделяли анализу отдельных периодов, не давая целостной характеристики нормативно-правовой основы политических репрессий, не всегда полно представляя репрессии в административной и уголовной формах.

Анализ литературы *второго направления* позволяет сделать вывод, что работ научного характера, анализирующих взаимодействие государства и общественного движения в ходе реализации реабилитационной политики и увековечения памяти жертв политических репрессий, крайне мало. На наш взгляд, слабо изучены такие вопросы, как история реабилитационной политики в Советском Союзе, развитие реабилитационного законодательства, история общественно-политического движения по защите прав и увековечиванию памяти жертв политического террора. Хотя нельзя отрицать и тот факт, что создан определенный массив отечественной и зарубежной

научной литературы, так или иначе соприкасающийся с темой нашей монографии.

Таким образом, результаты предшествующих научных работ, несмотря на обширный фактический материал и тщательную разработку отдельных аспектов, не дают завершенной картины по освещению исторического опыта трансформации государственно-общественных отношений в период репрессивной и реабилитационной политики в Бурятии. В региональной историографии представленная проблема не стала предметом самостоятельного исследования. Есть основание утверждать, что данная работа восполнит неосвещенные ранее аспекты этой важной темы.

Исследование охватывает период с 1920-х по 2010-е гг. Нижняя граница связана с проведением в Бурят-Монголии масштабных репрессий с беспрецедентными последствиями. Верхние временные рамки распространяются на современный период, когда в России и в Бурятии в том числе набирают силу процессы реабилитации жертв политических репрессий и увековечения их памяти.

В течение исследуемого периода ее административно-территориальные границы подвергались изменениям, в соответствии с которыми менялось название (Бурят-Монгольская АССР, Бурятская АССР, Республика Бурятия). В административном, политическом и экономическом отношении республика представляет собой единое пространство — государственно-национальное образование в составе Российской Федерации. Реабилитация и увековечение памяти жертв политических репрессий в регионе проводились и проводятся в русле общесоюзной и общероссийской политики.

В процессе работы над темой был использован широкий корпус документов различного происхождения, включающий в себя опубликованные и не публиковавшиеся ранее архивные материалы. По содержанию и характеру информации источники можно разделить на несколько групп: законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическая печать, материалы личного происхождения. Как опубликованные, так и неопубликованные материалы включают в себя эти группы.

Наиболее важную группу источников составляют неопубликованные материалы из фондов федеральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), архива Управления федеральной службы безопасности по Республике Бурятия (УФСБ по РБ), Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия (ИЦ МВД по РБ). В работе над диссертацией изучены и проанализированы материалы 21 фонда, содержащиеся в 3 294 единицах хранения.

Неопубликованные нормативные документы — приказы и инструкции, имевшие признаки законодательных актов, распространявших действие на население Советского государства, — содержат сведения о нормативно-правовой базе, об изменениях, внесенных в законодательство посредством принятия секретных указов и инструкций, а также правоприменительной практики в условиях проведения политики репрессий. Они хранятся в ГАРФ (Ф. Р-9492 «Министерство юстиции СССР» (1936–1956) и Ф. Р-8131 «Прокуратура СССР» (1924–1991). Для этих фондов характерными документами являются: приказ Прокурора СССР в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» от 27 мая 1939 и «О подготовке к уборке урожая и заготовкам с/х продуктов в 1939 г.» от 28 мая 1939 г. [7, л. 239–239 об.], циркуляр Прокуратуры СССР «О проведении репрессий против лиц, укрывающих скот от учета» 1 июля 1935 г. [5, л. 121].

Делопроизводственные документы из фондов правоохранительных органов и органов судебной власти: Ф. Р-9479 «4-й спецотдел Министерства внутренних дел СССР» (1931–1959) (ГАРФ); Ф. Р-465 «Прокуратура Республики Бурятия» (1922–1991) (ГАРБ); Ф. Р-531 «Военный трибунал Забайкальского военного округа» (1932–1941) (ГАЗК); Ф. 013 «Коллекция личных дел кулаков» (1926–1935) (ОСФ ИЦ МВД по РБ). Примерами делопроизводственных материалов могут служить: приказ Прокурора СССР

А. Я. Вышинского от 8 октября 1937 г. [5, л. 121]; «Протокол допроса» [4, л. 9], «Протокол комиссии Политбюро по делам о высшей мере социальной защиты от 8 июля 1932 г.» [52, л. 77–79], «Протокол комиссии Политбюро о спецпереселенцах от 26 января 1932 г.» [26, л. 27]; «Отчет о работе специального сектора Прокуратуры БМАССР» [25, 167–169], «Агентурное сообщение Бурят-Монгольского областного особого отдела ОГПУ от 6 июля 1931 г.» [52, л. 29–97]. Анализ этих и многих других документов позволил выявить особенности правоприменения репрессивного законодательства, проследить принятие и изменение планов и контрольных цифр по арестам, извлечь статистические данные по количеству людей, подвергшихся репрессиям.

Из Ф. П-1 «Бурятский реском Коммунистической партии (КП) РСФСР, г. Улан-Удэ Бурятской ССР» (1921–1991) (ГАРБ) были извлечены сведения о методах проведения репрессий в административной форме во время раскулачивания и коллективизации в Бурятии. В документах фонда, например в делах 1314, 1428 первой описи, содержатся данные о нарушении советских законов и «перегибов» во время налоговой кампании, использовании налоговой системы для запугивания сельских жителей. Документы Ф. П-3 «Читинский областной комитет КП РСФСР (обком)» (1937–1991) (ГАЗК) содержат копии протоколов допросов и переписку партийных структур с силовыми органами по поводу арестованных членов партии, например «Протокол допроса А. С. Шодонова» [54, л. 77–79].

Из документов высших партийных органов особого внимания заслуживают протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС, материалы к постановлениям, а также материалы работы комиссий ЦК КПСС, специально созданных для изучения истории репрессий и проведения реабилитации. Большой интерес представляют данные из Ф. 17 «Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС)» (1898–1991) (РГАСПИ), которые содержат информацию из переписки партийных органов с правоохранительными структурами по поводу ареста членов партии, характеристики арестованных, мате-

риалы, компрометирующие членов партии (так называемые «компрометирующие досье»).

Приоритетность использования указанных видов документов обусловливается тем, что советское государство по своей сути являлось партийным, и вся его деятельность, включая социально-экономические и общественно-политические преобразования, определялась исключительно решениями и конкретными действиями Коммунистической партии, а также тем, что значительная и наиболее важная часть документов правоохранительных органов и учреждений в обязательном порядке направлялась в виде копий в республиканский обком ВКП(б)/КПСС.

Большой пласт *статистических материалов* выявлен в уголовных делах, хранящихся в архиве Управления Федеральной службы безопасности по Республике Бурятия. Фонды этого архива содержат материалы следственных дела граждан, подвергшихся репрессиям по политическим мотивам. Анализ содержания документов позволяет выявить сведения о методах работы органов НКВД, дать оценку правовой основе работы внесудебных органов, оценить доказательную базу предъявленных обвинений, охарактеризовать с точки зрения законности действия сотрудников правоохранительных органов. Были обработаны и систематизированы более 15 000 анкет из уголовных дел архива УФСБ по РБ, что позволило подготовить и издать семь томов Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия, в которые вошли списки 12 753 человек. В период подготовки диссертации была осуществлена работа по определению аналитических возможностей применения методов компьютерного моделирования в исторических исследованиях. Это позволило проанализировать ресурсные возможности выявленных документов и приступить к созданию электронной базы данных «Книга памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия». Анализ представленной информации по заданным критериям позволил определить количество осужденных, половозрастной состав лиц, подвергшихся репрессиям, социальный и имущественный статус, семейное положение, род занятия и профессию, образование и т. д. Эти данные сделали возможным выявить динамику репрес-

сивной политики по годам, а также представить географию репрессий по районам/аймакам республики.

Выявить количество репрессированных в форме административных преследований в Бурят-Монгольской АССР и определить специфику данного вида репрессий позволил анализ документов Ф. 013 «Коллекция личных дел кулаков» (1926–1935) (ОСФ ИЦ МВД по РБ). Сведения, выявленные в фонде, позволяют не только проследить особенности реализации политических репрессий в административном порядке, но и сделать выводы об их масштабах. С помощью методов компьютерного моделирования составлен список подвергшихся репрессиям, включающий 1 223 чел., и на его основе создана электронная база репрессированных в административном порядке. Особенностью представленной информации является возможность прикрепления к каждой фамилии цифровой копии материалов уголовного дела, что увеличивает доступность архивных документов для всех заинтересованных в представленной проблеме. В документах *общественных организаций* содержится информация о деятельности по увековечению памяти жертв политических репрессий: протоколы участия в проектах и конкурсах, решения правления об организации митингов, памятных вечеров, научных конференций, уроков памяти. Из протоколов заседаний правления, обращений и других документов мы узнаем об основных видах деятельности Бурятской ассоциации жертв политических репрессий.

К особой группе источников относятся воспоминания непосредственных участников исторических событий, беседы с детьми и родственниками жертв политических репрессий, интервью с членами Бурятской ассоциации жертв политических репрессий, полученные в результате совместной деятельности. *Источники личного происхождения* позволили уточнить ряд событий и описать бытовые условия содержания политических заключенных в следственных изоляторах, тюрьмах, лагерях и местах ссылки.

Опубликованные документы, как и неопубликованные, также подразделяются на группы. Важным источником в исследовании выступили *законодательные материалы*. Большинство законодательных и нормативных актов систематизированы и опубликованы

в сборниках документов, позволяющих проследить переход от репрессий к реабилитационной политике и развитие реабилитации на современном этапе [110, 111, 78, 109, 108, 79, 107, 77, 102].

Толчком к созданию репрессивного законодательства стало принятие следующих документов: декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности» (1918), Уголовный кодекс РСФСР (1922), Уголовный кодекс РСФСР (1926), постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (1930), постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (1932), постановление ЦИК «О порядке ведения дел» (1934), приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» (1937), оперативный приказ НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» (1937), оперативный приказ НКВД «О репрессировании жен изменников Родины» (1937). Данные документы регламентировали полномочия и деятельность правоохранительных органов и прописывали порядок и механизм реализации репрессивной политики в том числе и на территории Бурятии.

Формирование реабилитационной политики прослеживается в следующих законодательных документах: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (1938), указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» (1953), постановление Президиума ЦК КПСС «О создании партийных комиссий по пересмотру дел осужденных, отбывающих наказание в лагерях» (1956), приказ Министерства финансов и КГБ СССР «О порядке расчетов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества» (1956 г.), декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» (1989 г.), указ Президента СССР М. С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х гг.» (1990 г.), Закон РФ «О реабилитации»

(1991) [477], Закон Республики Бурятия «Об отдельных полномочиях органов государственной власти Республики Бурятия» от 17 декабря 2004 г. [484], «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» от 15.08.2015 г. № 1561-р [486], федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечением памяти жертв политических репрессий» от 09.03.2016 г. № 67-ФЗ [471], позволяющие рассмотреть эволюцию реабилитационной политики с 1991 г. по настоящее время.

Опубликованные источники включают в себя комплекс *документальных публикаций*: тематические сборники и книги памяти жертв политических репрессий. В 1989 г. был опубликован сборник «Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг.» [75]. В сборнике, в первую очередь, отражены документы, воспроизводящие официальную линию партии, например «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) "О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии"» [75, с. 387–394]. В данной работе составители попытались отойти от старых стереотипов и по-новому оценить события того времени. Благодаря рассекречиванию некоторых фондов государственных, ведомственных и бывших партийных архивов стала возможной публикация материалов о репрессиях в 1920–1930-х гг. как в периодической печати, так и в тематических сборниках документов.

В 1998 г. началось издание многотомной документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД (1918–1939)» [112], тогда же был опубликован сборник документов «От ВЧК до ФСБ (1918–1998)» [99]. В этих сборниках получили огласку рассекреченные документы внутреннего делопроизводства правоохранительных органов, например, доклад контрреволюционного отдела ОГПУ «Предварительные итоги оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в деревне с 1 января по 15 апреля 1930 г.» [112]. В середине 1990-х гг. получили распространение международные научные проекты по изданию архивных материалов с участием научных и учебных учреждений США, Канады, Франции, Австралии, Англии, Италии и других стран. Так, в 1996 г. в Италии на русском и ита-

льянском языке был издан сборник документов «Красная Армия и коллективизация деревни (1928–1933 гг.)» [89], в 2005 г. Гуверовским институтом войны, революции и мира (США) — «История Сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х гг.» в 7 томах и другие [79, 80, 81, 82, 83, 84, 85].

Крупным событием явилось издание пятитомной серии документов и материалов «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939» [115], ставшее итогом работы исследователей РГАЭ, ИРИ РАН, ЦА ФСБ России, ГАРФ, РГВА, Университета Торонто (Канада), Университета Мельбурна (Австралия), Бирмингемского университета (Великобритания), Московской высшей школы социальных и экономических наук. Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулацких семей» 10 апреля 1930 г. [115, т. 2, с. 381–382], Протокол совещания в СОУ ОГПУ с полномочным представителем ОГПУ по Уралу, Сибири и Северному краю «По борьбе с бегством кулаков с мест высылки» 5 июля 1930 г. [115, с. 521–529]

На основе материалов государственных и партийных архивов сотрудниками Сибирского отделения РАН был подготовлен и издан ряд документальных сборников: «Спецпереселенцы в Западной Сибири», «Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927–1937 гг.)», «Восточный вектор переселенческой политики в СССР. Конец 1920-х — конец 1930-х гг.». Плодом совместной работы сотрудников РГАЭ, ЦА ФСБ России, ИРИ РАН, Сибирского отделения РАН явился сборник документов в двух книгах «Политбюро и крестьянство. Высылка и спецпоселение. 1930–1940» [113, 114, 87, 72, 100, 101]. В перечисленных сборниках был опубликован большой объем документов, касающихся, в первую очередь, раскулачивания и организации спецпоселений, например, распоряжение Западно-Сибирского крайисполкома и ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю «О мерах по улучшению санитарно-бытовых условий спецпереселенцев» 27 ноября 1931 г. [114], «Протокол комиссии Политбюро о спецпереселенцах» 26 января 1932 г. [100]

Справедливо будет сказать, что объединенными усилиями исследователей была создана научно-историческая и источниково-

археографическая база для написания обобщающих трудов о репрессивной политике советского государства.

В 2003 г. в Бурятии был опубликован сборник документов под названием «Лишены избирательных прав» [92]. Этот труд содержит массив документов, отражающих работу избирательной системы: циркуляры, инструкции, положения, протоколы заседаний избирательных комиссий разных уровней, обращения граждан с просьбой исключить из списков так называемых «лишенцев» и т. д. Например, «Заявление Трубачеева М. Н. в Эхирит-Булагатскую аймачную избирательную комиссию» 26 декабря 1926 г. [92, с. 26], «Циркуляр Центризбиркома БМАССР об избирательных правах служителей религиозного культа» 21 января 1927 г. [92, с. 28], «Заметка в редакцию газеты "Бурят-Монгольская правда"»: в школах занимаются лишенцы» 16 марта 1929 г. [92, с. 53]

Что касается вопроса об увековечении памяти жертв политических репрессий, то одним из важнейших историографических источников по данной проблеме стали книги памяти, которые начали издаваться с 1990-х гг. общественными организациями страны при поддержке Правительства России. Правительством Республики Бурятия, Прокуратурой Республики Бурятия, Бурятской ассоциацией жертв политических репрессий, Бурятским госуниверситетом подготовлены и изданы семь томов «Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» [125, 126, 127, 128, 129, 130, 131]. Материалы для Книги почерпнуты авторами из протоколов заседаний Верховного суда, уголовных дел архива УФСБ, заключений Прокуратуры Республики Бурятия, в состав которых вошли нормативные акты репрессивного характера, письма, заявления, протоколы допросов репрессированных, ордера, анкеты арестованных, протоколы обысков, приговоры, определения и заключения, по уголовным делам. В шестом и седьмом томах Книги памяти один соавтор этой монографии выступил в качестве одного из составителей.

Все перечисленные публикации значительно расширили источниковую базу проблемы.

Сведения уточняющего характера были взяты из официальных статистических сборников [141, 169, 170, 230]. В них отражены данные о

количестве населения, национальном составе, территориальные показатели, сведения о количестве осужденных, а также показатели, свидетельствующие о преобразованиях, проводимых в деревне, в частности, сведения о расслоении крестьянского населения.

В материалах периодической печати нашли отражение действия партийных деятелей, общественные дискуссии по вопросам реабилитации жертв политического террора и другие стороны изучаемой темы. Проведенный анализ газет «Бурят-Монгольская правда» (1923–1934 гг.) и «30 октября» (2004–2007 гг.) позволил дополнить оценку общественной обстановки в СССР во времена массовых политических репрессий, рассмотреть отдельные аспекты общественной дискуссии по вопросу реабилитации жертв политических репрессий.

К опубликованным источникам следует отнести издания мемуарного характера, включающие воспоминания жертв политических репрессий. Их сведения представляют большую ценность для прояснения мотивов и особенностей кампаний массовых арестов, выявления структуры, форм и динамики карательной пенитенциарной системы, анализа положения заключенных. В конце 1980-х — 1990-е гг. были опубликованы воспоминания бывших заключенных сибирских лагерей: И. А. Картель, В. И. Сизова, Т. М. Хитаровой, П. И. Белых, Л. Е. Алина и др. [139, 137, 136, 140].

Подводя итоги анализа источниковой базы, можно отметить объемность и добротность комплекса первичных источников, позволяющего воссоздать историю репрессий и процесс реабилитации в Республике Бурятия. Однако изученные источники разнородны по происхождению, функциональной направленности, уровню объективности и имеют ряд особенностей. Эти документы находятся в «смешанных комплексах», располагаются хаотично, заголовки не всегда в полной мере отражают содержание самих дел, иногда некорректно проставлена нумерация листов, устарело или отсутствует предисловие. Часть материалов оказалась утраченной, часть намеренно ликвидированной. Стоит отметить недостаточную полноту и отрывочность сведений по теме, обусловленные зачастую низким уровнем делопроизводственной культуры в 1920–1930-е гг. Многие

документы 1920-х гг. создавались на некачественной бумаге (тетрадные листы, бывшие в употреблении бланки, обрывки бумаг), некачественными чернилами или карандашами, которые за время хранения затерлись до нечитабельного состояния. Нередко документы одного типа, хронологически продолжающие или дополняющие друг друга, представлены фрагментарно и разбросаны по разным делам и фондам. Нередки случаи противоречивости и несопоставимости разных документов и материалов. Большая часть информации о процессе реабилитации раздроблена и разнесена по документам разных архивов и фондов. Тем не менее изучение исторических источников позволило охарактеризовать развитие реабилитационного законодательства по защите прав жертв политических репрессий в Бурятии, выявить трудности зарождения и развития общественно-политического движения по увековечиванию памяти жертв террора.

В целом использование всех видов источников в совокупности дало возможность объемно и в динамике осветить основные аспекты избранной темы и прийти к логичным выводам.

Теоретической основой исследования являются принципы историзма, объективности и научности. Принцип историзма позволил исследовать процесс трансформации государственной репрессированной и реабилитационной политики в динамике, отслеживая изменения с учетом конкретно-исторических условий отдельного региона. Принцип объективности дал возможность провести всесторонний анализ комплекса источников. Такой подход помог не только объективно рассмотреть историческое прошлое репрессивной и реабилитационной политики, но и изучить процесс реабилитации и увековечения памяти жертв репрессий во всей его сложности, многогранности и противоречивости.

Принцип системности способствовал рассмотрению репрессивной и реабилитационной политики как части происходящего в целом по стране процесса становления отношений государства и общества в рамках концепции «новая социальная история». Данная концепция позволила не только проанализировать работу конкретных общественных организаций по увековечению памяти жертв репрессий, но и выявить вклад государственных органов, общественных организаций и отдельных людей в разработку реабилитационного законодательства.

Наряду с традиционными методами исследования был применен метод свободного интервьюирования, позволивший оценить масштаб личной трагедии и удовлетворенность пострадавших граждан реабилитационной политикой на современном этапе. Данный метод применялся при сборе воспоминаний среди членов Ассоциации жертв политических репрессий по Республике Бурятия и их родственников, на основе которых был подготовлен и опубликован сборник воспоминаний «Страницы трагических судеб» [140].

Был применен статистический метод, с помощью которого была выявлена качественная изменчивость исторических процессов и событий через совокупность количественных показателей. Применение статистического метода позволило определить динамику репрессивной политики в республике по годам. Большую роль для нашей монографии сыграл метод компьютерного моделирования, на основе которого была разработана электронная база данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия», позволяющая вести поиск информации о репрессированных по выдвинутым критериям. База данных доступна в тестовом режиме по адресу: <http://kniga1937.bsu.ru>.

Содержащиеся в работе научные положения восполняют пробелы в теоретической базе изучения вопросов реабилитационного законодательства и вносят определенный вклад в изучение форм и методов взаимодействия государства и общественных организаций по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Полученные результаты дополняют научные представления об аналитических возможностях комплексного применения методов компьютерного моделирования в исторических исследованиях, позволяющих расширить фактический материал о гражданах Бурятии, незаконно осужденных по политическим мотивам и преданных забвению, а также в создании публикаций для широкого круга исследователей документов, имеющих важное историческое значение. Материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания курсов региональной истории, при написании разделов учебников и учебных пособий, при составлении тематико-экспозиционных планов и текстов выступления экскурсоводов; а также для изучения правовых проблем, связанных с политической историей Сибири.

Глава 1

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

1.1 Формирование и развитие правовой системы как инструмента репрессивной политики

В массовом общественном сознании политические репрессии ассоциируются с личностью И. В. Сталина и его политикой, которая велась в конце 1930-х гг., в действительности же волна репрессий коммунистического режима началась с момента октябрьского переворота [413]. Зачастую в научных трудах это время характеризуют терминами «беззаконие» и «произвол». Но рассекреченные архивные документы ВКП(б) — КПСС и органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — МГБ СССР говорят об обратном.

В действительности массовые аресты и приговоры по сфальсифицированным делам осуществлялись вследствие прямого поощрения со стороны государства беззакония — это, с одной стороны, фальсифицирование показаний обвиняемых, применение пыток, функционирование неконституционных квазисудебных органов, поощрение и пропаганда доноительства. А с другой, в основе репрессий лежала правовая база, которая создавалась коммунистами и советским правительством на протяжении многих лет.

Период 1920–1930-х гг. оставил след в истории Советской России не только как «торжественное шествие коммунизма», не только как социальные, культурные и технические достижения, широко разрекламированные пропагандой. Это время стало эпохой уничтожения тысяч людей, была выдворена либо физически уничтожена интеллигенция, производилось подавление крестьянских восстаний, невиданным ранее преследованием церкви и прихожан всех тече-

ний. Арестам и отправке в тюрьмы и лагеря подвергались зачастую только из-за того, что человек относился к «неправильной» социальной группе, что, в свою очередь, является признаком геноцида.

Политические репрессии в СССР стали реальны из-за нарушений как минимум двух основополагающих положений уголовно-правовой политики, сформированных мировым прогрессивным обществом за несколько столетий. Первое, суд — единственный орган для совершения правосудия. Второе — человека можно признать виновным только при присутствии в его действии или бездействии состава правонарушения, установленного в законе.

Параллельно с мероприятиями, укреплявшими правовую систему, проходили и мероприятия, направленные на создание «обходных» путей в правоохранительной системе. Обход законодательства осуществлялся путем создания квазисудебных органов или делегирования судебных функций органам исполнительной власти. Эта практика была заложена с самого начала, например, Всероссийская чрезвычайная комиссия была наделена правом осуществлять судебные репрессии декретами СНК «Социалистическое Отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г. и «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г.

В частности, декретом «О красном терроре» были установлены термины «террор» и «концлагерь», вошедшие в юридическую практику. А в постановлении СНК «О набатном звоне» от 30 июля 1918 г. было оглашено следующее: «...прикосновенные лица отвечают перед революционным трибуналом наравне с главными виновниками»; «покушение на совершение ... деяния наказуется как оконченное деяние» [108]. Таким образом, соучастники и лица, покушающиеся на преступление, по тяжести наказания приравнивались к «главным виновникам».

Постановлением от 2 сентября 1918 г. ВЦИК «О превращении Советской республики в военный лагерь» вводилась всеобщая трудовая повинность. Все граждане обязывались участвовать в работах по укреплению обороноспособности страны. «Положение о всеобщей трудовой повинности» было закреплено в Кодексе законов о труде от 10 декабря 1918 г. Постановлением ВЦИК «О лагерях при-

нудительных работ» [110, с. 192–197] от 15 апреля 1919 г. были учреждены лагеря, подчиняющиеся не Наркомату юстиции, а Наркомату внутренних дел и ВЧК.

На 25 ноября 1919 г. в России насчитывался 21 лагерь, в них содержалось 16 тыс. человек. К концу 1920 г. количество лагерей принудительных работ выросло до 84 с контингентом в 59 тыс. человек [401, с. 63–69]. Согласно «Инструкции о лагерях принудительных работ» содержались «обвиняемые в спекуляции, саботаже, преступлениях по должности, заведомые угнетатели, эксплуататоры труда и приверженцы... буржуазного и царского дворянского строя» [110].

Следовательно, в первый год советской власти, то есть сразу после вооруженного захвата власти 1917 г. и до конца 1918 г., источниками права в Советской России являлись приказы народных комиссариатов, декреты всероссийских съездов Советов, ВЦИК и т. д. С первых дней большевики начали вводить в официальное употребление резкие, пробуждающие ненависть словесные обороты для навешивания ярлыков своим врагам. Например, декретом Совета народных комиссаров «Об аресте вождей Гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 г. было внесено понятие «враг народа» [108, с. 6], так называли правых кадетов.

Инструкцией Наркомата юстиции «О революционном трибунале...» от 19 декабря 1917 г. было провозглашено, что революционный трибунал при выборе наказания должен руководствоваться наравне с обстоятельствами дела и законом «велениями революционной совести» [110, с. 181].

К 1922 г. прошел этап так называемого «стихийного» правотворчества. Правоохранительная система в целом была создана, был дан отпор интервентам и выиграна гражданская война, но органы, имеющие полномочия на внесудебную расправу, не были ликвидированы.

На смену пришел другой этап, на котором произведена кодификация советской правовой системы. В это время создаются Кодекс законов о труде, Земельный, Гражданский и Уголовный кодексы РСФСР. Кодекс о труде 1922 г. отменил всеобщую трудовую обя-

занность, введенную в 1918 г., и допустил возможность свободного найма рабочих. В то же время в Уголовном кодексе и других законодательных актах сохранилась классовая дискриминация. Об этом говорит декрет «Об административной высылке», который издал ВЦИК 10 августа 1922 г. В декрете говорилось о том, что для изоляции контрреволюционных элементов следует применять высылку в административном порядке из пределов государства либо в определенные местности РСФСР. Решение о высылке было поручено Особой комиссии при НКВД РСФСР» [432, с. 16].

Стоит обратить внимание на то, что в документе нет упоминания о суде и судебных инстанциях, о его независимости и справедливости. В роли суда выступали государственные органы от исполнительной власти, судьба миллионов граждан зависела от решений партийного руководства и органов ОГПУ — НКВД СССР.

В процессе решения профессиональных задач между структурами ВЧК и НКВД усилилась конфронтация, которая привела к открытому конфликту двух силовых ведомств. В 1919–1920 гг. многократно возникала потребность о включении ВЧК в структуру наркомата, что было рационально с точки зрения оперативного взаимодействия и по причине ассигнования чрезвычайной комиссии из сметы НКВД. Однако включить ВЧК в состав наркомата так и не удалось. В начале февраля 1922 г. чрезвычайная комиссия прекратила свое существование, а вместо нее в составе Наркомата внутренних дел образовалось Государственное политическое управление (ГПУ), которое просуществовало в системе НКВД до конца 1923 г.

После образования СССР и создания в 1923 г. Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР органы ГПУ перешли в подчинение ОГПУ и утратили связь с Наркоматом внутренних дел. Таким образом, многократные попытки руководителей НКВД установить контроль над ВЧК, а затем над ГПУ не завершились успехом. Более того, в 1930-х гг. в связи с упразднением НКВД РСФСР из юрисдикции Наркомата внутренних дел была выведена милиция, которая попала под полный оперативный контроль ОГПУ.

Проблемам организации НКВД большевики уделяли повышенное внимание. На первом этапе становления государства этот институт рассматривался как основной орган защиты власти.

Исторически обстоятельства сложились так, что Наркомат внутренних дел не захватывал власть, она ему была делегирована с момента создания Советского государства. Советская империя работала только при силовом воздействии правоохранительных органов, которые исполняли заказ коммунистической власти.

В начале 1920-х гг. в нарождавшейся партийно-политической элите господствовало представление о доминировании политических решений над правовым механизмом функционирования власти, в том числе судебной. Принципы революционной целесообразности при решении тех или иных практических вопросов преобладали над идеей законности, порождая правовой нигилизм. Например, это наблюдалось при формировании первого советского Уголовного кодекса 1922 г. Ленин писал министру юстиции Курскому: «...т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор: обещать это было бы самообманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас...».

На основе этого документа мы можем сделать вывод о том, что, во-первых, политические мотивы начали превалировать над юридическими формулировками, во-вторых, политика террора, т. е. запугивания собственного народа, превращалась из чрезвычайных мер, применявшихся в ограниченных масштабах, в общегосударственную политику и получала видимость легитимности со стороны государственных органов.

Уголовный кодекс 1922 г. дал определение контрреволюционным преступлениям, перечислил их и определил меру наказания. В Кодексе 17 «контрреволюционных» статей, в 12 из них говорится о высшей мере наказания, всего же в нем 27 расстрельных статей

[243, с. 336]. Кодекс 1922 г. подтвердил необходимость террора и сохранил внесудебное преследование.

К чрезвычайным полномочиям прибавился тот факт, что органы госбезопасности создали систему контроля за настроениями населения и быстро пресекали инакомыслие, не отказываясь от физической расправы. В советских учреждениях, на предприятиях организовывались Бюро содействия органам ГПУ на местах, действовавшие конспиративно в условиях мирного времени.

Подчинение ОГПУ Совету народных комиссаров СССР повысило статус, расширило полномочия и ослабило контроль. Это подтверждал, например, циркуляр от 8 августа 1924 г. «О нераспространении законодательства о труде на некоторые категории сотрудников ГПУ». В нем говорилось: «... Учреждений ГПУ надзор инспекции по труду не должен совершенно касаться» [108, с. 52]. В циркуляре предлагалось дать соответствующие указания инспекторам труда. 15 ноября 1923 г. было утверждено положение об ОГПУ, а 28 марта 1924 г. в дополнение к Коллегии ОГПУ создано Особое совещание, ставшее одним из главных органов внесудебного преследования [108, с. 57–58].

Число антиправовых положений в законодательных актах страны «победившего пролетариата» увеличивалось. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», узаконившее ссылку на срок от 3 до 10 лет для социально опасных граждан, разъясняло, что для решения вопроса о ссылке необязательно совершение какого-то преступления [108, с. 18–19].

Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1926 г. и введен в действие 1 января 1927 г. (действовал до 1960 г.). В УК 1926 г. против врагов советской власти был направлен целый ряд статей и, в первую очередь, знаменитая статья 58 с восемнадцатью подпунктами. По двенадцати пунктам за контрреволюционные преступления грозила высшая мера наказания [243, с. 336–337]. Следует отметить, что УК 1926 г. довел нижний предел возраста уголовно наказуемых до 12 лет. В результате право применения этого кодекса тюрьмы были заполнены малолетними заключенными. Например, в 1927 г.

заключенные в возрасте от 16 до 24 лет составляли 48% общего числа заключенных [425, с. 59–64].

Прошло несколько месяцев после принятия нового Уголовного кодекса РСФСР (1926 г.), как в него начали вносить значительные изменения. 25 февраля 1927 г. вступило в силу общесоюзное положение о государственных преступлениях, куда включались «контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления». 6 июня 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК в Уголовный кодекс 1926 г. была включена глава I, состоящая из двух частей: «контрреволюционные преступления» – ст. 58, пп. 1–14; «особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» ст. 59, пп. 1–13 [108, с. 31–32]. Это постановление определило, что «недонесение о готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев [242, с. 233]. Практика ареста за недоносительство резко увеличила численность подсудимых.

В ст. 58 п. 1 УК 1926 г. говорилось, что контрреволюционным преступлением признается «...всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти...» [131, с. 10]. В ст. 59, п. 1 формулировалось: «Особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признаются те, совершенные без контрреволюционных целей, преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик» [131, с. 12–13].

Тенденция усиления репрессий подкреплялась расширительным интерпретированием расплывчатых формулировок в теории и на практике, прежде всего, понятия «контрреволюционное преступление». Юристы уже в 1929 г. высказывали серьезную обеспокоенность по поводу первых практических результатов использования нового кодекса. Правоведы отмечали, что преступления, имевшие бытовой характер, нередко безосновательно политизировались.

Одновременно к 1929 г. сформировались «предпосылки для учреждения нового поколения несудебных органов. В этот период были впервые сформированы особые, внесудебные органы, так

называемые «тройки» по раскулачиванию и выселению кулацких семей, функцией которых стало проведение репрессивных мероприятий в районах сплошной коллективизации. Внесудебные органы образовывались вначале в центре, а затем с 1930 г., в краях, областях и районах (аймаках). Начали прорисовываться общие черты репрессивной системы — системы узаконенного государственного произвола. Функции судебной власти были захвачены органами исполнительной власти и партийным руководством.

Если в середине 20-х гг. XX в. функции «троек» состояли в быстром подавлении уголовного бандитизма, обходясь тем самым без судебных органов, то с 1929 г. масштаб деятельности «троек» кардинально возрос: они стали применяться для оперативного вынесения приговоров большим категориям противодействующих «кулаков» и уголовных элементов, появившихся в результате коллективизации и бегства крестьян со своего места жительства [169, с. 180, 208, 216]. Но самую значимую роль они сыграли в период Большого террора 1937–1938 гг.

В ходе расследования правоохранительные органы все больше ориентировались на политическую конъюнктуру, а не на действующее законодательство. Например, председатель Совета народных комиссаров А. И. Рыков в своем выступлении на пленуме ВКП(б) в 1928 г. о «Шахтинском деле» заявил, что абстрактным понятием является принцип наказания виновных по справедливости.

Примечательно также и то, что на судебных заседаниях по «Шахтинскому делу» стали звучать такие понятия, как «Харьковский центр», «Московский центр». Сначала эти термины звучали робко и широкой заинтересованности, а тем более веры не вызывали, но с годами ситуация менялась.

Тесно связан с вопросом политических репрессий и вопрос об организации и функционировании пенитенциарных учреждений. «В истории пенитенциарной системы советского государства трагическую страницу открывает постановление СНК СССР от 7 апреля 1930 г. об утверждении "Положения об исправительно-трудовых лагерях", положившее начало формированию лагерной системы исполнения наказания в виде лишения свободы. Принятие этого до-

кумента было обусловлено всем ходом ожесточенной внутривластной борьбы, утверждением командно-бюрократических методов управления государством и обществом» [187, с. 37].

Для обеспечения условий более последовательного и целесообразного достижения задач исправительно-трудовых лагерей оно предусматривало классификацию заключенных по трем категориям, в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления. К первой категории относились заключенные из числа трудящихся, пользовавшихся до вынесения приговора избирательными правами, осужденных впервые на сроки не свыше пяти лет и не за контрреволюционные преступления. Вторую категорию составляли те же заключенные, но уже осужденные на сроки свыше пяти лет. Нетрудовые элементы, а также осужденные за контрреволюционные преступления выделялись в третью категорию. Таким образом, в основу разделения заключенных по категориям наравне с принципом тяжести наказания положены принципы социального происхождения и политической принадлежности, что является, по сути, дискриминацией.

«Положение об исправительно-трудовых лагерях» содержало серьезные отступления от общих принципов законности, что особенно четко проявлялось в наделении Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), в ведении которого находились исправительно-трудовые лагеря, особыми полномочиями. К тому же многие нормы положения были изложены расплывчато, что предоставляло широкие возможности для злоупотреблений администрацией лагеря. Выявленные исследователями [187, с. 39] отступления от общих принципов законности в положении об исправительно-трудовых лагерях говорят о том, что условия содержания заключенных фактически целиком и полностью зависели от администрации исправительного учреждения.

Кроме снижения контроля за силовыми органами продолжалось общее ужесточение законодательства. В 1930-х гг. вышла целая серия постановлений, указов, инструкций и законов, ужесточающих репрессивную политику Советского государства. Например, 7 августа 1932 г. последовало постановление ЦИК и СНК СССР «Об

охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», которое стало широко известно под народным названием «Закон о трех колосках». Главной мерой наказания в нем был определен расстрел и в виде исключения 10 лет лишения свободы [78, с. 673]. В третьем разделе постановления говорилось: «1. Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилия и угрозы или проповедают применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям. 2. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. 3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам» [109, с. 300–301]. Особенно активно использовалось постановление во время голодных лет.

Вслед за этим 22 августа 1932 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией» [18, л. 29]. Согласно постановлению, было решено «не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов ... применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии». Это постановление активно применялось во время голода 1932, 1933 гг. Отсюда следует, что основные права человека (частная собственность) и естественные экономические отношения между людьми, такие как купля-продажа, в правовом поле СССР превращались в «спекуляцию» и жестоко наказывались.

Создание репрессивного законодательства ускорилось с лета 1934 г. Например, 8 июня 1934 г. ЦИК СССР внес дополнения в Положение о государственных преступлениях [209, с. 64–65]. В статье 58 УК появилось два пункта: 58-1а и 58-1г, где был прописан термин «член семьи изменника Родины» и предусматривалась

за это «правонарушение» ссылка в отдельные районы Сибири или лишение избирательных прав до 5 лет.

Параллельно увеличивалось количество специализированных судебных органов. В 1930 г. были созданы железнодорожные суды, в 1932 г. начали функционировать военные трибуналы войск НКВД, а в 1934 г. созданы суды при исправительно-трудовых лагерях.

10 июля 1934 г. ЦИК принял в один день два законодательных акта, которые назывались «Об образовании общесоюзного комиссариата внутренних дел» и «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых народным комиссариатом внутренних дел и его местными органами» [432, с. 19].

При судах были образованы коллегии по «спецделам» для рассмотрения контрреволюционных преступлений, совершенных гражданскими лицами. А также на военные трибуналы и военную коллегия Верховного суда возлагалась функция по рассмотрению дел, заведенных в том числе и в отношении гражданских лиц.

10 июля вновь был образован НКВД СССР и учреждено Особое совещание (ОСО при НКВД). ОСО имело ограниченные полномочия: могло приговаривать к ссылке и высылке или заключению в лагерь на срок не более пяти лет [243, с. 49–53]. А также имело полномочия по пересмотру вердиктов военной коллегии Верховного суда. В массовых репрессиях 1937–1938 гг. ОСО при НКВД играло второстепенную роль, основной поток политических репрессированных шел через тройки.

Как и тройки при НКВД, Особое совещание — это внесудебный орган, существование которого нарушало действующую конституцию и законодательство СССР. С упразднением троек ОСО стали наделяться большими полномочиями в решении об аресте и приговоре вплоть до смертной казни с 1939 г. Расцвет активности совещаний пришелся на период войны.

Многие составные компоненты (законы и нормативные акты) законодательной системы периода массовых репрессий были приняты с нарушением советского законодательства и вступали в прямое противоречие с Конституцией. К примеру, постановление ЦИК «О порядке ведения дел» от 1 декабря 1934 г. было принято без

утверждения на сессии Центрального исполнительного комитета и утверждено «задним числом». Постановление обязывало следственные органы вести расследование быстро, суды не терять время на ходатайства осуждённых о помиловании, а органы НКВД — приводить приговоры о казни в исполнение немедленно [15, л. 4]. Второй закон, носивший нейтральное название «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» [202], имел схожее содержание. Согласно этому документу следствие должно было вестись не более десяти дней, судебное заседание без прокурора и защитника, не допускались обжалования и ходатайства, а приговор о казни исполнять незамедлительно [108, с. 34].

С момента принятия Закона от 1 декабря 1934 г. до осени 1936 г. его применение было эпизодическим. На каждый случай применения «упрощенного порядка судопроизводства» шла специальная санкция Политбюро ЦК ВКП(б).

Во время Большого террора корректировка законодательной базы происходила через принятие секретных и особо секретных приказов. Например, секретная директива наркома внутренних дел СССР № 143 от июля 1935 г. о ссылке большинства освобожденных осужденных по ст. 58 в отдаленные районы Сибири [242, с. 49].

Таким же секретным документом был утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г., представленный Народным комиссариатом внутренних дел оперативный приказ за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов» [134, с. 99]. Согласно тексту данного приказа задачей соответствующих органов безопасности становилась защита советского народа от «контрреволюционных происков» антисоветских элементов и борьба с подрывной работой против основ Советского государств. Также в документе были названы социальные группы, подлежащие репрессиям, среди которых были кулаки, члены антисоветских партий, «бывшие белые», служащие царской армии и полиции и др. Не являлось оправданием то, что представители этих групп населения уже отбыли наказание за свою принадлежность к «бывшим»

Из текста документа следует, что люди, подвергнутые репрессиям, подразделялись на две категории: первую составляли наиболее враждебные элементы, подлежащие немедленному аресту, а после окончания следствия — расстрелу; ко второй категории были отнесены все остальные «менее активные» элементы, подвергавшиеся аресту и лишению свободы на срок от 8 до 10 лет. Отсюда следует, что приговор выносился ещё до заседания Особой тройки фактом отнесения к той или иной категории.

Процессуальную сторону следствия облегчало постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., согласно которому следствие могло быть проведено ускоренно и в упрощенном порядке. Содержательной стороной постановления стало введение норм об окончании следствия в срок не более десяти дней; о вручении обвинительного заключения за одни сутки до рассмотрения дела; о несостязательном характере слушаний дел; о невозможности подачи кассационного обжалования приговора; о немедленном исполнении приговора о высшей мере наказания [31, л. 108–117].

4 октября 1937 г. вышел циркуляр ГУГБ НКВД об ужесточении надзора за арестованными в следственных тюрьмах в целях предотвращения самоубийств. «Некоторые работники ГУГБ забывают, что враг не прекращает своей борьбы и после ареста, прибегая нередко, в целях скрытия своей преступной деятельности, к самоубийству. Имевшие место случаи самоудушения и самоповешения арестованных ... и особенно выбрасывание из окон во время допроса — результат отсутствия элементарных предупредительных мер со стороны многих НКВД — УНКВД» [224, с. 148]. Согласно циркуляру, устанавливались более строгие правила проведения обысков, очки и пенсне выдавались только по требованию следователя, запрещалось иметь собственные (не выданные в тюрьме) лекарства, затягивались сетками пролеты лестниц и т. д.

Примечателен приказ Прокурора СССР А. Я. Вышинского от 8 октября 1937 г., ужесточающий наказание за «разговоры»: предложено «квалифицировать контрреволюционные выступления, содержащие одобрение террористических актов, а также высказывания террористических намерений в отношении вождей партии и

советского правительства по ст. 58–8 УК РСФСР» [4, л. 9] (т. е. как пособничество террору). Ранее такие высказывания квалифицировались по ст. 58–10 (контрреволюционная агитация).

17 ноября 1938 г. вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В документе вина за преследования по политическим мотивам перекладывалась на шпионов иностранных разведок, проникнувших в органы НКВД и Прокуратуры, которые «извращали советские законы» и организовывали массовые аресты [31, л. 108–117]. Тем самым коммунистическая партия объявлялась непричастной к организации массового террора. Этот документ дал аргумент для отстаивания точки зрения о том, что политические репрессии были проявлением «перегибов на местах», а не сознательной политикой руководства СССР. Вместе с тем применение пыток для выбивания необходимых следствию показаний подтверждается телеграммой, направленной И. В. Сталиным 10 января 1939 г. партийным руководителям и главам правоохранительных органов. В документе отмечалось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было разрешено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)» [74, с. 124].

Одновременно с формированием Народного комиссариата внутренних дел в системе органов госбезопасности было образовано Особое совещание — административный орган при НКВД СССР, функция которого заключалась в определении меры наказания лицам, которых признавали общественно опасными. Особое совещание состояло из наркома НКВД и его заместителей, начальника Главного управления милиции, уполномоченного НКВД СССР по РСФСР и наркома союзной республики, если дело возникло за пределами РСФСР. В работе Особого совещания принимали участие Прокурор СССР или его заместитель, которые в случае несогласия с решением Особого совещания имели право опротестовать его в Президиуме ЦИК СССР.

Особым внесудебным органом являлась и так называемая «двойка» НКВД СССР, формировавшаяся из Особой комиссии НКВД и Прокурора СССР. Кроме того, существовала «высшая

двойка» в составе Председателя Верховного суда СССР и Прокурора СССР, выносившая заочные решения и приговаривавшая исключительно к высшей мере наказания — расстрелу.

На этапе формирования перечисленные органы функционировали параллельно с выстроенной судебной системой. Однако с расширением и углублением механизма репрессивной практики «тройки» и «двойки» подменили судебные инстанции, в частности, при рассмотрении дел о контрреволюционных преступлениях. Практика ускоренного и упрощенного разрешения дел при помощи подобных внесудебных органов стала воплощением беспредельного террора и властного произвола.

В функции центрального аппарата НКВД не входило руководство «массовыми операциями». Вместе с тем центральные органы контролировали ход проведения процессов подведомственными структурами. Дела, имевшие большое политическое значение, рассматривались военной коллегией Верховного суда СССР, высшим органом советской военной юстиции, а также военными трибуналами округов. Существовала практика выездных сессий военной коллегии, где разбирались дела, относимые к компетенции местных управлений НКВД.

Военная коллегия, также как и Военный трибунал, чаще всего располагалась непосредственно в тюрьме или следственном изоляторе, заседание объявляли якобы открытым, но на практике посетителей не было. Согласно протоколу допроса [54, л. 77–79] в начале заседания проводилось удостоверение личности, после этого подсудимому задавался формальный вопрос: признает ли он себя виновным, — кроме признательных показаний могли пригласить свидетеля или зачитать его показания, это и принималось в доказательство вины [66, л. 15–18]. Затем обвиняемому предоставлялось последнее слово, часто обвиняемые говорили следующие слова: «Теперь я понял свои ошибки и виновным себя признаю. Прошу наказать меня по заслугам» [65, л. 12]. Затем суд (внесудебный орган) должен был удалиться для совещания, а после зачитать приговор. Весь судебный процесс занимал от 5 до 30 минут. По воспоминаниям жертв политических репрессий [140], данный порядок часто

нарушался. Этот вид разбирательства трудно назвать судом по следующим признакам: состав тройки (или трибунала) формировался с привлечением должностных лиц органов исполнительной власти, тем самым нарушался принцип независимости судебных органов, во время заседания тройки не присутствовали защитники подсудимого — нарушение состязательности судебного процесса, приговор выносился на основании свидетельских показаний и на основании признания подсудимого — полное отсутствие доказательной базы. Само признание подсудимого, записанное в протоколе [65, л. 10–13], отличается официально-деловым стилем и пронизано канцеляризмами до такой степени, что зарождается сомнение в том, что это слова подсудимого. При отказе же подсудимого от признательных показаний, которых «добились» от него следователи, либо при отсутствии признания подсудимого как такого у судебных органов не было даже формального повода для признания его виновным, тем не менее это не становилось помехой.

Дальнейшее ужесточение пенитенциарного законодательства связано с принятием указа Президиума Верховного Совета от 15 июня 1939 г. «О лагерях НКВД» [202], который отменил условно-досрочное освобождение осужденных и фактически прекратил действие исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г., и обеспечил хотя бы минимальные права заключенных. Кроме того, указ разрешил применение высшей меры наказания к нарушителям в лагерях, срывающим производственные задания [108]. Ужесточения законодательства такого рода были продиктованы тем фактом, что ГУЛАГ превратился в крупнейшее строительное ведомство и одно из крупнейших предприятий по добыче природных ресурсов.

Довольно емкой характеристикой законодательного процесса в период существования тоталитарного политического режима являлось то, что зачастую нормативный акт, в соответствии с которым осуждали граждан в нарушении конституции, не оглашался публично, отсутствовал в открытой печати, а также принимался с нарушением процедуры законотворчества. Данная практика с полным основанием может быть отнесена к антиконституционной деятельности.

Органы НКВД в центре и на местах развернули массовые репрессии, нанеся огромный ущерб советскому обществу, экономике, обороноспособности и государственной безопасности страны. Проанализировав работы [46, с. 95–98; 237; 156; 157; 219; 187; 303, с. 78–89], можно выделить несколько этапов становления репрессивной правовой системы. Выделенные этапы формирования и развития карательной системы в СССР характерны не только для общесоюзного уровня, но и для Бурят-Монголии.

Первый этап (1918–1922 гг.) — зарождение репрессивного законодательства. Данный этап характеризуется тем, что впервые в советском законодательстве легитимизовались такие понятия, как «террор», «концлагерь» и т. д. Основным источником советского права на начальном этапе формирования правовой системы являлись декреты всероссийских съездов Советов, ВЦИК, ВРК, ВЧК, приказы народных комиссаров, акты местных Советов, что позволяет охарактеризовать его как этап «стихийного законотворчества», т. е. реагирование на конкретные проблемы, вызванные революцией и Гражданской войной.

Второй этап — 1922–1928 гг. Содержанием этого этапа стала кодификация советской правовой системы. Были приняты Гражданский, Земельный и Уголовный кодексы РСФСР, Кодекс законов о труде. На этом этапе появляются некоторые послабления в законодательстве.

Третий этап — 1929–1934 гг. Содержанием этого этапа стало завершение формирования репрессивного законодательства, которое противоречило общемировым прогрессивным принципам, таким как состязательность судебного процесса, презумпция невиновности, доказательность преступления, независимость суда.

Четвертый этап (1935–1938 гг.) — этап развития репрессивного законодательства, который характеризуется совершенствованием правовой системы. Данный этап заканчивается 17 ноября 1938 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». С момента принятия постановления началось резкое сокращение количества арестов, освобождение из следственных изоляторов задержанных, которые еще не

успели дать признательные показания, а также арест особо «отличившихся» следователей.

Рассмотрев формирование и развитие правовой системы Советского государства как инструмента репрессивной политики, можно сделать следующие выводы. Массовым репрессиям предшествовало коренное изменение уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства. Следствием деформации законодательства являлось попрание гражданских прав, ужесточение наказания за контрреволюционные преступления и создание возможностей для нарушения закона со стороны правоохранительных органов. Это прослеживается особенно отчетливо в законодательстве, которое было принято в 1934 г. В то же время масштабные преследования по политическим мотивам в СССР были реализованы благодаря массовому нарушению законодательства, в первую очередь, конституционного. Эти факты нарушений касаются как методов ведения следствия (пытки, фальсификации, подлоги, подделка документов), так и функционирования внесудебных органов.

1.2. Политические репрессии в форме административных преследований в Бурят-Монгольской АССР (конец 1920-х — 1930-е гг.)

В этом параграфе мы рассмотрим административные репрессии по политическим мотивам. Преследование в административном порядке было менее губительным для человеческих жизней, но отличалось большей массовостью применения. Основной категорией людей, в отношении которых применялись меры административного воздействия, являлись крестьяне. Главным инструментом коллективизации и раскулачивания было именно административное принуждение. В свою очередь, инструментарий административного воздействия органов местного управления подразделялся на высылку, ссылку, обобществление имущества, налогообложение, штраф, лишение избирательных прав. Из них самыми губительными являлись высылка и ссылка.

Высылка — это устранение нежелательных людей из определенной местности и запрет на проживание в определенной территории, будь то город, регион или целая страна. Ссылка — это переселение человека из региона его проживания в специально отведенный государственными органами район. В свою очередь, и ссылка, и высылка подразделяются на ссылку и высылку по решению суда и на высылку и ссылку во внесудебном порядке.

Во время Гражданской войны высылка и ссылка почти не применялись советским строем. Это было связано с тем, что новое большевистское правительство старалось не пользоваться методами царского режима. Но в конце Гражданской войны места заключения были заполнены людьми, настроенными против большевиков и арестованными «на всякий случай», осудить их было трудно из-за отсутствия улик. Для решения этой проблемы была организована административная ссылка в отношении членов антисоветских партий [211].

Впервые данный вопрос подняли на заседании Политбюро ЦК 14 декабря 1921 г., где установили среди прочего возможность поддерживать ссыльных на месте ссылки до того, как они устроятся на работу. Изначально категория ссыльных была малочисленной, по РСФСР весной 1922 г. политических ссыльных было до 500 человек.

Применение административных мер наказания по решению особой комиссии, ставшей прототипом судебной коллегии ОГПУ, было расширено декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. «Об административной высылке» [108].

Высланные поступали под надзор местного органа Государственного политического управления, которым определялось местожительство в районе высылки. За побег с места ссылки или с пути следования к нему была установлена ответственность согласно ст. 95 Уголовного кодекса 1922 г. «Побег арестованного из-под стражи или из места заключения, учиненный посредством подкупа, взлома и вообще повреждения затворов, стен и т. п., карается лишением свободы на срок не ниже одного года» [108, с. 67]. Тот же факт, что высылаемый — это не арестованный и что данная статья к нему не может быть применена, судебные власти не останавливал.

Практика выселения и ссылки в административном порядке зачастую осуществлялась с опережением законодательной базы, например, высылка антисоветских элементов началась в единичном варианте с начала 1922 г., но нормативный документ, регулирующий данный вопрос, действовал только с 10 августа 1922 г.

Следующий шаг — принятие 28 марта 1924 г. Президиумом ЦИК СССР положения «О правах ОГПУ в части административных высылки и ссылки и заключения в концентрационный лагерь». Это положение не получило общественной огласки, воспроизводилось в документах в виде секретного приказа Объединенного государственного политического управления за № 172 от 2 апреля 1924 г. [93, с. 179–181], что не помешало ему приобрести статус общесоюзного закона.

С этого времени начинается длительная аппаратная борьба ОГПУ и НКВД РСФСР с периодическим включением в нее Наркомюста РСФСР. Борьба велась из-за полномочий этих органов по реализации ссылки и высылки в административном и судебном порядке. Наркомат внутренних дел при поддержке Наркомата юстиции предлагал оставить высылку в административном (не судебном!) порядке за ОГПУ шпионов и контрабандистов. Позиция наркоматов была усилена Уголовным кодексом 1926 г., в котором статьи 35 и 36 узаконили использование ссылки и высылки в судебном порядке. НКВД, опираясь на законодательную основу и здравый смысл, резонно полагал, что практика внесудебных выселений и ссылки в будущем должна быть отменена. Точку в спорах, быть или не быть ссылке и высылке в административном отношении, поставило секретное постановление СНК СССР и СТО от 30 апреля 1928 г. [211, с. 90]. Этим постановлением была подтверждена монопольная прерогатива ОГПУ на высылку и ссылку в административном порядке, а также выбор местности для поселения.

Со временем в течение 1920-х гг. сложилась система запретов проживания в определенной местности, которая получила неофициальное название «минус». Так, высланному по «минус 1» запрещалось проживать в том месте, где до этого проживал. «Минус 6» обозначал запрет на проживание в крупнейших городах: Ростов-на-

Дону, Одесса, Киев, Харьков, Ленинград и Москва. «Минус 12» обозначало запрет на проживание в Москве и Московской области, погранокругах, Ленинграде и Ленинградской области, на Северном Кавказе и в Дагестане, во всей Украине, всей Белоруссии, Закавказье, Узбекистане, Таджикистане, части Туркмении [211, с. 91], самым распространенным являлся «минус 3» — запрет проживать в Москве, Ленинграде и Киеве.

Во время бесед с родственниками невинно пострадавших граждан в годы репрессий с целью сбора воспоминаний удалось выявить интересные эпизоды, факты, познакомиться с уникальными личными документами, архивами. Из воспоминаний местных жителей и самих высланных можно восстановить некоторые подробности жилищно-бытовых условий.

Основной трудностью воплощения в жизнь административной ссылки и высылки на местах была неорганизованность местных властей в подготовке к принятию высланных и ссыльных. «На местах не справлялись с неожиданным наплывом спецпереселенцев — не было подготовлено ни жилье, ни транспорт, ни продовольствие; люди гибли от голода, холода и болезней» [432, с. 12]. Вот что вспоминает спецпереселенец Т. Е. Серебрякова: «Нас арестовали и увезли в ссылку в Красноярский край, в тайгу, недалеко от Канска. В том месте был какой-то совхоз, в него на работу и была определена мама Александра Александровна, нас поселили в маленькой избушке. Там в тайге было много разных народов: русские, украинцы, татары, буряты и прочие. Жизнь там была нелегкой, тяжелая работа, свирепствовали эпидемии. От тифа люди умирали целыми семьями, часто переносчиками болезней были вши. После таких страшных эпидемий людей хоронили в больших братских могилах. Зимой на окраине поселения их укладывали «штабелями», а когда накопятся, увозили хоронить» [140, с. 121–122].

Воспоминания А. Г. Ханхатова о детстве: «Неурожайный 1933 год. В нашем колхозе, как и во всех хозяйствах, хлеб не уродился, госпоставка не выполнена и т. д. В связи с этим областное и районное руководство постановило о высылке всех жителей улуса Степно-Балтай в Эхирит-Булагатский район, село Инхежин (Хара Ухаан)

на освоение неперспективного села, откуда все зажиточные хозяева после раскулачивания были сосланы на Север. Девиз новоселов: строить на новом месте новое хозяйство, выполняя наказ партии. Два года мытарства в чужой местности, недостаток сельхозинвентаря, поголовный падеж скота, болезни стариков и детей» [140, с. 159–160].

Характерны воспоминания о выселении родных Л. В. Соколовой: «31 июля 1931 г. решением пленума Хоробровского сельсовета при обсуждении вопроса о колхозном строительстве на основе ликвидации кулачества как класса семью дедушки Ивана Павловича выслали на Урал. Привезли их в голую степь, где каждая семья до зимы успела вырыть для жилья землянку. Первая зима выдалась голодной и холодной, многие умирали, особенно старики и дети» [140, с. 162–164].

Подтверждение воспоминаний непосредственных участников событий мы находим в официальных документах. В сводке уполномоченного областного отдела ОГПУ БМАССР по Кабанскому району от 15 июля 1931 г. были зафиксированы следующие реплики очевидцев: «... о выселении семьи Березкина Екима Фомича, бежавшего зимой с лесозаготовок, жители говорят: выселяют женщину с шестью детьми, ничем не обеспеченную, даже без запаса хлеба» [53, л. 43]. Из письма заместителя председателя Северного крайисполкома Я. С. Цитлина В. В. Шмидту о мероприятиях по устройству спецпереселенцев в крае: «В основном жилищное строительство по указанной выше норме (2 м² на человека) будет закончено в декабре текущего года. Медлительность строительства объясняется: 1) крайне тяжелыми условиями строительства (отсутствие стройматериалов, стройинструментов, недостаток лошадей для подвозки стройматериалов, полное отсутствие дорог в местах строительства поселков и др.); 2) весьма низкой производительностью труда спецпереселенцев вследствие отрицательного с их стороны отношения к строительству вообще, значительной заболеваемостью спецпереселенцев и невозможностью использования части спецпереселенцев на работах ввиду полного отсутствия у них одежды и обуви, крайней недостаточностью норм продовольственного снаб-

жения занятых на строительстве (увеличить трудоспособность удалось только в последнее время путем увеличения хлебных норм)» [101, с. 233].

Кампания массового раскулачивания шла с 30 января 1930 г., когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств...», но только 20 февраля 1931 г. ЦК ВКП(б) приказал ОГПУ провести подготовку мест для размещения ссыльных в Казахстане [24, л. 137].

Согласно планам по переселению бывших кулаков в Казахстан планировалось переселить 150 тыс. семей (позже план снижен до 56 тыс.), а на Север Урала переселить 55 тысяч [325, с. 55–58]. По данным исследователя М. И. Варфоломеевой, за 1930–1931 гг. было выселено по СССР 1 млн 800 тыс. человек. А всего за годы коллективизации направлено на спецпоселение более 5 млн человек из более 1 млн хозяйств [326, с. 41–45].

Организованная операция в разных районах Бурят-Монголии началась в разное время. В Кяхтинском и Селенгинском аймаках операция по выселению началась в 4 часа утра 20 июня 1931 г.: «... к 12 часам дня арестовано глав семей и трудоспособных членов из мужчин — 126 из 195 человек общего количества, подлежащего аресту» [53, л. 24].

О масштабах выселения в Бурят-Монголии можно судить из докладной записки ПП ОГПУ по ВСК «Кампания по выселению кулачества и его состоянию». Согласно данным документа, на 20 июня 1931 г. выявлены 574 кулацкие семьи в Кяхтинском, Закаменском и Селенгинском аймаках. Из них при рассмотрении краевой тройки утверждено к выселению 425 семей. Следовательно, утверждению в тройке подлежали 74% рассмотренных хозяйств [53, л. 25]. «Для обеспечения успешного проведения операции по выселению кулачества были реализованы имеющиеся материалы на антисоветский элемент» [53, л. 23].

Кяхтинским погранотрядом к 8 июля 1931 г. было выселено 193 хозяйства с 944 едоками, что составило от 7 916 хозяйств района, 2,48% [53, л. 25]. В Хоринском аймаке на тот же период было выявлено 251 кулацкое хозяйство, из них подлежали выселению 163 се-

ми. На июнь 1931 г. по Кабанскому аймаку погружено в вагоны 130 семей в количестве 640 человек. В Мухоршибирском аймаке 196 кулацких хозяйств подлежало выселению. В Тункинском аймаке выселению подлежало 169 семей [53, л. 111–139].

Дальнейшие планы по выселению были также масштабными, ОГПУ с одобрения Политбюро ЦК ВКП(б) в 1933 г. планировало выселить еще 38 тыс. семей. Это решение было отменено 16 мая 1933 г. Теперь предписывалось не выселять целыми семьями, а лишь «изымать» отдельные контрреволюционные элементы [324]. Возможно, это решение было принято в связи с началом крупномасштабного голода в местах как раз массового раскулачивания и выселения.

Рассматривая виды ссылки и высылки, нельзя не затронуть тему правового положения людей, подвергшихся этому виду репрессий. Что касается высылки, главным ограничением был запрет на проживание в тех или иных местах. В случае «простой» высылки люди давали подписку, в которой обязывались покинуть место своего проживания и не возвращаться в течение определенного времени. При «квалифицированной» высылке гражданин обязывался не проживать в регионах или городах, которые были указаны в судебном или административном решении.

Что касается ссылки, то правила проживания здесь регулировались жестче. Конечное место пребывания ссыльных определялось НКВД в случае судебной ссылки и ОГПУ — в случае административной ссылки. И уголовные, и политические ссыльные, перед тем как попасть в место ссылки, находились в пересыльных тюрьмах от нескольких месяцев до года, при максимальном сроке ссылки — в административном порядке не более трех лет. Теоретически если в судебном решении ссыльному не прописали принудительные работы, то он мог выбирать работу добровольно. Но на практике этот выбор был ограничен. Руководство предприятий, колхозов постоянно запрашивало «мнение» ОГПУ или НКВД, в зависимости, к какому органу относились ссыльные, часто получая конкретные указания, где и как «использовать» трудовые ресурсы [212].

В отношении кулаков часто применялась одновременно и высылка, и ссылка. Выглядело это следующим образом: «Районная тройка по выселению кулачества» [53, л. 7] выносила решение о выселении целой семьи или отдельных членов «из пределов Бурят-Монгольской республики» [53, л. 5]. Затем на заседании «Краевой комиссии по распределению и утверждению списков кулаков и их семей, подлежащих выселению из пределов Бурят-Монгольской республики» [53, л. 2] списки, сформированные районными тройками, утверждались и прописывался регион, в котором должны были поселиться высланные. Следовательно, на уровне района (аймака) крестьяне подвергались высылке, а затем при утверждении списков на уровне республики (краевой тройкой) подвергались ссылке.

На положение ссыльных и высланных влиял факт поражения в избирательных правах. Согласно законодательству, если в решении суда тройки по выселению или избирательной комиссии не был упомянут факт лишения избирательных прав, то высылаемый или ссыльный мог пользоваться этим правом. Но после того как в силу вступил декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах ...» [32, л. 21–154] от 4 ноября 1926 г., избирательных прав стали лишаться ссыльные и высланные как в судебном, так и в административном порядке автоматически. Так называемые «лишенцы» были уязвимы для дальнейших всевозможных чисток и являлись потенциальным сырьем для выполнения плана по арестам. Также лишённые избирательных прав сталкивались в повседневной жизни с дискриминацией. Им часто отказывали в приеме на работу, в постановке на биржу труда, исключали из профсоюза, отчисляли из учебных заведений и т. д.

С конца 1920-х гг. одним из главных инструментов социального преобразования деревни становится политика террора. Постепенно применение этого, с точки зрения власти эффективного, инструмента расширяется, выходит за пределы деревни, а также распространяется на все сферы жизни. В 1928 г. введены чрезвычайные меры в связи с неудачей хлебозаготовительных работ. На данном этапе

объектом репрессий были зажиточные крестьяне. Для конфискации хлеба у кулаков власть использовала правовые механизмы.

Еще одним рычагом нажима на неугодных крестьян и формой административного давления являлась налоговая политика советского правительства. Ужесточение налоговой политики происходило параллельно процессу раскулачивания. Налоговый комплекс в период с 1928 по 1941 г. состоял из целого ряда налогов, главными из которых были сбор на нужды культурного и жилищного строительства (культжилсбор), единый сельскохозяйственный налог и самообложение. Помимо основных налогов крестьяне уплачивали целый ряд дополнительных сборов в пользу как государства, так и общественных организаций. Основная масса дополнительных налоговых выплат имела «добровольный» характер, но в реальности от добровольных пожертвований и выплат из-за общественного порицания и административного давления было невозможно отказаться. К дополнительным выплатам относились займы, лотереи, паевые взносы в потребкооперацию, обязательное окладное страхование и др. «Также с 1933 г. с крестьян взимались натуральные налоги: обязательные поставки зерна, мяса, молока» [194, с. 78].

Роль базового, системообразующего элемента в налогообложении советского крестьянства в 1928–1941 гг. играл единый сельскохозяйственный налог. Это было обусловлено рядом обстоятельств: во-первых, данный налог, введенный в 1923 г., заменил собой все налоги, взимаемые до этого с крестьянского двора; во-вторых, им облагалось большинство доходов крестьянского хозяйства от всех секторов сельского хозяйства, а также доходы от неземледельческих занятий и торговли; в-третьих, после того как в тридцатые годы сельхозналог перестал быть единственным налогом, остальные платежи исчислялись в процентном к нему отношении. С 1932 г. сельхозналог перестал быть единственным налоговым платежом и утратил наименование «единый» [331].

Из этого следует, что сельскохозяйственному налогу (сельхозналогу) были присущи некоторые архаичные черты, имеющие ряд сходных черт с эпохой феодализма. На это указывают следующие факты. Во-первых, объектом налогообложения в основной массе

являлись сельскохозяйственные угодья, а не рыночный доход в денежном эквиваленте. Во-вторых, при установлении облагаемого дохода брался не реально приобретенный хозяйством доход от разнообразных источников, а условный, исчисленный от различных источников по нормам доходности. В свою очередь, нормы доходности устанавливались законодательно, что давало государству возможность на свое усмотрение увеличивать налогообложение, самостоятельно от роста реальных доходов сельских жителей. В-третьих, наличие групп налогоплательщиков, выделяемых не по уровню их доходов, а по социальным признакам: колхозники, кулаки, единоличники.

Налоговая система как вид административного репрессивного давления показала свою высокую эффективность в раскулачивании и строительстве коллективных хозяйств. Административное давление на зажиточную часть сельского населения выражалось в значительном увеличении ставки налога для зажиточных хозяйств, при одновременном ослаблении налогообложения для бедняков. Зажиточными хозяйствами назывались те, кто получал доход свыше 400 рублей.

Производилось и общее ужесточение налоговой политики государства сразу по нескольким направлениям. Первое направление: расширение налоговой базы, в сельхозналог включались ранее не облагаемые объекты, например, свиноводство и пчеловодство, а также перераспределялись налоговые ставки — произведен отход от высчитывания налога с человека к налогу по доходу на хозяйство в целом.

Второе направление: производилось сокращение сроков уплаты сельхозналога при полном отказе от отсрочек на его уплату.

Третье направление — в ужесточение налоговой политики в конце 1920-х — начале 1930-х гг. так называемый индивидуальный способ установления размера дохода и налоговое «самообложение», а также твердые задания. Самообложение, как и индивидуальный налог, формально распространялось только на зажиточное население сельских районов, но фактически .застрахованным от них не

был никто, так как этот вопрос был отдан на усмотрение сельского Совета и не было механизмов контроля и объективных критериев.

В секретном докладе-отчете 1928 г. «Об итогах проведения финансово-хозяйственных кампаний по Закаменскому аймаку» отмечается, что распределение «самообложения» шло произвольно, без должного документального оформления, из-за чего одно и то же хозяйство подвергалось налогообложению три и более раз [42, л. 103]. Такая же ситуация с повторным налогообложением в Закаменском аймаке отмечалась и двумя годами позже в 1930 г. [43, л. 97].

Встречались и другие формы административного злоупотребления, которые отражены в сводке ОГПУ от 1931 г.: «... гражданин с. Кудара Кабанского района БМР Ключерев Федор Иванович, середняк, говорил: «Советская власть делает кулаков. Облагает индивидуальным налогом середняков по признакам эксплуатации за 1926–1927 гг., а если не хватает берут с 1920 г. И так этому не будет конца, все будут выявлять кулаков. А вот не видят кулака, сидящего у власти, Молчанов председатель сельсовета. Давно он торговал, возил спирт в Иркутск, а мать его до последнего дня, до вступления в коммуны, спекулировала» [53, л. 39].

В дальнейшем административные злоупотребления с так называемым самообложением даже на всесоюзном уровне продолжились. Формально данный налог устанавливался самостоятельно сельским советом и собирался на культурные и хозяйственные нужды. По факту же размер данного налога «рекомендовался» из центральных органов и расходовался на те нужды, на которые у бюджета республики не хватало средств.

Система сельхозналога в 1920–1930-е гг. была ориентирована, в первую очередь, на удовлетворение интересов политического руководства государства. Правовые нормы и институты, направленные на защиту интересов налогоплательщика, в налоговом законодательстве этого времени практически не встречаются либо не находят правоприменительной практики. В законодательстве о сельхозналоге не нашлось места идеям равного и справедливого налогообложения. Наоборот, это место целиком и полностью занимают

идеи классовой борьбы и крассовый принцип, то есть дискриминация по социальному происхождению.

Дальнейшее развитие репрессивной политики в сельской местности связано с желанием правительства СССР форсировать коллективизацию деревни. «С конца 1929 г. начинается активное насильственное вовлечение крестьян-единоличников в коммуны. Политика «увлечения» коммунами в Бурят-Монголии привела к тому, что уже к концу 1929 г. из общего числа созданных колхозов 53,5% являлись коммунами, объединявшими три четверти всех коллективизированных хозяйств. Эти данные оказались даже выше общесибирских показателей, где число коммун составило 37,3% всех колхозов края. В 1930 г. число коммун в республике приблизилось уже к 75%» [194, с. 43].

Высокая скорость коллективизации в Бурят-Монголии была обусловлена административным давлением и политикой запугивания со стороны местных властей. В сводке ОГПУ от июня 1931 г. были записаны следующие слова крестьян из частной беседы, отражающие общие настроения среди сельских жителей: «... если в колхоз не пойдешь, то посадят в вагон и увезут ...». Некоторые крестьяне приходили в райаппарат ОГПУ с вопросом: «Обязательно ли вступать в колхозы и если мы сейчас до осени не вступим, то выселят или нет?» [53, л. 25].

В свою очередь, угроза применения статей Уголовного кодекса со стороны представителей местных властей являлась проявлением административного давления и свидетельством политики террора, т. е. создания атмосферы страха в обществе.

Впечатляющие темпы коллективизации были обеспечены раскулачиванием, которое, безусловно, являлось эффективным репрессивным инструментом коллективизации. Формы и методы проведения раскулачивания отличались административным произволом и массовыми нарушениями даже советского законодательства. Следует отметить, что на своем первоначальном этапе (конец 1929 — середина 1930 г.) эта кампания оказалась полностью отданной на откуп местным органам власти [500].

Политическое руководство республики оказалось не в состоянии осуществить необходимый контроль над этой кампанией, в результате чего часть сельского советского партийного актива, движимая максималистскими устремлениями, самостоятельно приступила к ее развертыванию, сделав это явно поспешно, в условиях низкого уровня развития колхозного движения, практически вне связи с ним и во многом опережая его. Следует отметить, что согласно решению правительства СССР массовая коллективизация должна была проходить в строго определенных районах, к которому Бурят-Монголия не относилась на момент 1929 г. Однако уже сразу после речи И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов от 27 декабря 1929 г., возвестившей о начале наступления на кулачество, в республике стали фиксироваться первые случаи массового раскулачивания.

Согласно статье 61 УК РСФСР 1926 г. «отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение, — штраф ... или работы; во второй раз — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года» [108, с. 26]. В первую очередь, это касалось кулаков, облагавшихся непосильными твердыми заданиями по различным заготовкам.

Применение подобной меры во время хлебозаготовительных работ осени 1929 г. с многократным повышением налогов и распределением «твердых заданий» стало, по сути, первым шагом к началу раскулачивания [500, 1929. 3 февр. С. 3]. «Расширение прав» местных советов подталкивало их к использованию полученного арсенала репрессивных средств для форсирования процесса раскулачивания.

Как в целом по СССР, так и в частности по Бурят-Монголии к злоупотреблениям со стороны властных органов способствовало то, что не было определено понятие «кулак» с юридической и социально-экономической точки зрения. Рассматривая правоприменительную практику, мы увидели, что в разряд кулаков записывали кроме зажиточных крестьян-середняков и даже бедняков, которые квалифицировались как «подкулачники» [500, 1930. № 49 (4193). 22 мар-

та]. В свою очередь, этот термин также не был закреплен и четко описан в законодательстве. Сам же процесс раскулачивания на уровне исполнителей (односельчан) воспринимался исключительно как конфискация или «опись» всего имущества (или части) лица, подвергавшегося ему.

Определенная часть кулаков и вместе с семьей, которая оказывала то или иное сопротивление раскулачиванию, была отнесена к злостным кулакам. Данная категория людей комиссией по раскулачиванию передавалась органам ОГПУ и чаще всего высылалась.

Серьезными проявлениями произвола со стороны местных властей при раскулачивании были широко применявшиеся на его первом этапе незаконные аресты и задержания [53, д. 77, л. 10–12]. Такие меры должны были осуществляться по закону только органами ОГПУ и НКВД. Однако на практике на местах в них принимали участие практически все институты советской власти на селе, что уже само по себе противозаконно и являлось произволом органов местных властей. И произвол этот стал настолько распространенным явлением, что партии и правительству пришлось реагировать на это. Но только через три года была издана специальная секретная инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР № П-6028 от 8 мая 1933 г. «О прекращении применения массовых выселений и острых форм репрессий в деревне», категорически запрещающая подобные «массовые беспорядочные аресты» [30, л. 229].

В правительство СССР начали поступать сведения о том, что массовые аресты крестьян производят председатели сельсоветов и колхозов и даже секретари партийных ячеек, то есть должностные лица, в круг полномочий которых производство ареста не входит. По поводу потери монополии на насилие вот что было сказано: «... не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться» [30]. Данные этой инструкции находят свое подтверждение в архивных делах за 1932 г., хранящихся в отделе специаль-

ных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия [53, л. 6–9].

Из республики было выселено 4–4,5 тыс. хозяйств в период 1929–1930 гг. [122, с. 121]. О масштабах административных репрессий, а именно выселения за пределы республики, говорят данные фонда 013 архива МВД по Республике Бурятия. В данном фонде отражены административные дела о выселении 1 223 человек.

Анализ документов ИЦ МВД позволил выявить следующие статистические данные. Самыми пожилыми высланными были: Воронин Илья Степанович — 90 лет [53, д. 104] и Тулбуконов Николай Степанович — 89 лет [53, д. 71]. Далее по возрастным показателям высланных можно разделить следующим образом: старше 50 лет — 444 человека, от 30 до 50 лет — 615 человек, от 18 до 30 лет — 125 человек, до 18 лет — 39 человек. Основная масса крестьян, занесённых в фонд 013 архива МВД по РБ, выселялась в 1931 г. — 940 человек и в 1933 г. — 272 человека.

Весьма отрывочные сведения отражены в делах по поводу места выселения. Известно, что в Томскую область выслан 71 человек, в Красноярский край — 9 человек, в Иркутскую область — 3 человека и в Восточно-Сибирский край — 1 человек.

Фрагментарность сведений о месте ссылки объясняется тем, что дела, составляющие на данный момент фонд 013 архива МВД, формировались в районных тройках по выселению кулаков [53, д. 18, л. 7], а определением региона поселения занималась Краевая комиссия по распределению и утверждению списков кулаков и их семей, подлежащих выселению из пределов Бурят-Монгольской республики [53, д. 723, л. 2].

О качестве колхозного строительства и степени «добровольности» вступления крестьян в колхозы может свидетельствовать тот факт, что при ослаблении административного давления в 1930 г. был отмечен массовый выход крестьян из колхозов. Итоги массового выхода крестьян из колхозов подвел статистический сектор Бурятского Госплана: на начало лета 1930 г. в колхозах состояло 33%

хозяйств, а годом ранее в колхозы были «записаны» более 70% хозяйств [46, л. 3].

Второй этап кампании раскулачивания в Бурятии начался осенью 1930 г. и продолжался до осени 1931 г. В связи с тем, что республика вошла в район полной коллективизации, второй этап отличался от первого организованностью и системностью. С этого момента процесс раскулачивания обрел законность и организованность. Однако положение с раскулачиванием не только не улучшилось, а ухудшилось.

Произвол местных органов управления получил юридическое обоснование, было объявлено, что республика занялась завершающим этапом коллективизации, в результате чего планировалась полная «ликвидация кулачества как класса». Произвол по раскулачиванию, который допускали сельсоветы и райкомы, оказался подкреплен государственным аппаратом, привлеченным к раскулачиванию на данном этапе.

Выявленные кулацкие элементы разделялись на три фракции, согласно постановлению ЦИК и СНК «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [100, с. 70–76] от 1 февраля 1930 г.

К первой категории были отнесены те, кто оказывал активное сопротивление (то есть с оружием в руках) коллективизации и другим мероприятиям советской власти; ко второй — «все наиболее богатые кулаки, не оказывавшие, впрочем, сопротивления; к третьей — все остальные кулаки и «подкулачники» [100, с. 50–51].

Согласно этому постановлению ЦК ВКП(б) первая категория практически полностью подлежала уничтожению или максимально длительному заключению в тюрьмах и концлагерях.

Вторая категория подлежала насильственному выселению в отдаленные и малообжитые районы страны, в так называемые «спецпоселки», находившиеся в ведении «спецкомендатур» ОГПУ (более того, принадлежащих к данной категории людей приказывалось использовать только на тяжелых физических работах, и это при специально уменьшенном пищевом рационе).

Третью категорию, самую многочисленную, предполагалось не выселять, а если и выселять, то в пределах мест проживания и с частичным сохранением необходимого имущества (у первых двух категорий проводилась его полная конфискация) [100, с. 70–76].

Добавим, что тройки по раскулачиванию, отвечавшие за разделение кулаков на категории, могли произвольно, на основании той же инструкции, менять отнесение к ним любого лица из числа указанного элемента. В подтверждение того, что в республике при делопроизводстве не придерживались принципа разделения кулаков на категории, свидетельствуют архивные дела МВД по Республике Бурятия, касающиеся раскулачивания. Например, в фонде 013 отдела специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия из 589 дел репрессированных в административном порядке нет данных о причастности крестьян к той или иной категории.

Всеобщая коллективизация и организованное на ее основе уничтожение кулачества как класса стали причиной того, что уже к лету 1933 г. в колхозах Бурятии находилось 64,8% всех крестьянских хозяйств. Однако крестьяне успели уничтожить часть производительных средств. Только сокращение поголовья скота в 1932 г. по сравнению с 1928 г. составило 60,2% [201, с. 85].

Итогом деятельности по всеобщей коллективизации, ставшей важной стадией окончательного установления тоталитарной системы, стало уничтожение миллионов мелких собственников и создание вместо них «колхозного крестьянства». Колхозники в отличие от независимых собственников утратили собственность на средства производства и оказались в жестком подчинении вертикали власти. По своей сути крестьяне снова превратились в крепостных, окончательно прикрепление к земле было легитимизировано в 1932 г. при введении паспортного режима, строго контролирующего и ограничивавшего передвижения людей по стране. При этом жители сельской местности не получали паспорта вплоть до 1974 г. Коллективизация причинила колоссальный вред сельскому хозяйству в частности и социально-экономическим отношениям в целом. Руко-

водство страны получило неограниченные возможности для изымания материальных средств из сельского хозяйства.

О негативных последствиях раскулачивания и ссылки для конкретных хозяйств информируют дела из архива МВД по Республике Бурятия. Например, дело Серебрянникова Дмитрия Петровича. Уроженец села Усть-Кяхта, 1893 года рождения, имевший шесть детей, подвергся раскулачиванию в 1932 г. и выселению в 1933 г. в Томскую область. До революции имел 14 десятин пахоты, 24 лошади, 13 коров. После 1929 г. имелось 6 десятин пахоты, 4 лошади, 6 коров. Из ссылки семья Серебрянниковых вернулась в 1948 г., к этому времени в живых из всей семьи остались только 3 сына [53, д. 75, л. 1–11].

Ещё одним характерным примером негативного влияния ссылки служит дело Будаева Жаны Будаевича, 1886 года рождения, уроженца с. Сутай Мухоршибирского района, имевшего четверых детей, подвергся раскулачиванию в 1933 г. и выселению в Томскую область. До революции имел 8 десятин пахоты, 10 лошадей, 45 коров. После 1929 г. осталось 5 десятин пахоты 4 лошади, 25 коров. С учета спецпоселения семья была снята в 1947 г. [53, д. 612, л. 1–25]

Оценивая информативность личных дел фонда 013 архива МВД по РБ, следует сказать, что они несут ценную, ранее не вводившуюся в научный оборот информацию. Следовательно, анализ архивных дел, хранящихся в фонде 013 отдела специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия, дает возможность проследить не только проведение административных репрессий (высылка, ссылка, раскулачивание, налогообложение), но динамику уменьшения поголовья скота и пахотных земель в 1929–1930 гг.

Особенностью реализации коллективизации в Бурят-Монгольской АССР являлась высокая степень злоупотреблений и нарушений закона в действиях местных властей. Не получая отпора от общественных институтов, власть всех уровней допускала прямой произвол и нарушение закона, например, объявляли районами сплошной коллективизации местности, которые таковыми не долж-

ны были стать, по крайней мере, в ближайшие десятилетия. Также представители властных структур закрывали глаза на дефицит экономической эффективности коллективных хозяйств, в первую очередь, из-за полного отсутствия заинтересованности колхозников в плодах собственного труда.

Таким образом, изучив характер и масштабы политических репрессий в форме административных преследований в Бурят-Монгольской АССР, мы пришли к следующим выводам.

К разновидностям административных репрессий относятся ссылка и высылка, обобществление имущества, лишение избирательных прав, наложение дополнительных налогов и штрафов. Если высылка и ссылка в административном порядке входили в компетенцию органов ОГПУ — НКВД, то наложение дополнительных налогов (в том числе «твердых заданий») и обобществление имущества раскулачиваемых входили в ведение сельских советов и районных (аймачных) исполнительных комитетов. Это, в свою очередь, при затруднении контроля за местными исполнительными органами приводило к злоупотреблению в больших масштабах. Лишение же избирательных прав входило в компетенцию районных избирательных комиссий и чаще всего не применялось как самостоятельная мера наказания, а шло «довеском» к другим видам наказания.

Все меры политического террора в форме административных репрессий были направлены на уничтожение индивидуального независимого собственника и перераспределение материальных ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Уничтожение индивидуальных собственников способствовало снижению вероятности возникновения какой бы то ни было оппозиционной силы — это была основная политическая цель коллективизации. Анализ документов архива МВД по Республике Бурятия позволил определить, что высылка и ссылка оказывали самое негативное влияние на социально-экономическое состояние крестьян. Особенность коллективизации в Бурят-Монгольской АССР заключалась в высокой степени злоупотреблений и нарушений закона со стороны местных властей.

Сущность и способ реализации налоговой политики в Бурят-Монгольской АССР, как и в целом по стране, были плохо спланированы и не продуманы, что привело к многочисленным злоупотреблениям и нарушениям норм советского права.

1.3. Уголовное преследование по политическим мотивам в Бурят-Монгольской АССР (конец 1930-х — начало 1950-х гг.)

Политические репрессии в Советской России начались с момента Октябрьской революции. В массовых масштабах они начали применяться с конца 1920-х гг. С юридической точки зрения выделяются уголовные и административные преследования. Рассмотрим уголовное преследование по политическим мотивам.

В конце 1920-х гг. в связи с развернувшейся коллективизацией и раскулачиванием началось не только административное, но и уголовное преследование сельских жителей. Юридическим основанием для уголовного преследования кулаков стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [23, л. 64–69]. Постановление гласило: «... исходя из политики ликвидации кулачества как класса, наравне с аннулированием найма рабочей силы и аренды земли, изъятием средств производства предусматривать разные виды репрессивных мер в отношении кулаков: от выселения и заключения в концлагерь до применения высшей меры репрессий» [23, л. 64–65].

Ответом на раскулачивание стало протестное движение в сельской местности, проявившееся по всему СССР и имевшееся в том числе и в Бурят-Монголии [194]. Архивные документы отражают факт того, что протест против проводимых преобразований в сельской местности выражали разные слои населения. Из доклада КРО ОГПУ (контрразведывательный отдел) «Предварительные итоги оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в деревне с 1 января по 15 апреля 1930 г.» от 29 апреля 1930 г. мы видим следующую картину: «Характерным для такти-

ки контрреволюционных повстанческих организаций последнего периода времени является тесный блок к/р [контрреволюционных] элементов разных толков и направлений.

В целом ряде районов (Казахская ССР, Сибирь, Урал, Дальневосточный край, Северо-Кавказский край) мы имели факты блока национальной (восточной) контрреволюции с русской (преимущественно казачьей) контрреволюцией. Это тем более характерно, если учесть то обстоятельство, что национал-контрик вместе с русским контриком идет на борьбу «против колонизаторской политики русских большевиков» [105, с. 746–763].

В следующем документе, справке КРО ОГПУ «Предварительные итоги оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в деревне с 1 января по 15 апреля 1930 г.», мы видим продолжение темы, касающейся объединения контрреволюционных организаций разных направлений и национальностей: «В ряде восстаний и банд (руководимых контрреволюционными организациями) участвуют в тесном содружестве алтайцы и русские казаки (Ойратия), буряты и русские казаки (Бурят-Монголия и ДВК), русские казаки и казаки-националы (Казахская ССР). Местами русские казаки руководят восстаниями и бандами националов и наоборот (Ойратия — Бочкаревы, Ташкинов; каракумские повстанцы Казахстана; Мухор-Шибирь и Чита)» [112, с. 312–327].

Соответствующее объединение оппозиционных сил против политики, осуществляемой в сельской местности на рубеже 1920–1930-х гг., проводилось не только в Сибири, но и по всей территории СССР.

Опираясь на исследования Д. Л. Доржиева, подчеркнем, что в 1930 г. по Бурят-Монгольской АССР также прокатилась волна вооруженных крестьянских мятежей, распространившихся в основном в аймаках со старообрядческим и полукочевым населением. Численность восставших отрядов составляла до нескольких сотен человек. Восстания были в Бичурском, Мухоршибирском, Кяхтинском аймаках. Для расследования этих волнений были заведены уголовные дела одновременно с Читинским краевым

отделом и областным отделом Бурят-Монголии государственного политического управления. По уголовным статьям 58–2, 58–3, 58–10 было привлечено более 800 человек. По итогам судебных решений было вынесено 29 приговоров к высшей мере наказания, 115 человек приговорены к лишению свободы на срок от 2 до 10 лет, 53 человека приговорены к условным мерам наказания, 11 человек высланы вместе с семьями из республики, в отношении остальных разбирательство было прекращено [194, с. 135–141].

Также в 1930 г. прошли вооруженные выступления меньшего масштаба в Тункинском аймаке (села Зактуй и Тунка), в Хоринском аймаке в селе Леоновка, в Селенгинском аймаке. Вооруженные выступления происходили и позже, например, в Мухоршибирском аймаке летом 1931 г. и прочее [194, с. 131–143].

Необходимо отметить, что в этот период активной формой противостояния проводимому правительством курсу являлись вооруженные выступления, причиной которых являлись ужесточения налоговой политики по отношению к зажиточным слоям крестьянства, а также насильственное вовлечение крестьянских хозяйств в колхозы, раскулачивания и т. д. Кроме активной формы противостояния были и пассивные меры: сокращение скота и посевов, укрытие сельхозпродукции и инвентаря, бегство с места проживания, нерадивое отношение к работе в колхозе.

Несмотря на кризис, вызванный коллективизацией и жесткой налоговой политикой, и на угрозу голода в сельской местности правительство не намерено было менять политику и отходить от плана коренного переустройства сельского хозяйства.

Осенью 1930 г. давление на сельских жителей усилилось. Была продолжена практика «твердых заданий», которые раздавали сельские советы зажиточным крестьянам. Невыплата этого налога грозила уголовным преследованием. Например, только в Кяхтинском районе милиция за период с 1 ноября 1930 г. по 5 октября 1931 г. за невыполнение твердых заданий завела по статье 61 Уголовного кодекса 79 уголовных дел [45, л. 119]. Рассмотрение этих дел было показательным, с приданием широкой огласке и организацией общественного порицания.

Репрессиями в виде уголовного преследования (расстрелом, заключением в тюрьмы, концлагеря, отправкой в ссылку) занимались как ОГПУ, так и Наркомат внутренних дел [413, с. 43–44].

Уголовное преследование по политическим мотивам в Советском Союзе так же, как и в Бурят-Монгольской АССР, проводилось не только в сельской местности. С 1930-х гг. начались первые показательные уголовные процессы по политическим статьям и массовые аресты. Например, в 1933 г. произошел характерный для тех лет показательный политический процесс на территории БМАССР по делу Трудовой крестьянской партии, по которому проходило 44 человека [299, с. 63].

Подготовка к массовым политическим репрессиям в Бурят-Монгольской АССР началась заранее, о чем свидетельствует смена руководства НКВД Бурят-Монголии в 1936 г. Этому свидетельствует приезд в республику в 1937 г. группы сотрудников, в числе которых были будущий нарком внутренних дел В. А. Ткачев, его помощники Л. И. Гайковский, В. Д. Полканов и другие [268].

Вследствие значительной корректировки механизма осуществления репрессий органы НКВД были освобождены от контроля, который осуществляли Прокуратура и партийные органы до 1937 г.

Период 1937–1938 гг. для советских карательных спецслужб стал самым важным по объему полномочий и степени воздействия на общество и самым необычным по последствиям для самих органов НКВД этапом в их истории. Именно в этот период тройки НКВД обрели в общественном сознании свое нарицательное значение как высшая форма государственного произвола, олицетворявшая конвейерный способ уничтожения сотен тысяч людей [385, с. 128–154]. Использование троек в ходе массовых операций НКВД в эти годы существенно отличалось от кампаний предшествующих лет по следующим причинам.

Во-первых, в состав троек впервые были введены секретари партийных организаций республик, краев и областей (в ряде случаев председатели исполкомов). В 1930–1934 гг. полномочия

партийных руководителей в этой области имели ограниченный характер: секретари лишь получали информацию о приговорах троек. Теперь же партийные руководители должны были ставить свои подписи в протоколах наравне с начальником УНКВД и прокурором. Этот шаг придавал деятельности троек явный политический характер, а также позволял разделить ответственность за развязанный террор между всеми его участниками [386, с. 163].

Так, например, в составе тройки Бурят-Монгольской АССР в 1936–1938 гг. были от НКВД П. П. Бабкевич (расстрелян в 1939 г.), Н. Н. Попов, а затем В. А. Ткачев (расстрелян в 1941 г.), от руководства республики Д. Д. Доржиев (председатель СНК, расстрелян в 1937 г.), Г. В. Воронцов, от прокуратуры А. А. Гросс (расстрелян в 1938 г.).

Во-вторых, повседневная «работа» троек в 1937–1938 гг. систематически контролировалась и направлялась из Москвы. На каждой стадии массовой операции (обычно по «пятидневкам») председатели троек докладывали руководству НКВД об исполнении лимитов и с санкции Политбюро получали новые задания. Партийные руководители при этом часто выступали в роли агентов НКВД, просивших Сталина об увеличении лимитов. Так, 21 октября 1937 г. на заседании Политбюро было принято решение: «Утвердить предложение Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) об увеличении репрессированных контрреволюционных элементов по первой категории до 1 тыс. чел.» [28, л. 34]. Первоначальные лимиты, выделенные по приказу № 00447 Бурят-Монголии, составляли 350 чел. по первой и 1,5 тыс. чел. по второй категории. Решением от 15 октября республике был выделен дополнительный лимит — 800 чел. по первой категории и 500 чел. по второй. Об этом было сообщено в Улан-Удэ шифротелеграммой М. П. Фриновского от 20 октября 1937 года [134, с. 99–115].

Аналогичные решения принимались также по запросам Читинской области (16 апреля 1938 г. лимит увеличен на 3 тыс. человек по первой категории) [21, л. 11], Красноярского края (16 марта и 28 апреля 1938 г. лимит увеличен на 1 500 и 3 000

человек по первой категории) [28, л. 152], Иркутской области (29 апреля 1938 г. лимит увеличен на 4 000 человек по первой категории) [21, л. 24], Алтайского края (20 октября 1937 г. лимит увеличен на 4 000 для первой категории и 4,5 тыс. человек для второй категории) [28, л. 32] и Омской области (29 апреля и 10 мая 1938 г. лимит увеличен на 1 000 человек по первой категории) [27, л. 95]. Такая же ситуация прослеживалась и в других регионах СССР.

В-третьих, высокая степень централизованного бюрократического контроля явилась причиной формирования вокруг троек большого объема особого делопроизводства. Размах социальной чистки оказался настолько велик, что потребовал от троек чрезвычайной активности и выполнения огромного объема формализованных процедур: составления десятков тысяч следственных дел, заполнения массы томов протоколов с приговорами, представления в центр разнообразной отчетности. Тройки обслуживали практически одновременно несколько репрессивных кампаний — по «кулакам», «эсерам», «РОВС» (Русский общевойсковой союз, созданный Белой эмиграцией), «ПВО» (Польская военная организация), уголовникам, «церковникам», латышам, «харбинцам» и «перебежчикам» [276].

Отсюда следует, что тройки ввиду большого объема «рассмотренных» дел и малого штата «судей» не имели возможности подробно разбирать дела, поэтому их деятельность сводилась к простому оформлению уголовных дел.

На примере республики мы видим, что репрессии, как и в стране, массовый характер приобретают после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. 2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об антисоветских элементах» [93, л. 234–235].

В 1937 г. стартовала кампания борьбы с вредителями как составная часть общей чистки. К такого рода делам на республиканском уровне относилось дело панмонголистов. Следствие представило картину существования крупномасштабной организации с разветвленной структурой и тесными связями, в том числе и с зару-

бежными спецслужбами. Во главе такой большой организации по логике следствия должен был стоять первый секретарь обкома Бурят-Монголии М. Н. Ербанов. По делу панмонголизма была арестована почти вся правящая элита республики.

В своем письме от 15 ноября 1937 г. Н. И. Ежов и В. Сталину сообщает о ходе расследования панмонгольской шпионской организации: «По показаниям арестованных участников организации центра в панмонгольскую организацию входили: Ербанов — бывший первый секретарь обкома ВКП(б), Маркизов — бывший второй секретарь обкома ВКП(б), Доржиев — бывший председатель СНК, Дампилон — бывший председатель БурЦИК, в Ленинграде профессора: Барадийн [Б. Барадин], Жамсарано и Абту Анис Доржиев — неофициальные представители Тибета. Организация охватила все основные участки народного хозяйства Бурят-Монголии, создав в ряде районов повстанческо-диверсионные филиалы. Ряд участников организации были связаны с японской разведкой. Как показано следствием, Ербанов установил связь с пантюркистским центром, возглавляемым Рыскуловым. По делу арестовано 142 человека, в том числе: наркомы — 5, секретари райкома ВКП(б) — 7, председатели райисполкомов — 5, сотрудники НКВД — 3, работники республиканской организации — 54, кулаки и ламы — 68. Аресты продолжаю» [93, с. 430–431].

По мере того как репрессии набирали масштаб, арестам по политическим мотивам подвергались и рядовые граждане. Репрессии 1937–1938 гг. коснулись всех партийных, государственных, культурных, общественных и образовательных структур, нанося невосполнимый вред Бурят-Монгольской АССР. Репрессированию подверглись видные ученые: Б. Барадийн, Ц. Жамцарано, писатели П. Дамбинов (Солбонэ Туя), Ц. Дондубон (Ц. Дон) и многие другие. В 1938 г. репрессирован бывший председатель реввоенсовета Монголии, профессор кафедры политической экономии Коммунистического университета трудящихся Востока Э.-Д. Ринчино.

Из-за уголовного дела панмонголистов была фактически разгромлена Бурятская кавалерийская бригада РККА. В начале 1938 г.

парткомиссией Буркавбригады и органами особого отдела ЗаБВО было исключено из партии и арестовано более пятидесяти командиров и политработников Буркавбригады [157], в том числе и И. В. Балдынов, в годы Великой Отечественной войны получивший звание Героя Советского Союза.

В ходе широкомасштабных репрессий не избежали участи своих близких родственники «врагов народа». В специальном сообщении от 15 октября 1938 г. Н. И. Ежова и Л. П. Берии И. В. Сталину об арестах жен изменников Родины: «По предложению НКВД СССР 5 июля 1937 г. ЦК ВКП(б) принял решение о репрессировании жен избалованных изменников родины, правотроцкистских шпионов» [93, с. 563].

По данным Книги памяти жертв политических репрессий в Бурятии, среди арестованных женщины составили менее 2%, это свидетельствует о том, что приказ НКВД об аресте жен репрессированных в Бурят-Монголии не получил широкого применения [410, с. 113].

Репрессии коснулись и сотрудников органов государственной безопасности. Уже в декабре 1937 г. внутри органов НКВД БМАССР была «вскрыта» и ликвидирована «антисоветская, правотроцкистская, националистическая, шпионско-диверсионная организация» [268]. Были репрессированы Д. Д. Никифоров — начальник областного управления НКВД БМАССР, офицеры Л. Е. Помытов, Д.-Ц. Ч. Чимытов, С. Ч. Чимидун, К. К. Спелит, Г. М. Митыпов и другие [299, с. 61–68]. Их дела находились на контроле у заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского.

В целом по БМАССР за 1937–1941 гг. было репрессировано 24 сотрудника НКВД. Многие из них были прямыми виновниками и ревностными исполнителями репрессий в БМАССР.

Остановимся на характеристике данных, содержащихся в Книге памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия. При исследовании мы получили статистические данные, характеризующие репрессивную государственную политику в Бурятии. Исследованию подверглись 7 томов, которые содержат

12 753 записи. К сожалению, не во всех записях присутствует полная информация, это связано с тем, что делопроизводство в 1920–1940-е гг. в СССР было некачественным. Например, по национальности нет информации у более чем 8 тыс. человек. Такая же картина и по другим признакам.

По данным переписей, проведенных в 1926 г. и 1939 г., в Бурят-Монгольской АССР проживало 526/524 тыс. и 545 тыс. человек соответственно [133, с. 349]. Также известно, что буряты составляли приблизительно 1/3 населения Бурят-Монголии. В 1926 г. численность бурят составляла 215 тыс. [169, с. 8], а в 1939 г. — 116 тысяч [170, с. 95]. В то же время число осужденных представителей бурятской национальности, занесенных в Книгу памяти, на 13% меньше, чем русских, численность которых в Бурят-Монголии в 1930-е гг. превышала 50% [170, с. 101].

Таблица 1

Национальный состав

Национальность	Процент	Количество
Русские	15,86	2 023
Буряты	13,89	1 772
Китайцы	1,45	185
Украинцы	0,79	102
Евреи	0,39	51
Другие национальности	3,32	424
Нет сведений	64,26	8 196

Из данных таблицы 1 можно заключить, что репрессии имели национальную окраску. Об этом говорит и тот факт, что третьей по численности национальностью, подвергшейся репрессиям, являются китайцы, а их, по переписи 1939 г., в Бурят-Монголии проживало 1 498 [170, с. 104–105]. Для сравнения: украинцев по

той же переписи проживало 13 392 [170, с. 103], а арестам подверглись 102.

Таблица 2

Уровень образования

Уровень образования	Процент	Количество, чел.
Всего грамотных	87,05	11 076
Среднее образование	2,15	273
Высшее образование	1,57	199
Неграмотные	12,95	1 647

Данные таблицы 2 отображают уровень грамотности среди жертв политических репрессий, внесенных в Книгу памяти. Критерии для оценки грамотности в 1930-е гг. были довольно низкими, для того чтобы считаться грамотным, достаточно было уметь читать по слогам и написать свою фамилию [169, с. 31]. Но даже при таком критерии не была «достигнута» широко разрекламированная пропагандой «сплошная» грамотность, по переписи 1939 г., в Бурят-Монголии из 545 тыс. человек грамотными считались 333 тысяч [170, с. 124]. Исходя из этих данных можно отметить, что арестам подвергались в первую очередь грамотные, образованные люди. Также уровень грамотности можно проследить по архивным делам, хранящимся в отделе специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия. Во многих документах репрессированные расписываются отпечатком пальца [53, д. 355, л. 5].

Что касается высшего образования по России, то среди мужчин к 1939 г. его имели 1,7% [197, с. 183]. Так как мужчины составляют подавляющее большинство числа внесенных в Книгу памяти (табл. 3), то данная цифра наиболее подходит для сравнения. Количество политических осужденных с высшим образова-

нием, внесенных в Книгу памяти, немногим меньше, чем процент мужчин с высшим образованием вообще, по стране. Данный факт говорит, о достаточно большом количестве людей с высшим образованием среди жертв политических репрессий, внесенных в Книгу памяти.

Таблица 3

Половая принадлежность

Пол	Процент	Количество
Мужчины	97,81	12 474
Женщины	1,95	249

Таблица 3 дает сведения о половой принадлежности людей, включенных в Книгу памяти жертв политических репрессий. Сведения, отраженные в этой таблице, говорят о том, что в Бурят-Монголии в 1920–1930-е гг. во многом сохранялись черты традиционного общества, где женщина еще не является в массовом порядке субъектом права [327, с. 18–20].

Таблица 4

Возрастные показатели

Возраст	Процент	Количество/лет
Старше 50 лет	39,4	5 025
От 30 до 50 лет	46,13	5 884
Младше 30 лет	14,45	1 844
Средний возраст		47,2
Самый молодой		17
Самый пожилой		82

Из материалов таблицы 4 видно, что самая малочисленная возрастная категория — это осужденные до 30 лет. Молодые люди,

выросшие и воспитанные в СССР, в большинстве своем действительно верили в те идеалы, которые пропагандировались с утра до вечера. В пользу этой точки зрения говорит и средний возраст осужденных, который составляет 47,2 года. Люди более зрелого возраста, имевшие опыт проживания при другом политическом строе, обладали возможностью сравнивать условия проживания, что могло толкать их на некоторую оппозиционность мышления и действия.

Таблица 5

Распределение арестованных по территориальному принципу

Район	Осужденные в процентах	Количество осужденных, чел.
г. Улан-Удэ	36,6	4 668
Селенгинский р-н	9,03	1 152
Кяхтинский р-н	7,62	972
Мухоршибирский р-н	7,26	926
Закаменский р-н	7,08	904

В таблице 5 отражены количественные данные по месту ареста осужденных, разбивка общего потока ведется на районы и город Улан-Удэ. Из материалов таблицы видно, что треть жертв политических репрессий арестована в городе Улан-Удэ. Далее идут четыре района — «лидеры» по арестованным на их территории: Селенгинский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Закаменский. Данные районы отличались тем, что в них зафиксировано наибольшее сопротивление проводимым советской властью социальным преобразованиям, а также они выделялись относительно большей численностью населения в сравнении с другими районами республики [327, с. 19–22].

По данным Ю. П. Шагдурова [424, с. 65–82], в Бурятии в период 1917–1922 гг. православное духовенство насчитывало 137 человек, буддийское духовенство составляло 7 419 человек, а старообрядческое — 81 человек. Отсюда следует, что 78,1% пра-

вославных священников, существовавших на момент революции и Гражданской войны, занесены как жертвы репрессий в Книгу памяти. В то же время в Книгу памяти включено только 14,7% буддийских священнослужителей из проживавших в Бурят-Монголии в период 1917–1922 гг. (табл. 6). Это говорит о явной направленности антирелигиозной политики большевиков преимущественно, против православной церкви. «Первые репрессивные меры, предпринятые против церкви на территории бурят-монгольских автономных областей в составе ДВР и РСФСР, начались в 1920 г. Эти меры, как и в общероссийском масштабе, касались в основном православия. Местным властям предоставлялась в некоторой степени самостоятельность решений религиозных вопросов, учитывая специфичность обстановки в регионе» [269, с. 52–53].

Таблица 6

Служители религиозного культа

Служители культа	Количество осужденных, чел.	Количество осужденных, %
Ламы	1 044	8,2
Священники	107	0,83
Уставщики	23	0,18
Начетчики	16	0,12

Из данных, представленных в таблице 7, видно, что значительная часть уголовных дел прекращалась и не доходила до приговора. Данный показатель говорит о том, что в процессе «выбивания» «нужных» показаний среди подсудимых процент смертности возрос.

Таблица 7

Меры пресечения

Мера пресечения	Количество осужденных, чел.	Количество осужденных, %
Высшая мера наказания	2 081	16,32
От 10 до 20 лет лишения свободы	2 378	18,65
От 5 до 10 лет лишения свободы	2 793	21,9
5 лет лишения свободы и менее	1 518	11,9
Прекращено дел за отсутствием доказательств либо за смертью подсудимого	2 489	19,52
Зачтено в наказание срок предварительного заключения	73	0,57
Выслано	705	5,53
Штраф	7	0,05

Проведя анализ базы данных Книги памяти жертв политических репрессий, мы получили ценную информацию статистико-демографического характера. Узнали данные о национальном, половозрастном составе, уровне образования и мере пресечения для лиц. Также узнали, из каких районов были репрессированы осужденные, число священнослужителей и их принадлежность к конфессии (православие, буддизм, древлеправославие).

Книга памяти, безусловно, гораздо менее детальный и подробный источник, чем архивно-следственные дела. Последние дают больше информации о социальном происхождении и социальном положении репрессированных, их семейном и материальном положении и других аспектах биографии. Однако при издании Книги памяти собираются, обобщаются, систематизируются материалы, хранящиеся зачастую в разрозненных фондах разных

архивов, поэтому анализ данных Книги памяти позволяет ускорить и облегчить процесс изучения и сопоставления фактов. Это дает возможность изучить историю советской политической системы более детально и разнопланово, информационный потенциал Книги памяти более значим, чем ведомственная статистика.

К концу 1939 г. создались условия для ослабления политического террора. Поворот в репрессивной политике в направлении уменьшения ее масштабов был неминуем. Руководство государства посчитало, что цели террора были достигнуты. Люди, причисленные к потенциально опасным элементам общества, были разгромлены. Уничтожены целые социальные группы, не внушавшие доверия власти.

Законодательно сворачивание масштабных репрессий было оформлено 17 ноября 1938 г. в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Издание этого постановления было сигналом для значительного уменьшения, но не прекращения репрессий. Политика запугивания с помощью уголовного преследования по отношению к собственным гражданам осуществлялась на протяжении всей истории существования СССР. Еще один подъем политических репрессий произойдет после Второй мировой войны. Хотя исследования показывают, что политические репрессии не прекращались на территории Бурят-Монгольской АССР и на протяжении войны: «С 1941 по 1945 г. арестован 871 человек. Из них в 1941 г. арестовано 393 человека, в 1942 г. — 217, в 1943 г. — 123, в 1944 г. — 104 и в 1945 г. — 34 человека» [413, с. 45].

Что касается печальных итогов репрессий конца 1930-х гг., то С. А. Папков в своей статье, посвященной деятельности тройки ОГПУ—НКВД в Сибири, говорит следующее: «С июля 1937 г. по март 1938 г. тройками НКВД в регионах Сибири были вынесены приговоры десяткам тысяч арестованных, декабрь 1937 г. оказался апогеем массовых операций. На этой стадии произошло не только резкое увеличение общего числа приговоренных жертв, но и резкое ужесточение в применении расстрелов — с 31,5% в ноябре до 86,6% в декабре» [385, с. 135–136]. Автор дает следу-

ющие цифры по итогам работы троек (операции по «РОВС» и приказу № 00447 с июля 1937 г. по 1 марта 1938 г.). Иркутская область: всего приговоренных 15 353, из них по первой категории (расстрел) — 9 171, по второй категории — 6 182 человека. Читинская область: всего приговоренных 11 050, из них по первой категории (расстрел) — 7 635, по второй категории — 3 419 человек. Бурят-Монгольская АССР: всего приговоренных 5 253 человека, из них по первой категории (расстрел) — 2 425, по второй категории — 2 828 человек [385, с. 138–141].

Необходимо отметить, что из трех регионов только в Бурят-Монголии число приговоренных тройкой по первой категории ниже, хоть и незначительно, чем приговоренных по второй категории. По данным исследователей, «... за 1937 г. и десять месяцев 1938 г. в Бурятии подверглось аресту 6 836 человек, из которых были осуждены 4 907. Из числа осужденных 2 483 человека прошли по первой категории, т. е. были приговорены к расстрелу. Остальные 2 424 человека получили различные сроки наказания. Бурятия была превращена в шпионскую Мекку. За два года органы обнаружили и обезвредили 569 шпионов из 13 иностранных разведок: 347 японских шпионов, 74 польских резидента, 12 немецких, 5 эстонских, 3 литовских и по одному шпиону из Румынии, Болгарии и Югославии» [301, с. 95–98]. Следует подчеркнуть, что эти цифры подтверждаются данными электронной базы «Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» [466].

Опираясь на материалы многотомного издания «История Бурятии», следует отметить, что «... список подвергшихся репрессиям по Республике Бурятия составляет почти 20 тысяч человек. Кроме того, многие уроженцы Бурятии были репрессированы за пределами республики и их дела находятся на архивном учете в других регионах России и стран СНГ» [122, с. 124].

В электронную базу данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» на сегодня внесено только 14 280 записей, из них 1 988 человек были осуждены к высшей мере наказания — расстрелу [327, с. 23]. Следовательно, остается

несколько тысяч человек, ставших жертвами политических репрессий в Бурят-Монгольской АССР, но не внесенных в электронную базу данных Книги памяти.

Таким образом, подводя итог вышеизложенным аргументам, необходимо отметить, что в Бурят-Монголии до 1953 г. комплекс мер государственной репрессивной политики можно разделить на четыре этапа.

Первый этап начинается с окончательного установления Советской власти в 1922 г. и заканчивается в 1934 г. Для него характерно точечное применение уголовного законодательства по политическим мотивам. Самыми массовыми категориями населения, подвергшимися уголовному преследованию в этот период, становятся крестьяне, оказавшие сопротивление раскулачиванию, иностранные граждане и люди, контактировавшие с ними.

На втором этапе, который начался с 1934 г. с принятия целого ряда законодательных актов и ведомственных распоряжений, преследование по уголовному кодексу «политических» оппонентов становится, как мы увидели, хаотичным и плохо поддающимся управлению явлением, данный этап заканчивается с началом Великой Отечественной войны.

Третий этап (1941–1945) — военный. Рассмотрение данного этапа требует дополнительных исследований и отдельного внимания из-за его специфичности.

Четвертый этап (с 1946 по 1953 г.) — этап послевоенных репрессий, направленных, в первую очередь, против ветеранов войны и для устранения ожидания перемен, которое появилось в обществе в связи с победой в войне. Третий и четвертый этапы из-за своей объемности и специфичности не рассматривались в данной работе подробно, так как требуют самостоятельных исследований.

Таким образом, рассмотрев репрессивную политику в виде уголовного преследования в Бурят-Монгольской АССР, мы пришли к следующим выводам.

Репрессивная политика Советского государства в 1920–1930 гг. нанесла существенный урон военному и экономическому

потенциалу страны. Также важно отметить, что репрессии были всеобъемлющими, не было людей, застрахованных от ареста.

На государственном уровне не была дана политическая оценка массовым беззакониям. Поэтому и в последующие годы политические репрессии в виде уголовного преследования продолжались до начала 50-х гг. XX в.

Используя электронную базу Книги памяти жертв политических репрессий, мы получили ценную информацию о количестве репрессированных, национальном составе, территориальные показатели, а также показатели. Анализ состава репрессированных, имена которых занесены в электронную базу данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия», позволяет подтвердить сведения о масштабах репрессий, выдвинутые исследователями в начале 1990-х гг.

Глава 2

РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРУШЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

2.1 Государственно-правовая деятельность по защите прав жертв политических репрессий в 1953–1991 гг.

Процесс формирования правовой деятельности государства по защите прав репрессированных начался сразу после смерти И. В. Сталина. Первым нормативным документом стал указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», в котором фиксировалось положение об освобождении заключенных, осужденных на срок до 5 лет. Согласно тексту указа предлагалось освободить заключенных независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления и преступления, совершенные во время боевых действий, прописанные в соответствующих статьях УК РСФСР [102, с. 17].

Указ «Об амнистии» затрагивал и некоторых родственников высших партийных чиновников: весной 1953 г. выходят постановления Президиума ЦК КПСС «О восстановлении в партии П. С. Жемчужиной» [20, л. 56] и иные правовые документы, позволившие иначе интерпретировать политические судебные процессы 1940–1950-х гг.

Положительное влияние на правовую систему государства оказал указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР» от 1 сентября 1953 г. В соответствии с этим указом была восстановлена судебная система, упразднены внесудебные органы, было установлено, «что все дела о совершенных преступлениях рассматриваются только в судебных органах» [102, с. 70]. А также согласно этому документу заявления и жалобы осужденных внесудебными органами должны были передаваться на рассмотрение в прокуратуру.

С весны 1954 г. Президиум ЦК КПСС рассматривает предложение о создании Центральной комиссии по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления». В это же время до высшего партийного руководства доводятся сведения о количестве политических репрессированных. По данным письма, составленного Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, министром внутренних дел СССР С. Н. Кругловым и министром юстиции СССР К. П. Горшениным на имя Н. С. Хрущева от 1 февраля 1954 г., общее количество осужденных за «контрреволюционные преступления» (в период с 1921 г. по февраль 1954 г.) составляло 3 777 380. Из них к высшей мере социальной защиты приговорено 642 980; к заключению до 25 лет — 2 369 220; сослано и выслано 765 180 человек [8, л. 30–37]. Всего согласно данным письма в судебном порядке (специальной и военной коллегиями Верховного суда, различными трибуналами и судами различных инстанций) осуждено 877 000 человек. В внесудебном же порядке (тройками НКВД, коллегией ОГПУ, особыми совещаниями при НКВД и ОГПУ) осуждено 2,9 миллиона человек [8].

В мае 1954 г. начала свою работу Центральная комиссия по реабилитации, которую возглавил Р. А. Руденко. Данная структура проводила пересмотр приговоров, вынесенных особым совещанием при НКВД и коллегией ОГПУ, а также дел на осужденных тройками НКВД—УНКВД, пересматривались республиканскими, краевыми и областными комиссиями [102, с. 117].

За период с мая 1954 г. по март 1956 г. комиссии провели пересмотр дел, заведенных на 337 183 человек, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Стоит отметить, что на 1 февраля 1954 г. в тюрьмах и лагерях находилось 467 964 человек, отбывающих наказание за контрреволюционные преступления [365, с. 39]. Юридическая реабилитация граждан осуществлялась тогда, когда уголовные дела прекращались на стадии расследования, пересмотра или в случае оправдания судом. Следовательно, реализовывалась только одна составляющая часть реабилитации — юридическая: освобождение некоторых групп заключенных и ссыльных. Осталь-

ные составляющие процесса реабилитации, такие как политическая, моральная, материальная, отсутствовали.

Несмотря на проведение реабилитационной политики, которая заключалась исключительно в освобождении из мест лишения свободы или отмене приговора после смерти, государство не взяло на себя ответственность и не признало факт существования целенаправленной репрессивной политики и массовых ошибок во время следствия. Более того, существование политических репрессий всячески замалчивалось. На обращения граждан о предоставлении сведений об их арестованных родственниках правоохранительные органы с 1939 по 1955 г. отвечали, что они осуждены к 10 годам заключения. С 1955 г. КГБ на тот же запрос родственников дает информацию, что их близкий, приговоренный к 10 годам, умер в местах лишения свободы. На самом деле репрессированные были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны в кратчайшие сроки после вынесения приговора [74, с. 324]. В некоторых случаях родственникам выдавалось фальшивое свидетельство о смерти, при этом в нем дата смерти устанавливалась в диапазоне 10 лет с момента ареста, а причина смерти фальсифицировалась, чаще всего указывались хронические и инфекционные заболевания.

Вышесказанное позволяет нам утверждать, что установленный в 1955 г. порядок лжи на государственном уровне мотивирован тем, что в период массовых репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому правдивое сообщение о судьбе репрессированных могло отрицательно влиять на политическую стабильность.

В результате пересмотра уголовных дел с 1954 по 1961 г. около половины расстрелянных в несудебном порядке оказались реабилитированными.

В 1962 г. было заявлено о пересмотре механизма работы с обращениями граждан о судьбах осужденных родственников, это решение мотивировалось тем, что недостоверные сведения о времени и месте смерти родных и близких ставят «органы госбезопасности в ложное положение» [74, с. 336], что особенно касалось сведений о

людях, обладающих в прошлом заслугами перед партией и государством» [74].

Нельзя не отметить, что положительным шагом было изменение трудового законодательства, согласно которому с 1955 г. на реабилитированных распространялись некоторые права и льготы. К примеру, срок нахождения в ссылке стал входить в трудовой стаж по специальности. А также для реабилитированных граждан был определен ряд жилищных льгот.

В середине 1950-х гг. был принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на изменение положения спецпоселенцев. Согласно принятым правовым документам, отменялись территориальные ограничения для кулаков, выселенных в 1929–1933 гг., а также для различных категорий немцев, в том числе работавших в промышленности в период Великой Отечественной войны [106, с. 325–326].

Политическая обстановка требовала разъяснения государственных мер по отношению к репрессиям и переходу к реабилитации. Такое разъяснение прозвучало на XX съезде партии. До самого съезда, еще 31 декабря 1955 г. проведено заседание Президиума ЦК КПСС, на котором были рассмотрены «вопросы, связанные с реабилитацией» [102, с. 296], обязанность рассмотреть эти материалы была возложена на комиссию под руководством П. Н. Поспелова.

8 февраля 1956 г. комиссия представила в Президиум ЦК отчет о репрессиях во время правления И. В. Сталина. Отчет сообщал о масштабах репрессий в стране в 1935–1940-х гг. Были представлены данные, касающиеся репрессий только по обвинению в антисоветской деятельности, и внимание заострялось на преследованиях лиц из партийно-советского руководства. В документе представлена фактологическая картина массового террора власти по отношению к населению страны. Одновременно прописывалась индивидуальная ответственность И. В. Сталина за создание и функционирование внесудебных органов и использование пыток во время следствия [365, с. 38–46].

9 февраля 1956 г. доклад П. Н. Поспелова заслушали на заседании Президиума ЦК. Вопрос репрессий и реабилитации вошел в

политическую область, начались дискуссии. Сложность положения советской элиты заключалась в следующем. Никому из людей, частных к высшим эшелонам власти, не хотелось брать на себя ответственность за репрессии. Были вполне обоснованные опасения, что при масштабной реабилитации появятся факты об их соучастии. С этой точки зрения своевременным оказался доклад Н. С. Хрущева «О культе личности Сталина и его последствиях» от 25 февраля 1956 г., в котором вина за репрессии с членов Политбюро переключалась на И. В. Сталина.

Первый этап реабилитационной политики 1953–1956 гг. характеризуется крайней неоднозначностью. Основными причинами реабилитации в этот период были перегруженность лагерей и тюрем, возможность использовать реабилитацию как инструмент борьбы за власть и в меньшей степени, на наш взгляд, желание демократизировать систему государственного управления.

Новый этап в реабилитации начался в январе 1956 г., когда вышло постановление Президиума ЦК КПСС «О создании партийных комиссий» [102, с. 308]. А затем эта инициатива получила свое развитие в указе Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел», согласно этому документу были созданы комиссии при Верховном Совете СССР в целях осуществления проверки законности и доказанности судебного решения в отношении преступлений политического характера.

В отличие от комиссии, возглавляемой Р. А. Руденко, эти комиссии работали в более последовательном и целенаправленном ключе, освобождая из мест заключения политических заключенных. Сформированные комиссии были наделены правом на месте решать вопрос об освобождении лиц, дальнейшее содержание под стражей которых не было вызвано необходимостью. Комиссии также могли принимать решения о сокращении срока лишения свободы при условии личного поручительства родственников или общественных организаций (сноска). Освобожденные в результате деятельности комиссий политические заключенные были восстановлены в правах, на руководителей предприятий была возложена обязанность трудо-

устраивать реабилитированных, создавая для них определенные жилищно-бытовые условия [103, с. 30].

По результатам работы комиссии Президиума Верховного совета к 1 октября 1956 г. всего рассмотрению подверглись дела 176 325 человек, из них были освобождены из мест заключения 50 944 человек и отменены приговоры в отношении 3 271 человека (юридически реабилитированы), а также для 17 322 человек снижена мера наказания [103, с. 193]. Для сравнения: Центральная комиссия по реабилитации, функционировавшая с 1954 по 1956 г., освободила из мест лишения свободы менее 50% людей, чьи дела были рассмотрены. Следовательно, функционирование комиссии Президиума Верховного Совета СССР было более продуктивным с точки зрения пересмотра дел и освобождения политических заключенных.

Нововведением для процесса реабилитации 1950-х гг. было привлечение к работе комиссий по реабилитации жертв политических репрессий самих бывших репрессированных из числа реабилитированных коммунистов с большим партийным стажем.

В 1957 г., к 40-летию Октября, была созвана юбилейная сессия Верховного Совета, на которой Н. С. Хрущев прочел речь оправдательного характера И. В. Сталина.

Начинаются попытки приостановить реабилитационный процесс. Например, комиссия под руководством В. М. Молотова, созданная еще в 1956 г. для пересмотра судебных процессов 1930-х гг., пришла к выводу, что не имеется оснований для пересмотра приговоров (Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Пятакова и др.), так как они вели антисоветскую борьбу [103, с. 207].

В замедлении реабилитационного процесса оказал решающее значение Июньский пленум ЦК КПСС, прошедший в 1957 г. На фоне борьбы за власть реабилитационный вопрос был использован как инструмент устранения политических конкурентов: В. М. Каганович, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов были обвинены в организации репрессий [106, с. 483].

Подобные разоблачающие действия против зачинщиков и исполнителей репрессий, по нашему мнению, являлись не только про-

должением развенчания культа личности, но и «показательным элементом» политики «оттепели» для населения страны.

Опираясь на исследования Н. Ф. Бугая [168], можно подчеркнуть, что для этого периода следует выделить специфические моменты реабилитационной политики, проводимой Н. С. Хрущевым. Так, большое значение для изучаемой проблемы имело появление комплекса нормативно-правовых актов, направленных на улучшение социального положения реабилитированных лиц, в которых прописывался порядок компенсации за изъятое имущество и за конфискованные вклады [168, с. 136]. В то же время данные документы имели ряд недостатков: не был проработан механизм их реализации, многие положения документов не последовательны и, что самое главное, эти документы не были опубликованы, их вступление в законную силу не оглашалось с помощью средств массовой информации, а бремя их реализации ложилось полностью на самих реабилитированных. Тем не менее они заложили основу дальнейшей разработки правовых механизмов реабилитационного процесса.

Одной из особенностей периода оттепели было то, что началась реабилитация репрессированных народов. Эта реабилитация, также как реабилитация индивидуальная, была выборочной и далеко не полной. Например, в указах о «Снятии ограничений ...» упоминается, что выселение того или иного народа было связано с обстоятельствами военного времени, а на данный момент их нахождение в местах поселения «не вызывается необходимостью» [103, с. 26]. Следовательно, политическая реабилитация народов, которые были депортированы, не состоялась, эти народы объявлялись помилованными, то есть виновными, но прощеными.

В постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» говорилось, что перечисленные народы были уравнены в правах с остальными советскими гражданами. Также постановление предписывало поддерживать данные народы, с учетом их национальной специфики [106, с. 190]. В то же время в за-

писке Н. П. Дудорова в Центральный комитет партии констатировалось, что изменение статуса спецпоселенцев не означает восстановление последних в имущественных правах. Также спецпоселенцы не могли вернуться в те места, в которых они проживали до выселения [106, с. 67].

Важным итогом политики реабилитации периода «оттепели» стало то, что оказались оглашены в официальных источниках некоторые подробности политических репрессий. Это изменило общественную атмосферу, люди стали интересоваться информацией и захотели заполнить «белые пятна» истории массового террора.

В целом с точки зрения реабилитационного процесса жертв незаконных арестов под конец «оттепели» начался период «отката» в официальной реабилитационной политике, о чем свидетельствуют как возобновление репрессий (диссидентов), так и уменьшение рассмотрения дел по реабилитации. В подтверждение Н. Адлер приводит следующие цифры по рассмотрению дел: 1962 г. — 117, 1963 г. — 55, а в 1964 г. — 27 дел [151, с. 44].

Начинается третий этап реабилитационной политики, который, оперируя историческими реалиями, можно назвать этапом «застоя» (1964–1987 гг.). После отстранения Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. от власти, с формальной точки зрения был сохранен вектор движения на реабилитацию, но с фактической точки зрения началось резкое свертывание реабилитационной политики.

В законодательной деятельности государства также произошли изменения: на протяжении второй половины 1960–1970-х гг. был принят ряд указов Президиума Верховного Совета «Об амнистии», приуроченных к юбилеям и знаменательным датам (1967 г., 1972 г., 1975 г.) [107, с. 279–324].

Согласно этим документам освобождению от наказания подверглись значительные группы заключенных, в том числе граждане, участвовавшие в боевых действиях и получившие награды за участие в Великой Отечественной войне; женщины, имеющие несовершеннолетних детей, а также беременные, совершившие преступления до наступления совершеннолетия.

Тем не менее стоит подчеркнуть, что ни в одном из вышеперечисленных указов «Об амнистии» не говорилось о политических заключенных. Сам термин «репрессии» перестает употребляться в официальных документах, что говорило о замалчивании этой проблемы.

Период 1964–1987 гг. в реабилитационной политике советского государства характеризуется как период «застоя». Но этот период также был неоднозначным. С одной стороны, идет снижение объема рассматриваемых дел реабилитационными комиссиями, с 1964 по 1983 г. реабилитировалось 157 055 человек [395].

С другой стороны, в период «застоя» начинается активизация людей, которые занимаются правозащитной деятельностью. Появление правозащитников было стимулировано общественным запросом. Несмотря на то, что в период «застоя» идет активное преследование инакомыслия, правозащитники в своей деятельности добились некоторого успеха.

Характерным примером возобновления репрессий является дело Б. Д. Дандарона, который был арестован и осужден в 1972 г. за «посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

Новый этап реабилитационной политики в Советском Союзе начинается в 1987 г., когда была создана комиссия при Центральном комитете партии, для изучения репрессий 1930–1950-х гг. во главе с М. С. Соломенцевым [104, с. 15].

За время своей деятельности эта комиссия проделала значительную работу. Так, ею было подтверждена уголовная и партийная реабилитация осужденных по делу об «антисоветской троцкистской военной организации» и «ленинградскому делу» [394].

11 июля 1989 г. Политбюро приняло постановление «О дополнительных мерах ...» [104, с. 15], в котором заявило о том, что пересмотр дел незаконно осужденных будет продолжено в штатном порядке Прокуратурой и КГБ СССР, вне зависимости, подано или нет заявление от репрессированного на реабилитацию. Также был оговорен порядок включения в процесс реабилитации Верховного суда, Комитета партконтроля при ЦК и Министерства юстиции.

11 октября 1988 г. состав комиссии при Центральном комитете партии был изменен, новым главой был утвержден А. Н. Яковлев — выдающийся человек, который сделал многое для реабилитации жертв политических репрессий. Именно под его руководством работа комиссии стала набирать обороты [104, с. 16].

В 1989 г. Политбюро партии впервые признало, что в 1930–1950-е гг. реализовывалась политика по массовому репрессированию граждан. Руководство партии и государства, определяя свое отношение к периоду массовых политических репрессий, указывало, что восстановление исторической справедливости — важный шаг на пути к модернизации социалистического правового государства.

Параллельно комиссия Политбюро помимо рассмотрения вопросов о восстановлении юридической и социальной непредвзятости сделала попытку изучить причины и механизмы репрессивной политики. Для этого в 1988 г. комиссией решались четыре группы вопросов. Первая группа: вопросы об незаконности и противоречивости внесудебных органов и списков и т. п. Вторая группа: вопросы, касающиеся персональной ответственности политической элиты СССР и конкретно И. В. Сталина в организации и проведении репрессий. Третья группа вопросов касалась определения мест массового погребения и увековечения памяти жертв репрессий. Четвертая группа вопросов затрагивала историческую справедливость, ее восстановление в отношении жертв политических репрессий [104, с. 142–149].

Первым шагом к реализации запросов общественности А. Н. Яковлев предложил сделать отмену решений внесудебных органов (троек, особых совещаний и т. д.) по политическим делам 1930–1950-х гг.

16 января 1989 г. эти положения были законодательно оформлены указом Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах» [472]. После этого в отношении подавляющего большинства репрессированных решениями внесудебных органов осталось оформить документально факт состоявшейся реабилитации. В этом же году в центре и на местах были созданы специальные группы в МВД, Прокуратуре, КГБ и Министерстве юстиции СССР

для определения порядка доведения до сведения граждан, подвергшихся реабилитации. Одновременно началась работа по партийной и судебной (гражданской) реабилитации.

Постепенно в процесс реабилитации начали включаться и непартийные общественные организации. Одна из выдающихся организаций — всесоюзное общество «Мемориал» — оформилась 28 января 1989 г. С самого начала своего существования «Мемориал» занялся проблемой увековечения памяти жертв политических репрессий. Общественники указывали на тот факт, что решение, принятое правительством 29 мая 1989 г. об увековечении памяти погибших, не реализуется. Активисты указывали на тот факт, что не было возведено ни одного мемориала или памятного знака ни на кладбищах, ни в местах массовых захоронений.

Именно при активном включении «Мемориала» был сформулирован вопрос о принятии постановлений и указов, увековечивавших память и защищавших интересы реабилитированных и членов их семей.

Что касается итогов работы комиссий по реабилитации, то были следующие результаты: в 1989 г. пересмотру подверглись дела на 844 740 человек, также было изучено около 70 тысяч обращений людей, подвергшихся репрессиям, и их родственников. Следовательно, масштабы реабилитации сильно возросли, к примеру, за 1989 г. было реабилитировано 6 110 человек [394]. Кроме того, к важному результату деятельности комиссии следует отнести принятие 14 ноября 1989 г. Декларации Верховного Совета Советского Союза, согласно которой были признаны незаконными и преступными нормативно-правовые акты, легшие в основу кампаний по переселению народов [380].

Вместе с тем уже 29 мая 1990 г. было объявлено о том, что комиссия по реабилитации под руководством А. Н. Яковлева завершает свою деятельность. Дальнейшую работу по реабилитации предлагалось вести в судебном порядке и через правоохранительные органы.

В целом работа комиссии Политбюро ЦК КПСС под руководством М. С. Соломенцева и позднее А. Н. Яковлева была продук-

тивной. Благодаря деятельности комиссии были введены в оборот новые исторические источники, начали пересматриваться с объективной точки зрения взгляды на историю СССР, а также в публичной сфере было восстановлено доброе имя репрессированных.

Уже после завершения работы комиссии, 13 августа 1990 г. был издан указ Президента СССР М. С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х гг.» [379]. Согласно этому документу был установлен факт противозаконности репрессий крестьян при проведении коллективизации, а также в отношении граждан, репрессированных по национальным, социальным, религиозным и другим причинам в период с 1920 по 1953 г.

Таким образом, для реабилитационной политики в «перестроечный» период также характерна противоречивость. С одной стороны, была возобновлена массовая реабилитация и принятие передовых законодательных актов по предмету, с другой стороны, правоохранительные органы продолжали свою деятельность по преследованию антисоветских элементов. Тем не менее в период «перестройки» реабилитационная политика разительно отличалась от прошлых этапов реабилитации в Советском Союзе [173, с. 249].

Вследствие этого государственно-правовую деятельность по защите прав жертв политических репрессий можно разделить на несколько этапов:

Первый этап (1953–1956 гг.) — этап амнистирования, освобождения из мест заключения отбывающих наказание арестованных, в отношении которых были заведены дела на момент смерти И. В. Сталина. Начало политики по реабилитации характеризуется следующими составляющими.

Во-первых, избирательный характер реабилитации жертв политических репрессий.

Во-вторых, советским руководством процесс реабилитации был сведен к его одной составляющей — прекращение уголовного дела подсудимых и амнистия уже осужденных, содержание политических заключенных под стражей более не являлись необходимостью.

В-третьих, характерна необдуманность юридической составляющей процесса реабилитации, а также высокая централизация при-

нятия решения по реабилитации выдающихся людей (на уровне Президиума ЦК).

В-четвертых, непроработанной осталась проблема правового положения специальных поселенцев. Несмотря на то, что у граждан, находившихся на спецпоселении, появилось право на освобождение из-под надзора МВД и на возвращение в родные земли, тем не мене, освобождение из спецпоселения не давало право на возврат им имущества, конфискованного при выселении, и спецпоселенцы не имели права возвращаться в места, откуда были выселены.

Второй этап (1956–1964 гг.) — этап «оттепели», связан с политической деятельностью Н. С. Хрущева. Для этапа характерно принятие комплекса нормативно-правовых актов, направленных на улучшение социального положения реабилитированных лиц, которое заложило фундамент дальнейшей разработки реабилитационного законодательства. К этому же этапу относится и реабилитация репрессированных народов. Но главным итогом данного этапа реабилитации стало изменение общественного сознания и появление общественных активистов (диссидентов), которые в том числе занимались правозащитными вопросами.

Третий этап (1964–1987 гг.) — этап «застоя», совпал с эпохой застоя в СССР. Для этапа застоя характерна приостановка реабилитационных процессов и реакционные меры, увеличение политических репрессий и «ресталинизация». На этом этапе особенно четко прослеживается взаимосвязь между политикой реабилитации и репрессиями по политическим мотивам. Не только реабилитация является следствием репрессий, но и репрессии во время проводимой реабилитации влияют на ее масштабы и качество.

Четвертый этап (1987–1991 гг.) — этап «перестройки», для него свойственно следующее.

Во-первых, советским правительством в конце 1980-х гг. без попытки сгладить формулировки была признана политика, проводившаяся И. В. Сталиным, противозаконной на законодательном уровне. Официально был признан факт существования репрессивной политики и существования невинно осужденных.

Во-вторых, началась серьезная разработка реабилитационного законодательства, а также был возобновлен процесс реабилитации: за 1988–1989 гг. были пересмотрены дела и реабилитирован почти миллион человек — это произошло впервые после периода «застоя».

В-третьих, принцип «гласности», провозглашённый во время реализации «перестройки», привел к концентрации общественного внимания на проблеме репрессий и реабилитации, а в связи с этим и к появлению первых специализированных на данной теме объединений, обладавших независимостью. Новые общественные организации занимались отстаиванием прав людей, в том числе жертв политических репрессий.

В-четвертых, для периода «перестройки» характерно появление взаимодействия между государственными органами и общественностью по решению проблем, в том числе и при реализации политики реабилитации и увековечения памяти невинно пострадавших от политических репрессий.

Для каждого из четырех этапов государственно-правовой деятельности по защите прав жертв политических репрессий характерна крайняя противоречивость и неоднозначность направления. Большею последовательностью отличался лишь четвертый этап, этап «перестройки». Тем не менее начиная с 1953 г. прослеживается нарастающий общественный интерес к проблеме репрессий и реабилитации жертв политического террора, что подталкивает власть уделять внимание данному вопросу. Это привело к зарождению реабилитационного законодательства в Советском Союзе и заложило основу для реабилитации в современной России.

2.2 Реализация государственной реабилитационной политики (1991–2015 гг.)

К началу 1990-х гг. в обществе и государственных структурах сформировалась идея создания современной законодательной базы, регулирующей вопросы реабилитации жертв политических репрессий. Составными частями реабилитации должны были стать восста-

новление честного имени политических репрессированных, их социальная защита, моральная и материальная компенсация за причиненный вред. В 1990 г. от российской общественности разработкой закона «О реабилитации» начала заниматься группа юристов, в том числе из состава членов правозащитного общества «Мемориал»: А. Л. Кононов и Е. А. Зайцев. В это время происходит конфронтация между российскими и союзными структурами управления, так как разработкой закона одновременно занялись два законодательных органа: Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР [360, с. 91–100].

Несмотря на антагонизм органов, разрабатывающих законопроекты, оба проекта были схожи. К примеру, при определении понятия «политические репрессии» в обоих документах критериями стали лишение человека жизни и свободы, все формы принудительного территориального перемещения, поражение в гражданских правах и свободах по политическим мотивам либо по признакам классовой, социальной, религиозной, национальной или иной принадлежности» [104, с. 529].

Законопроекты имели общие моменты в определении круга лиц, нуждающихся в реабилитации, и порядка ее реализации. Кардинальное расхождение в содержании законопроектов и СССР, и РСФСР заключалось в определении хронологических рамок. Союзный законопроект предлагал проводить реабилитацию по отношению к лицам, подвергшимся преследованиям в период с 1920 по 1988 г. Российский же законопроект предлагал начинать реабилитацию с 1917 г., так как репрессивная политика была продиктована самой идеологией. Верхняя же хронологическая граница не была установлена, более того, в законопроекте прописывалось, что реабилитации подлежат все люди, подвергнутые репрессиям на территории России. Следовательно, союзный законопроект был более консервативным, а законопроект, готовившийся при Верховном Совете РСФСР, отличался более демократичным и передовым, с точки зрения юриспруденции, характером.

Союзный законопроект с увеличивающимися процессами децентрализации оказался забыт. Российский же проект до момента

путча в 1991 г. был заблокирован. После подавления путча заметна резкая активизация процесса принятия закона «О реабилитации», что и было сделано 18 октября 1991 г.

Впервые в отечественной законодательной базе давалась правовая и нравственная оценка репрессивной политике СССР, а также отмечалась потребность в устранении негативных последствий политических репрессий. Целью принятого закона «О реабилитации» стала непосредственно сама реабилитация граждан, признанных репрессированными, которая означала восстановление их правового статуса, преодоление негативных последствий произвола тоталитарной власти, компенсация причиненного морального и материального ущерба.

Впервые в России на государственном уровне в законе «О реабилитации» появилось официальное понятие, определяющее политические репрессии. Определение сформулировано достаточно широко, что позволяет относить к жертвам репрессий не только пострадавших от террора в 1920–1930-х гг., но и лиц, подвергшихся незаконному преследованию по политическим мотивам на протяжении всего периода существования Советского Союза.

Согласно закону персональный пересмотр и вынесение решения о реабилитации делегировано МВД и Прокуратуре. Прокуратура проводит прием и рассмотрение индивидуальных заявлений репрессированных как в судебном, так и во внесудебном порядке. А Министерство внутренних дел производит рассмотрение заявлений о реабилитации лиц, подвергшихся политическим репрессиям, в форме административных преследований. В целях рассмотрения этих дел и в Прокуратуре, и в МВД были созданы специализированные структурные подразделения.

С принятием закона «О реабилитации» восстановление прав приобрело массовый вид. В то же время перед государством и обществом возникли проблемы, связанные с восстановлением, в первую очередь, имущественных прав реабилитируемых. Стало выясняться, что государство не имеет экономической базы для полного выполнения своих обязательств, прописанных в законе.

Для содействия реабилитации было принято решение наравне с комиссией при Президенте РФ и комиссиями в регионах федерации рекомендовать региональным властям создавать комиссии по восстановлению прав репрессированных на уровне муниципалитетов. Главной функцией такой комиссии был контроль за исполнением реабилитационного законодательства [394]. Кроме этого, комиссии наделялись и рядом полномочий: согласовывать и контролировать действия государственных органов по реализации закона «О реабилитации» и вносить предложения во властные структуры для увеличения эффективности их деятельности [106, с. 93].

Одной из задач как комиссий, так и общественных организаций было «сглаживание» несовершенных моментов реабилитационной политики. Важным направлением деятельности комиссии по реабилитации, сформированной при Президенте Российской Федерации, является предоставление методических рекомендаций региональным комиссиям. Основной задачей комиссий, образованных при органах государственной власти в регионах, стали проблемы компенсации и льготирования репрессированных.

В Республике Бурятия межведомственная комиссия для восстановления прав политических репрессированных была создана в 1995 г. соответствующим постановлением правительства Республики Бурятия [478]. Возглавила комиссию Л. Ч. Нимаева. В 2002 г. состав комиссии был изменен и возглавил ее И. М. Егоров [479]. В 2005 г. вышло новое постановление о создании комиссии по реабилитации [473]. Согласно данному постановлению не только обновился состав комиссии, но и были существенно сокращены полномочия. Например, если согласно постановлению 1995 г. комиссия имела право вносить предложения в администрацию президента и правительства и осуществлять контроль за деятельностью государственных органов по реализации реабилитационного законодательства, то с 2005 г. такие полномочия не были предусмотрены. С этого же года возглавил комиссию Б. Г. Бальжиров. А в 2009 г. вышло постановление об упразднении данной комиссии в связи с «фактическим выполнением задач» [485].

На данный момент функции комиссий по реабилитации жертв политических репрессий были возложены на государственнo-правовой комитет администрации правительства Республики Бурятия, руководителем которого является В. В. Халтакшинова. В состав комитета входят:

- отдел законопроектной работы и обеспечения деятельности Главы Республики Бурятия;
- отдел по обеспечению деятельности правительства Республики Бурятия;
- отдел антикоррупционной экспертизы, договорной и судебной работы;
- отдел правовой экспертизы муниципальных нормативных правовых актов;
- отдел по ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов.

Как видно, отдельной структуры в государственнo-правовом комитете администрации правительства Республики Бурятия нет. Непосредственно организацией работы по обеспечению социальной поддержки реабилитированных и пострадавших от политических репрессий занимается Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия.

Данные говорят о том, что процесс реабилитации в 1990-х и начале 2000-х гг. шел оперативно. Однако комиссии выявляли противоречивые факты в реализации закона «О реабилитации». Например, согласно статье 16 требовалось предоставлять беспроцентные кредиты для улучшения жилищных условий реабилитированным, проживающим в сельской местности, а также ряд других льгот гражданам, имеющим трудности в жилищных условиях. На практике источник финансирования не был определен. Также не были обеспечены реабилитированные и скидкой на приобретение лекарств и услуги стоматолога.

Источником финансовой поддержки льгот с 1992 г., согласно письму Министерства финансов РФ, должен был выступать бюджет субъекта Российской Федерации [476].

Следовательно, финансовое бремя легло на региональные власти, которые, в свою очередь, из-за тяжелого финансового положения региона были не способны выполнить в полном объеме требования закона «О реабилитации» в части обеспечения льготами.

Важным нормативно-правовым актом стал выход 23 июня 1992 г. указа Президента РФ «О снятии ограничительных грифов». Согласно документу рассекречивались сведения о функционировании внесудебных и судебных органов, проводивших репрессии, деятельность органов государственной власти по реализации репрессивной политики, а также сведения о местах расстрела, захоронения и данные о функционировании пенитенциарной системы [104, с. 634]. Кроме этого, согласно указу были рассекречены данные о числе подвергшихся репрессиям в административном и уголовном порядке [104, с. 635]. Выход данного указа является чрезвычайно важным событием, но исследователи, занимающиеся изучением репрессивной политики СССР, до сих пор испытывают трудности с его реализацией.

Несмотря на то, что был принят закон «О реабилитации» и на следующий год созданы комиссии по реабилитации, в целом проблемы реализации реабилитации не были решены полностью. Сразу после принятия закона пришло понимание, что он был несовершенным, в связи с этим общественные активисты начали деятельность по внесению поправок. К примеру, активисты «Мемориала» с 1992 г. отмечали недостатки действующего закона.

Одним из таких недостатков является то, что граждане, подвергшиеся репрессиям, для реабилитации должны подавать заявление в Прокуратуру или МВД (в соответствии с видом репрессии). По мнению правозащитников, ситуация, когда репрессированный для получения реабилитации должен обращаться в органы, которые осуществляли незаконные аресты миллионов людей в советские годы, являлась совершенно некорректной [392].

В 1990-е гг. общественные активисты обратили внимание на то, что в исполнении статей 1 и 2 закона «О реабилитации» близкие родственники раскулаченных также подлежат реабилитации, как и глава семьи. Но их реабилитация в штатном порядке не происходи-

ла, а восстановление прав по заявлению было осложнено бюрократической процедурой.

Работники государственных органов при реабилитации также сталкивались с рядом сложностей. Например, для реабилитации прокурору или сотруднику МВД нужно было найти архивное дело в течение трех месяцев (срок рассмотрения заявления), что в ряде случаев не представлялось реальным. По этому поводу Л. В. Баландин, военный юрист, в 1996 г. сказал: «При таких возможностях мы выполним объем работы примерно за 80–100 лет» [392, с. 71–76]. При рассмотрении дела отказывалось в реабилитации, если не находились документы или свидетельские показания, подтверждающие осуществление репрессий. К 1996 г. в Республике Бурятия было отказано в реабилитации более чем двум тысячам гражданам, не сумевшим доказать факт репрессий [53, д. 415, л. 21–28].

Несмотря на вышеперечисленные трудности, проведение реабилитационных мероприятий в 1990-е гг. шло полным ходом. Репрессированные получили право ознакомиться с архивными делами, заведенными на них самих и их родственников. С моральной точки зрения для репрессированных это было важнее, чем получение официального документа о реабилитации.

Изменения в истории реабилитационной политики начались в середине 2000-х гг. Так, 22 августа 2004 г. Государственная дума приняла закон, известный под названием «О монетизации льгот» [470]. В соответствии с ним в закон РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» вносились следующие изменения и дополнения:

- во-первых, в части третьей преамбулы исключалось слово «морального», что свидетельствует об отказе Правительства России признавать за реабилитированными право на возмещение морального вреда;

- во-вторых, изъятое в ходе репрессий недвижимое имущество не возвращается в натуре, а выплачивается денежная компенсация из федерального бюджета;

- в-третьих, было прописано право (а не обязанность) регионов России оказывать социальную поддержку в соответствии с закона-

ми субъектов. Следовательно, регион на свое усмотрение определяет свои социальные обязанности перед реабилитированными. Федеральный центр может проводить только софинансирование социальных проектов субъекта [377];

- в-четвертых, была отменена возможность установить факт репрессий при помощи свидетельских показаний.

Таким образом, федеральный центр максимально снимает с себя финансовые обязательства по реабилитации жертв политического террора и перекладывает их на регион, финансовые возможности которого в связи с малой налоговой базой весьма ограничены. После принятия закона РФ, согласно которому происходила монетизация льгот, в регионах были приняты законодательные акты для обеспечения социальной помощи, которая была отменена федеральным законом.

В Бурятии порядок оказания помощи жертвам политических репрессий прописан в Законе Республики Бурятия «Об отдельных полномочиях органов государственной власти Республики Бурятия» от 17.12.2004 г., в главе 3 «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий» [484]. В статье 1 главы 3 сказано: «Реализация государственной политики в отношении реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, осуществляется органами государственной власти Республики Бурятия».

Республиканским законом определены следующие меры социальной поддержки.

Реабилитированным:

- 1) ежемесячная денежная выплата;
- 2) компенсация инвалидам на приобретение автотранспортного средства при наличии соответствующих медицинских показаний и отсутствии противопоказаний к его вождению;
- 3) первоочередная установка телефона;
- 4) бесплатная установка телефона;
- 5) снижение для реабилитированных лиц и совместно с ними проживающих членов их семей размеров оплаты жилой площади и

коммунальных услуг на 50 процентов в пределах норм, предусмотренных законодательством, а также стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, для проживающих в домах без центрального отопления;

6) внеочередной прием в организации социального обслуживания Республики Бурятия;

7) оплата в размере 50 процентов стоимости проезда на пригородном железнодорожном транспорте;

8) бесплатное посещение один раз в месяц государственных музеев и театров Республики Бурятия.

Пострадавшим от политических репрессий полагается:

1) ежемесячная денежная выплата;

2) первоочередная установка телефона;

3) снижение для лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, и совместно с ними проживающих членов их семей размеров оплаты жилой площади и коммунальных услуг на 50 процентов в пределах норм, установленных законодательством, а также стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, для проживающих в домах без центрального отопления;

4) внеочередной прием в организации социального обслуживания Республики Бурятия;

5) оплата в размере 50 процентов стоимости проезда на пригородном железнодорожном транспорте;

6) бесплатное посещение один раз в месяц государственных музеев и театров Республики Бурятия.

Таким образом, из вышеперечисленного следует, что меры социальной поддержки реабилитированным и пострадавшим от политических репрессий, прописанные в федеральном законе «О реабилитации», были расширены в республиканском законе «Об отдельных полномочиях органов государственной власти РБ» от 17.12.2004 г.

По данным Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия на 1 мая 2018 г., в Бурятии состоит на учете 1 870 человек, пострадавших от политических репрессий, из них 1 132

человека получают ежемесячную денежную выплату [495]. В целом по России на 1 июня 2015 г. на учете состоит 552,4 тыс. жертв политических репрессий [462].

Ежемесячная денежная выплата, согласно закону «Об отдельных полномочиях», составила для реабилитированных лиц 788 рублей, а для лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, — 630 рублей (обе суммы не индексируются с 2008 г.) [412].

Для сравнения: в Иркутской области ежемесячные денежные выплаты реабилитированным лицам на 1 января 2014 г. составляют 366 рублей, а в Забайкальском крае — 688 рублей [408]. Таким образом, в Бурятии денежные выплаты более чем в два раза выше выплат Иркутской области и превышают выплаты Забайкальского края. Тем не менее рассмотренные выше суммы являются незначительной платой за принесенные многолетние страдания, унижения, притеснения, потерю здоровья, а часто и смерть родных и близких.

Еще одной льготой, прописанной в республиканском законодательстве согласно постановлению правительства Республики, Бурятия, является компенсация за утерянное жилье. Со 2 февраля 2004 г. реабилитированные становятся на очередь в Минсоцзащиты Республики Бурятия на получение жилищной субсидии по утрате жилья в годы репрессий, которая на сегодня составляет 577,9 тыс. р. [412]. Для того чтобы получить эту денежную компенсацию, пострадавший должен представить документы или свидетельские показания о том, что он лишился жилья именно в связи с арестом. По федеральному законодательству реабилитированный, получив субсидию, обязан потратить ее на приобретение жилья именно в том населенном пункте, где он его лишился, что создает ряд трудностей.

Согласно республиканскому закону «Об отдельных полномочиях органов государственной власти РБ» [484] от 17.12.2004 г. в Бурятии в отличие от других субъектов РФ реабилитированный, получивший данную субсидию, не обязан проживать в приобретенном жилье [408, с. 12–17]. Выполнение данной нормы сопряжено с рядом трудностей: во-первых, истцам трудно найти живых свидетелей или подтверждающие документы, во-вторых ограничение по месту

покупки нового жилья на выплаченную компенсацию, на наш взгляд, является незаконным, в-третьих, сам факт того, что пострадавший от репрессий человек сам обязан доказывать право на компенсацию, неся при этом затраты на судопроизводство, является аморальным.

Что касается количества реабилитированных, то в рамках закона «О реабилитации» с 1991 г. по 1 января 2013 г. органами прокуратуры реабилитировано 686 302 гражданина. В связи с внесенными в закон изменениями и дополнениями с 2001 по 2012 г. признаны подвергшимися политической репрессии и подлежащими реабилитации 264 085 граждан (детей репрессированных лиц) с выдачей им соответствующих справок о реабилитации [241, с. 396].

Возложенные на органы внутренних дел задачи реабилитации жертв репрессий, проходивших в административном порядке, решаются главным образом, Центром реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России» (ФКУ «ГИАЦ МВД России») и информационными центрами (ИЦ) территориальных органов МВД России. В период с 1992 по 2015 г. территориальными органами МВД России на региональном уровне всего выдано более двух с половиной миллионов справок о реабилитации [98, с. 43].

Таким образом, с момента принятия закона «О реабилитации» с 1991 до 2014 г., согласно данным концепции, было реабилитировано 3 510 818 человек, а также признаны подвергшимися политическим репрессиям 264 085 человек (дети репрессированных лиц) [486]. В то же время согласно данным комиссии при Президенте РФ органами прокуратуры и МВД к 2014 г. реабилитировано «более 3,7 миллиона человек» [98, с. 10]. По данным правозащитной и историко-просветительской общественной организации «Мемориал», в рамках закона «О реабилитации» реабилитации подлежат до 13 миллионов человек [356].

Согласно ответу МВД и Прокуратуры Бурятии на запрос Уполномоченного по правам человека в Республике Бурятия за период с 1992 по 2017 г. по линии Министерства внутренних дел Бурятии

реабилитировано 5 165 человек и признано пострадавшими от политических репрессий 528 человек (рис. 6). За этот же период по линии Прокуратуры Республики Бурятия были признаны жертвами политических репрессий и реабилитированы 18 140 человек.

Большинством региональных комиссий по реабилитации и иных органов субъектов Российской Федерации, выполняющих их роль, проводится постоянная работа по увековечению памяти жертв политических репрессий. По многим направлениям своей работы региональные, городские и районные комиссии по восстановлению прав реабилитированных тесно сотрудничают в этой деятельности с общественными организациями реабилитированных граждан. В вопросе увековечения памяти жертв политических репрессий большинством региональных комиссий накоплен значительный положительный опыт работы. Этот ценный опыт, как правило, получающий поддержку рядовых граждан, государственных и местных органов власти, во многом способствовал разработке Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий была принята в августе 2015 г. Согласно данной концепции заявлены основные направления, формы и методы деятельности по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Реализацию настоящей концепции предусматривается осуществить в период 2015–2019 гг. В ее рамках предусмотрены следующие этапы выполнения работ:

I этап (2015–2016 гг.) — этап, предполагающий проведение основных мероприятий, связанных с созданием основных музейно-мемориальных комплексов и тематических экспозиций по увековечению памяти жертв политических репрессий, а также разработку методических материалов по формированию учебных пособий образовательных программ, создание баз данных, книжно-журнальной и аудиовизуальной продукции, проведение научно-исследовательских работ, конференций, семинаров и иных мероприятий;

II этап (2017–2019 гг.) — этап, предусматривающий завершение работ по реализации наиболее значимых проектов в области увековечения памяти жертв политических репрессий. Особенно важной представляется реализация завершающего этапа в связи с тем, что на 2017 г. приходятся сразу две памятные даты — 100-летие революционных трансформаций 1917 г., повлекших за собой раскол общества и огромные потери населения страны, и 80-летие событий 1937 г., на который приходился пик политических репрессий в отношении гражданского населения [486].

Вместе с тем в концепции констатируется, что «за прошедшее после 1953 г. время в России процесс реабилитации не был завершен. Точное число репрессированных лиц остается неизвестным. До сих пор не проведена необходимая работа по выявлению мест захоронения жертв репрессий. В некоторых субъектах Российской Федерации книг памяти до сих пор нет. Недопустимыми являются продолжающиеся попытки оправдать репрессии особенностями времени или вообще отрицать их как факт нашей истории» [471].

Распоряжением Президента Российской Федерации была создана межведомственная рабочая группа по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий [477]. Руководителем группы назначен М. А. Федотов.

Развитие законодательной базы, касающейся процесса реабилитации, продолжается и сегодня. 9 марта 2016 г. вступил в действие федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечением памяти жертв политических репрессий». В Законе о реабилитации поправками указано, что «органы власти вправе реализовывать меры по увековечению памяти жертв и поддерживать деятельность организаций и граждан, направленную на такое увековечие. В частности, это деятельность по выявлению и благоустройству мест захоронения жертв, выявлению архивных документов по истории репрессий, созданию и пополнению музейных экспозиций [471].

Согласно закону «О некоммерческих организациях» (1996 г.) органы власти могут оказывать поддержку социально ориентиро-

ванным НКО при условии осуществления ими определенных видов деятельности. К ним решено отнести увековечение памяти жертв политических репрессий. Примером такой деятельности служит реализация грантовой поддержки со стороны Правительства Республики Бурятия и Администрации Главы Бурятии. За период с 2012 по 2017 г. Бурятская АЖПР стала победителем конкурсов и реализовала следующие проекты: «Правда истории, память и боль» (2012 г.) «Жертвам политических репрессий — память вечная от нас (2013 г.), «Мы родом из 37-го, нам многое надо успеть» (2014 г.), «Горечь памяти людской» (2015 г.), «Нам дарована память» (2016 г.), «Над памятью не властны времена» (2017 г.). Выполнение представленных грантов позволило общественникам провести научно-практические конференции и семинары, круглые столы, открытые уроки, митинги, памятные вечера, издать сборники материалов, воспоминаний и различного рода просветительские брошюры.

Таким образом, поправки, внесенные законом «О внесении изменений...», свидетельствуют о том, что такая важная тема, как реабилитация жертв политического террора в Советском Союзе, не является на данный момент окончательно закрытой со стороны государства и приобретает все большую актуальность в связи с некоторыми аспектами внутренней политики, проводимой правительством России.

Подводя итог реализации реабилитационного законодательства по защите прав жертв политических репрессий 1991–2017 гг., можно сказать следующее. В 1990-е гг. была проведена большая работа по созданию российского законодательства, регулирующего процесс реабилитации. Соответствующее законодательство было создано и на региональном уровне. Рассмотренный период характеризуется расширением понятия «реабилитация»: теперь под реабилитацией стало подразумеваться не только восстановление юридической и социальной справедливости по отношению к жертвам политических репрессий, но и увековечение их памяти. Была определена четкая процедура реабилитации и перечень категорий реабилитируемых, что позволило существенно облегчить и ускорить сам про-

цесс. Современное законодательство о реабилитации разработало механизм компенсации материального ущерба, возврата конфискованного или изъятого имущества, предусмотрело предоставление различных льгот реабилитируемым гражданам

Вместе с тем необходимо отметить противоречивость реабилитационной политики государства. Это не только касается вопросов, связанных с восстановлением всех социально-политических и гражданских прав, но и предопределяет значительные материальные обязанности российского государства перед репрессированными. В этом отношении главной из проблем является то, что по законодательству основным источником финансирования процесса реабилитации, выплаты пособий и компенсаций, являются региональные бюджеты, что снижает объемы финансирования, а значит, и качество реабилитационной политики. Изменения, вносимые в законодательство о реабилитации, часто не улучшают, а ухудшают положение реабилитированных граждан.

2.3 Развитие общественного движения по увековечению памяти жертв политических репрессий (конец 1980-х — 2010-е гг.)

Несмотря на то, что с конца 1950-х гг. общественные деятели начали придавать огласке проведение репрессивной политики советским государством, планомерное решение вопроса увековечения памяти жертв политического террора началось с конца 1980-х гг. Благодаря политике гласности правительство создало условия для возникновения и реализации интереса общества к реабилитации и возможности увековечения памяти репрессированных. Уже в 1987 г. были образованы первые движения, ставившие своей основной целью именно увековечение памяти жертв политрепрессий, позднее они начали объединяться в движение «Мемориал».

В августе 1988 г. состоялся учредительное собрание общественной организации «Мемориал». В список учредителей входили разные сою-

зы (дизайнеров, архитекторов и т. д.) и сотрудники редакции «Литературной газеты» и журнала «Огонек».

Весной 1988 г. в «Мемориале» родилась идея самостоятельной деятельности по восстановлению прошлого и увековечению памяти жертв репрессий. Активисты организации планировали создать собственный архив, библиотеку, проводить выставки, создавать фильмы и др., популяризируя собранные «Мемориалом» материалы, делая проблематику несправедливого осуждения частью широкой общественной дискуссии. В ходе своей деятельности общественники пришли к выводу о том, что организации необходимо занять максимально самостоятельную от государства позицию в деле восстановления исторической памяти.

Увековечение памяти жертв репрессий являлось главной целью, которая объединила членов общества. Были определены важнейшие направления работы: установка мемориалов на местах массовых расстрелов и захоронений и обнародование списков жертв репрессий с целью возвращения им честного имени.

До организации «Мемориал» в СССР никто не поднимал проблему увековечения памяти жертв незаконных репрессий. Члены организации активно принялись за свою работу: начали проводить анкетирование репрессированных и собирать собственный архив, уточнять места массовых расстрелов и захоронений, требовать от правительства обратить внимание на данную проблему.

Со времени предвыборной кампании 1989 г. началось расслоение «Мемориала». Особенно заметно это стало в регионах. Во многих городах молодые, энергичные люди ушли из организации в политику, становились народными депутатами всех уровней. Вероятно, по этой причине мы наблюдаем их сокращение в связи с упразднением некоторых отделений «Мемориала» с 187 в 1989 г. до 178 в 1990 г. [393, с. 172]. Организация в этот период сосредоточилась на решении насущных вопросов: начинается борьба за принятие закона «О реабилитации жертв политических репрессий», получение льгот, пенсий, компенсаций, материальной помощи жертвам репрессий.

В 1991 г., особенно после провала августовского путча, почти все требования бывших репрессированных при участии членов «Мемори-

ала» были удовлетворены. Принятые законы о реабилитации переложили основную тяжесть заботы о жертвах государственного террора на само государство, как и должно быть. После принятия закона «О реабилитации» в деятельности «Мемориала» наблюдаются снижение темпов работы и уменьшение числа членов. Одним казалось, что цели достигнуты, другим надоела постоянная борьба с местными властями, а треть решила найти работу, приносящую материальную выгоду. К 1998 г. численность местных «Мемориалов» после всплеска деятельности в 1989 г. снизилась с 187 до 75 отделений [394].

Тем не менее «Мемориал» смог сохранить функциональность, перестроиться и обновиться для работы в новых условиях. Организация начала концентрироваться на правозащитной и просветительской деятельности. Для привлечения внимания молодежи к своей организации и проблемам, которой они занимаются, «Мемориал» с 1999 г. проводит конкурс исследовательских проектов для подростков который называется «Человек в истории. Россия — XX в.». Одной из важных составляющих увековечения памяти жертв репрессий является публикация их воспоминаний, а также художественной литературы по теме.

Сегодня «Мемориал» скорее движение федеративного устройства, чем единая организация. В его основе лежат идеи восстановления исторической правды о массовых политических репрессиях в СССР и защиты прав человека в настоящем. Организации «Мемориала» в основном действуют независимо друг от друга. Однако исторически «Мемориал» был основан как сетевая организация с центром в Москве. Российская сеть «Мемориала» организационно поддерживается Российским историко-просветительским и правозащитным обществом «Мемориал» (Российский Мемориал). Российские и зарубежные отделения «Мемориала» включены в центральную организацию — международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» (Международный Мемориал).

Главную роль в координации общей работы «Мемориала» играет правление Международного Мемориала. В него входят двадцать девять человек, представители различных организаций общества. Правление регулярно собирается в Москве, формулирует повестку дня и позицию общества. Сейчас действует более 50 организаций «Мемори-

ала» в России, в Украине их шесть, по одной в Бельгии, Германии, Франции, Италии и Чехии [496].

К заслуге общества «Мемориал» относится один из первых проектов, реализованных совместно с государством, — выработка и принятие закона «О реабилитации жертв политических репрессий» в 1991 г. В разработке закона принимали участие представители ассоциаций жертв политических репрессий, Комитета по правам человека России, международного общества «Мемориал» и других организаций, занимавшихся правозащитной деятельностью.

С 1990-х гг. сотрудничество общественных организаций и государственных структур в деле увековечения памяти политических репрессированных проводится по следующим мероприятиям: научные конференции, уроки памяти, круглые столы, выставки и проведение памятных мероприятий в День памяти жертв политических репрессий.

Кроме всего прочего, «Мемориал» реализует с 1990-х гг. ряд научно-исследовательских проектов, посвященных изучению истории репрессий и реабилитации, например, программа «История диссидентов СССР» [465]. Интерес к истории диссидентского движения «Мемориалу» присущ с момента основания, так как его основатели познакомились на курсе лекций, посвященных истории диссидентов.

В 1991 г. в рамках проекта «История диссидентов в СССР» начала формироваться архивная коллекция программы. Первоначально в ней накапливались справочные материалы, необходимые для работы над библиографическим словарем диссидентов. Позже эта коллекция, пополнявшаяся несколькими крупными собраниями диссидентских документов и текстов Самиздата, приобрела самостоятельную ценность и выделилась в особое структурное подразделение архива «Мемориала». К настоящему моменту фонды программы «История диссидентов в СССР» содержат около 25 тыс. единиц хранения, что делает данное собрание крупнейшим на территории бывшего СССР и вторым в мире, после знаменитого архива Самиздата радио «Свобода» (Будапешт).

В настоящее время общественная организация «Мемориал» согласно современному законодательству признана «иностранным агентом» (с 2013 г.), этот «ярлык» негативно влияет на имидж организации, отталкивая людей от сотрудничества или помощи. Тем не менее сего-

дня «Мемориал» остается самой крупной общественной организацией с мировым именем, занимающейся вопросами реабилитации комплексно. Несмотря на то, что сфера деятельности таких организаций подразумевает «возрастной» состав членов, «Мемориалу» удалось привлечь для работы молодых и активных людей, заинтересовав их не только увлекательной работой и общением с интересными, прогрессивно мыслящими людьми, но и финансово, достойно оплачивая затраченное время работников организации.

Бурятия также включилась в процесс создания общественных организаций, занимающихся изучением репрессивной политики. Намечавшаяся тенденция к новому видению в изучении и трактовке истории СССР и бурят-монгольского этномира позволила на базе исторического факультета БГПИ им. Доржи Банзарова в 1989 г. образовать Ассоциацию молодых историков. Вскоре ассоциация перешагнет свои научно-исследовательские границы, и в 1991 г. переформируется в общественно-научный центр «Сибирь», организаторами и членами которого по мере пополнения были Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров, В. Д. Дугаров, Ю. П. Шагдуров, И. Н. Шагдунова, Л. В. Курас, О. Д. Базаров, Д. Д. Хуташкеев, Л. А. Зайцева, Л. Б. Жабаева, Д. Л. Доржиев, А. В. Дамдинов, Л. В. Дамбаев, отдельные члены исторического факультета БГПИ им. Д. Банзарова, другие заинтересованные исследователи, которые начали исследовательскую деятельность в реформирующемся архиве ФСБ.

Работа в архивах УФСБ по РБ, отчасти прокуратуры РБ была насыщена и плодотворна: выпущены сборники документов, статьи и монографии, опубликованы сотни засекреченных документов. Энергичная, самоотверженная деятельность Ассоциации молодых историков, а затем ОНЦ «Сибирь» сыграла огромную роль в заполнении лакун в истории нашей страны, региона, народов, населяющих Байкальский регион.

Еще одной общественной организацией, занимающейся вопросами реабилитации жертв политических репрессий, является Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий (РАЖНПР), созданная 11 января 1991 г. на учредительном съезде в Москве. 16 ноября 2007 г. на 7-м съезде РАЖНПР была переименована в общерос-

сийскую общественную благотворительную организацию инвалидов — жертв политических репрессий (ООБОИЖПР).

Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов — жертв политических репрессий ставит перед собой широкий спектр целей и задач. Это благотворительная помощь и социальная защита жертв незаконных политических репрессий; содействие полной и гласной реабилитации жертв незаконных политических репрессий, восстановление их доброго имени, защита прав, интересов и достоинства жертв политических репрессий, особенно инвалидов — членов ООБОИЖПР, в государственных органах власти, общественных и других организациях; участие в поиске мест массовых захоронений жертв государственного произвола, издание региональных книг памяти и сооружение памятников; сохранение и увековечение памяти жертв политических репрессий, восстановление исторической правды о преступлениях против человека и человечности; а также содействие развитию демократического государства и общества, недопущению актов беззакония, воспитание молодого поколения в духе правового государства [487].

В рамках нашего исследования значительной стала деятельность отделения «Мемориала», которое активно действовало в 1989–1991 гг. в городе Иркутске. Активистами отделения проводились конференции, митинги, встречи с жертвами репрессий. В местных газетах было опубликовано много материалов о беззакониях сталинского времени. Совет иркутского отделения «Мемориала» оказывал помощь пострадавшим. При активном участии местных органов власти, прокуратуры, КГБ велась работа по реабилитации лиц, пострадавших от незаконных репрессий. Занимались поисками мест массовых захоронений людей, казненных органами НКВД. В ноябре 1989 г. около поселка Пивовариха было открыто мемориальное кладбище жертв незаконных репрессий. В работе отделения «Мемориала» активно участвовали его сопредседатель А. Л. Александров, ответственный секретарь А. С. Новиков, член совета Л. П. Рычков, В. А. Матиенко, журналисты А. И. Семенов, Л. И. Сухаревская и др. [460]

Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов — жертв политических репрессий также имеет разветвленную сеть отделений, в том числе в Республике Бурятия.

Региональная общественная организация «Бурятская ассоциация жертв политических репрессий» создана 21 апреля 1994 г. учредительной конференцией, организованной группой инициативных граждан, в основном детей «врагов народа» [140]. Поводом для создания общественной организации послужило издание указа Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 1930–1940-х гг. и начале 1950-х гг.», а затем закона Верховного Совета Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

В первое правление вошли члены инициативной группы, которые содействовали становлению ассоциации: А. Е. Совгир, Ю. В. Александров, Н. А. Малханов и другие. Председателем правления Бурятской ассоциации жертв политических репрессий был избран народный поэт Бурятии Н. Г. Дамдинов.

Также на учредительной конференции, проходившей в апреле 1994 г., были приняты устав ассоциации и обращение к народам республики. В этом же году состоялось собрание представителей общественности реабилитированных и пострадавших от политических репрессий, посвященное Дню памяти (рис. 1).

Основная задача, которую поставила ассоциация, — защита прав и интересов реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий, общественный контроль за исполнением закона «О реабилитации» (1991 г.), постановлений Правительства РФ, особенно в части предоставления льгот и компенсаций реабилитированным и пострадавшим от политических репрессий.

В 1990-е гг. ассоциация совместно с Министерством социальной защиты населения и районными отделами социальной защиты проводила обследование реабилитированных, изучала их материальное положение, оказывала помощь в направлении на санаторно-курортное лечение, получении затраченных средств за проезд по России, решении вопроса об обеспечении топливом квартир и материальной помо-

ши остро нуждающимся. Спонсорами являлись Красный Крест и другие организации. Ассоциация совместно с органами социальной защиты Бурятии на договорных условиях с Красным Крестом получала вещи, посылки, продукты, медикаменты и распределяла их среди реабилитированных.

Члены ассоциации проводят работу по разъяснению и применению законодательства по реабилитации, обучению членов правления и активистов, оказывают консультативную помощь в оформлении документов на реабилитацию, на компенсацию за изъятое, конфискованное имущество. Члены ассоциации и актив из числа реабилитированных лиц организуют встречи и уроки памяти с учащимися учебных заведений [140, с. 6].

Ассоциация с первых дней своего создания занимается вопросом увековечивания памяти жертв политических репрессий. Это и издание книг под общим названием «Люди, помните...», брошюр, памяток, это и открытие памятников жертвам политических репрессий. Так, 30 октября 2008 г. на улице Линховойна (сейчас это улица Соборная) был торжественно открыт памятник жертвам политических репрессий 1930–1950 гг. (рис. 3). В 2015 г. были проведены реставрационные работы, улица Линховойна была преобразована в туристическую зону и переименована в улицу Соборная. В связи с реконструкцией памятник жертвам политических репрессий был перенесен на пересечение улиц Коммунистическая и Соборная (в 150 метрах от прошлого местонахождения) (рис. 4).

Особое место в деятельности ассоциации занимает работа по подготовке и проведению Дня памяти жертв политических репрессий. Ежегодно 30 октября начиная с 1994 г. проводятся встречи и собрания общественности и реабилитированных в городе Улан-Удэ и районах Республики Бурятия, действенную помощь в проведении мероприятий оказывают правительство Бурятии, местные органы самоуправления и студенты Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

С 2015 г. в Бурятии по инициативе общественников и Ассоциации жертв политических репрессий при организационной поддержке преподавателей и сотрудников Бурятского государственного университе-

та и Правительства Бурятии 30 октября проводится акция «Возвращение имен». Суть акции заключается в публичном оглашении имен жертв политических репрессий, внесенных в Книгу памяти.

К достижениям и итогам деятельности Бурятской ассоциации жертв политических репрессий можно отнести следующее: юридическая и социальная помощь реабилитированным и пострадавшим гражданам; возведение 12 памятников жертвам политических репрессий в районах республики; инициатива по изданию 9 томов «Книги памяти жертвам политических репрессий в Республике Бурятия»; при поддержке и помощи преподавателей и аспирантов исторического факультета Бурятского государственного университета и отряда «Рысь» начался поиск мест захоронений жертв политических репрессий на территории Бурятии; организация и проведение в библиотеках города и районов Республики Бурятия выставок по теме «Правда истории. Память и боль», тематические вечера — встречи поколений; проведение в учебных заведениях Республики Бурятия уроков памяти и др. На сегодня в ассоциации числятся 86 членов, все они работают на добровольных началах. Координирует работу и возглавляет ассоциацию правление, в разное время председателями которого были: Н. Г. Дамдинов (1994–1995 гг.), В. Г. Митыпов (1995–2005 гг.), А. Т. Богданов (2005–2010 гг.), М. П. Бичиханов (2011–2012 гг.). С 2013 г. по настоящее время председателем выбрана Л. В. Соколова. Кроме этого, с 1995 по 2005 г. функционировало городское отделение Ассоциации жертв политических репрессий в г. Улан-Удэ, которое осуществляло функции по координированию совместно с правлением. Городское отделение возглавлял Н. А. Малханов (1995–2005 гг.).

Важной составной частью деятельности общественных движений и их сотрудничества с государственными органами являются формирование и обнародование имен жертв репрессий.

К началу 2000-х гг. книги памяти стали выходить в половине регионов России [97]. Для сравнения: в Прибалтийских странах к началу 2000-х гг. приступили к повторным, уточненным и исправленным изданиям, в Казахстане — к 2003 г.

С самого начала публикации книг памяти пришло понимание потребности иметь объединённую базу данных репрессированных в

СССР. Впервые такого рода задача была сформулирована на научно-практической конференции, организованной «Мемориалом» в 2000 г. В конференции приняли участие более 30 человек, представляющих помимо России США, Германию, Казахстан и Украину [280, с. 8].

Результаты работы по созданию единой базы данных жертв политических репрессий в СССР были представлены в 2001 г. В первое издание базы на компакт-диске вошли данные о 300 тысячах репрессированных. Для сравнения: в третьем издании содержались сведения о миллионе граждан России, Украины, Узбекистана и Казахстана [463]. А в 2004 г. «Мемориал» впервые запустил базу данных в сети интернет «Расстрелянные в Москве» [493], куда вошли имена более 12 000 человек.

Самая обширная база данных о жертвах политических репрессий вышла в свет в 2007 г. на компакт-диске, в нее вошли данные из всех на тот момент изданных русскоязычных книг памяти. Затем эта база была перенесена в сеть интернет под названием «Жертвы политического террора в СССР» [463], где перечислено более 2 600 000 человек.

Еще дальше в создании электронной базы данных пошли авторы базы «Открытый список» [488], где не только перечислены на основе данных «Мемориала» 2 771 222 человек, но есть возможность прикреплять биографии и фотографии. Таким образом, на сегодня создание единой базы данных и интегрированных в нее региональных баз данных является актуальной проблемой. Решение данной проблемы, по крайней мере, в регионах России, находится на этапе реализации.

Необходимо отметить, что списки пострадавших в годы репрессий на территории Бурятии не вошли в вышеперечисленные общероссийские базы данных, это связано с тем, что проект по созданию Книги памяти в Бурятии начался намного позже, чем в других регионах. Решение об издании Книги памяти в Бурятии было принято в 2005 г., а первый том вышел в 2007 г.

Проведя анализ содержания архивных документов уголовных дел и изданных книг памяти, мы пришли к выводу, что, во-первых, отсутствуют единая методика и общие критерии отбора информации для публикации в книгах памяти. Издание книг памяти готовят в большинстве случаев отдельные ведомства или местные администрации.

Во-вторых, большая часть тематических фондов государственных и ведомственных архивов в настоящий момент закрыты для исследователей. Те фонды, которые имеют гриф «рассекречено», выдаются после прохождения бюрократических процедур и профилактических бесед. Эти два фактора привели к тому, что книги памяти изданы не во всех регионах России.

В-третьих, сам факт реабилитации не гарантирует попадания имени реабилитированного в Книгу памяти или в какую-либо общедоступную базу данных. Справка о реабилитации приобщается к следственному делу. Данные о том, что восстановление прав состоялось, сообщаются исключительно родным репрессированного при условии подачи ими заявления на реабилитацию.

В-четвертых, между странами, входившими в состав СССР, нет координации в процессе реабилитации. Разные государства находятся на разном уровне увековечения памяти. В Латвии, Эстонии и Литве завершен процесс составления списков репрессированных. В странах Прибалтики, в Казахстане и Украине были приняты на государственном уровне программы, целью которых является сохранение объективной исторической памяти о репрессиях и их жертвах. Следовательно, на данный момент времени нет на межгосударственном уровне на создание программы по увековечению памяти жертв политических репрессий в СССР, в связи с этим не может быть и речи о поименном списке всех жертв репрессий.

Представленные выводы стали причиной обсуждения проекта создания КП в Бурятии. На первом этапе была создана редакционная коллегия, в которую вошли: П. Л. Носков, М. А. Харитонов, В. Г. Петров, В. В. Прокопьев, В. Ш. Цыренова, Д. Ю. Мункожапов, А. Т. Богданов, М. Н. Борсоев, Н. А. Малханов, А. А. Хальбаева, В. Ф. Сухорук, С. В. Васильева, К. Б.-М. Митупов, Е. Н. Палхаева и др.

Главным вопросом первого заседания редакционной коллегии стало обсуждение критериев, по которым будет формироваться информация о репрессированных гражданах в Книге памяти. Учитывая огромный объем уголовных дел архива УФСБ по Республике Бурятия, было принято решение осуществлять выборку информации из уголовного дела в следующей последовательности: номер уголовного дела, ФИО,

место рождения, род занятий, место работы, состав семьи, место ареста, мера пресечения, орган, осуществлявший арест, мера наказания, дата реабилитации.

Работа по сбору данных и составлению Книги памяти в Республике Бурятия началась в 2005 г. Первый том вышел в 2007 г. За период с 2007 по 2012 г. вышло семь томов Книги памяти, куда вошли 12 753 записи о реабилитированных.

Для сравнения: Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье выходит с 2000 г., содержит 44 632 записи о репрессированных, а в Книгу памяти жертв политических репрессий Иркутской области, которая издается с 1999 г., занесено 25 024 записи о репрессированных.

В подготовке изданий участвовали Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, а также ученые и общественные деятели Республики Бурятия. В группу составителей на разных этапах работы входили С. В. Дондукова, З. Б. Ширапова, Н. Е. Жукова, С. З. Ахмадулина, Д. Б. Фаргусов и многие другие, организация работы в архиве УФСБ и Прокуратуры РБ проходила под руководством С. В. Васильевой.

В сборе материалов оказали большую помощь сотрудники Прокуратуры и УФСБ Бурятии: В. В. Комиссарова, Т. А. Саховская, С. Л. Жамбалова, Н. Ф. Вашкевич, Л. Г. Вихрева. В изданиях были опубликованы научные статьи и материалы ученых, занимающихся изучением репрессивной политики Советского государства: Б. В. Базарова, Л. В. Курас, Ю. А. Петрушина, Д. Л. Доржиева. Финансовую поддержку проекту оказало правительство Республики Бурятия [125].

В настоящее время опубликовано более 15 тыс. записей в 9 томах Книги памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия, продолжается работа по сбору материалов для 8-го тома. Однако доступ к архивным делам ограничен. Не доступны исследователям материалы из архивов УФСБ, Прокуратуры, Информационного центра МВД Бурятии.

В связи с этим особую актуальность приобретает публикация информации о реабилитированных, предоставление легкого и удобного поиска информации о конкретном человеке (рис. 7, 8). Для реализации широкого доступа к информации о жертвах политических репрессий в 2016 г. была начата работа¹ над созданием электронной базы данных о репрессированных на основе материалов книг памяти жертв политических в Республике Бурятия.

Сегодня база дополняется за счет сбора информации из различных источников: переписки с бывшими репрессированными, запросов в архивы и информационные центры государственных органов, в прошлом проводивших репрессии, получения данных в отделах социального обеспечения и городской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий и др. Каждая карточка представляет из себя анкету, включающую общие сведения на одного человека: фамилия, имя и отчество, годы жизни, место рождения, образование, национальность и вероисповедание. Сюда же включены данные на момент ареста. Это место жительства, место работы и должность, партийность и место ареста, суть предъявленного обвинения, фамилия, имя и отчество тех, кто также проходил по данному делу. Блок информации, связанной с приговором и отбывтием срока, включает показатели о судебном органе, вынесшем приговор, дате его вынесения и формулировке приговора, продолжительности и месте отбывтия срока, дате и причинах освобождения. Кроме того, в учетной записи зафиксировано название реабилитирующего органа, время реабилитации и сопутствующая ей оправдательная формулировка. По возможности внесены источники, из которых взяты сведения.

Исследователи применили методику обработки информации массовых источников, раскрывающих репрессии по политическим мотивам как в административном, так и в уголовном отношении, которая сводится к контент-анализу нарративных источников, составлению

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ № 3797 «Археографические и ИТ-методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников».

кодировочного листа и созданию на его основе базы данных «Репрессированные» [399].

У исследователей, работающих над созданием электронной базы данных репрессированных, особое место занимает оцифровка листовок, газетных статей исследуемого периода. Подобная работа проводится с целью выяснения особенностей формирования образа «врага народа» и описание механизма репрессий на местном уровне.

Все вышесказанное позволяет сделать нам следующие выводы. Во-первых, историки впервые получили возможность ознакомиться с личными делами репрессированных, находящимися в архиве ФСБ по РБ и Информационном центре МВД Бурятии в массовом порядке. Во-вторых, исследователи приступили к освоению больших массивов ранее закрытых или просто неизвестных материалов. В-третьих, решение поставленных задач позволило применить новейшие IT-технологии в гуманитарных исследованиях. Это значительно ускорило время обработки, анализа материала и позволило прийти к поиску, анализу, обработке архивных дел репрессированных и размещению информации о них на специально созданном портале Книги памяти жертв политических репрессий [466].

На данный момент сотрудничество с лабораторией информационных систем ИМИ в рамках инновационного проекта по теме: «Археографические и IT-методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников» позволило разработать портал, на котором размещена информация о жертвах политических репрессий, и вести поиск сведений о репрессированных по выдвинутым критериям. Реализован и протестирован механизм импорта уже имеющихся данных для дополнения содержащегося контента, внедрены механизмы для внесения изменений в содержащуюся информацию.

Таким образом, в Бурятии работа по созданию, наполнению и эксплуатации электронной базы данных жертв политических репрессий завершена. На данный момент в электронную базу данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» [466] внесено 14 280 записей, из которых 1 223 записи посвящены административным делам.

Подводя итог, необходимо отметить, что общественное движение по защите и увековечению памяти жертв политических репрессий с конца 1980-х гг. по настоящее время прошло длительный путь становления: возникли движения и организации с мировым именем. Самыми крупными и известными общественными организациями и движениями, занимающимися вопросами изучения репрессий и оказания широкого спектра помощи жертвам политического террора, являются такие организации, как Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов — жертв политических репрессий (ООБОИЖПР) и движение «Мемориал».

В Республике Бурятия это Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, которая, представляя интересы жертв политических репрессий, является активным участником процесса реабилитации в регионе. Многолетняя работа автора с Бурятской ассоциацией жертв политических репрессий позволила исследовать формы и методы государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий.

Необходимо отметить, что, несмотря на активную работу общественных организаций в деле увековечения памяти жертв политических репрессий, без участия как региональных, так и федеральных органов власти данный процесс будет неполным. Только при активном участии государственных органов, в том числе и на международном уровне, может быть составлен полный список жертв политических репрессий в СССР.

Анализ работы общественных организаций по увековечению памяти жертв политических репрессий показал, что их деятельность наиболее эффективно ведется там, где вопросы решаются в комплексе объединенными силами общества и государственных структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение политических репрессий и процесса реабилитации играет важную роль, в первую очередь, в моральном и правовом оздоровлении общественных отношений. Систематический анализ и осмысление обществом ошибок, допущенных политическим руководством, при пассивности и участии граждан в годы массовых репрессий, позволят не только улучшить нравственную составляющую, но и укрепят правосознание, снизят правовой нигилизм, упрочат институты гражданского общества, что, в свою очередь, является одним из компонентов экономического развития.

Реконструировав историю репрессий 1920–1930-х гг. и обобщив опыт реализации государственной реабилитационной политики СССР/России на примере БМАССР/Республики Бурятия, мы сделали следующие выводы.

Политика террора в советском государстве получала видимость легитимности со стороны государственных органов через принятие соответствующего законодательства. Многие нормативно-правовые акты, составлявшие основу репрессивного законодательства, такие как постановление ЦИК «О порядке ведения дел» (1934), приказ НКВД «О репрессировании жен изменников Родины» (1937), противоречили Конституции. Следственные органы все больше руководствовались политической линией и волей партийных лидеров, а не действующим законодательством. На протяжении 1930-х гг. происходило снижение контроля за ОГПУ–НКВД со стороны партийных организаций и прокуратуры. Анализ содержания документов показывает, что с 1934 г. увеличилось количество внесудебных органов («тройки», «двойки», особое совещание при НКВД СССР, особое совещание и коллегии ОГПУ при СНК СССР), имевших полномочия применять по рассматриваемым делам ссылку, высылку, лишение свободы и расстрел. Первоначально они действовали наряду с судебными органами, но со временем полностью подменили последние.

В формировании и развитии репрессивной системы в СССР выделяется несколько этапов, которые характерны не только для общесоюзного уровня, но и для Бурят-Монгольской АССР: первый этап — 1918–1922 гг.; второй этап — 1922–1928 гг.; третий этап — 1929–1934 гг.; четвертый этап — 1935–1938 гг. Необходимо подчеркнуть, что особенность реализации репрессивных мер в Бурят-Монгольской АССР заключалась в том, что из-за национальной и конфессиональной «пестроты» и приграничного положения региона большое распространение получило обвинение в шпионаже и другой деятельности с целью организации национального государства.

С юридической точки зрения, выделяются уголовные и административные преследования. Репрессии в административном порядке были менее губительными для человеческих жизней, но отличались большей массовостью применения. Инструментарий административного воздействия органов местного управления подразделялся на высылку, ссылку, обобществление имущества, налогообложение, штраф, лишение избирательных прав. Трудности в осуществлении административной ссылки и высылки на местах возникали из-за неорганизованности местных властей, их неподготовленности к принятию высланных и ссыльных.

Одной из серьезных мер административного нажима и давления на крестьян являлась налоговая политика советского правительства. Налоговая система как вид административного репрессивного давления показала свою высокую эффективность в раскулачивании и строительстве коллективных хозяйств.

Если высылка и ссылка в административном порядке входили в компетенцию органов ОГПУ–НКВД, то наложение дополнительных налогов (в том числе «твердых заданий») и обобществление имущества раскулачиваемых входили в ведение сельских советов и районных (аймачных) исполнительных комитетов. Это, в свою очередь, при затруднительности контроля за местными исполнительными органами приводило к злоупотреблению в больших масштабах. Лишение же избирательных прав входило в компетенцию районных избирательных комиссий и чаще всего не применялось как самостоятельная мера наказания, а шло «довеском» к другим видам наказания.

Изучение документов архива МВД по Республике Бурятия позволило определить, что высылка и ссылка оказывали самое негативное влияние на социально-экономическое состояние крестьян. Особенность коллективизации в Бурят-Монгольской АССР заключалась в высокой степени злоупотреблений и нарушений закона со стороны местных властей.

Репрессии в уголовном порядке в советском государстве начались с момента прихода к власти большевиков и до конца 1920-х гг. применялись точно. С 1930-х гг. начались первые показательные уголовные процессы по политическим статьям и массовые аресты. Период 1937–1938 гг. для советских карательных спецслужб стал самым важным по объему полномочий и степени воздействия на общество и самым необычным по последствиям для самих органов НКВД этапом в их истории. НКВД получил монополию на арест, следствие, суд и исполнение приговора, что приводило к большому количеству злоупотреблений. Несудебные органы ввиду большого объема «рассмотренных» дел и малого штата «судей» не имели возможности подробно разбирать дела, поэтому их деятельность сводилась лишь к оформлению уголовных дел. Результаты обобщенного анализа сведений, содержащихся в документах фондов ФСБ и в фондов ИЦ МВД, позволили утверждать, что репрессии 1937–1938 гг. затронули практически все слои населения, а также партийные и государственные структуры, нанося невосполнимый урон в масштабах Бурят-Монгольской АССР.

Создание электронной базы данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия» дало возможность получить ценную информацию статистико-демографического характера. Стали известны данные о национальном, половозрастном составе, уровне образования и мере пресечения, а также сведения о прежнем месте проживания репрессированных, о количестве священнослужителей и их принадлежности к конфессии. Массовые беззакония и злоупотребления властью, введение чрезвычайных мер, не вызванных ни политической, ни оперативной обстановкой, привели к серьезному кризису во всех областях жизни как в Бурят-Монгольской АССР, так и в стране в целом.

На государственном уровне не была дана политическая оценка массовым беззакониям. Поэтому и в последующие годы политические репрессии в виде уголовного преследования продолжались до начала

50-х гг. XX в. Со смертью И. В. Сталина начал зарождаться реабилитационный процесс. Первоначально реабилитация использовалась как инструмент для борьбы с политическими оппонентами и для «разгрузки» лагерей, но постепенно стала набирать масштабы.

Анализ нормативно-правового комплекса документов дал возможность утверждать, что в конце периода «оттепели» начался период «отката» в официальной реабилитационной политике, о чем свидетельствует как возобновление репрессий против диссидентов, так и сокращение количества рассматриваемых реабилитационных дел. Политика «отката» привела к появлению общественного движения, а также к активизации отдельных людей, занимающихся защитой прав политических заключенных.

В период «застоя» прослеживается явное торможение реабилитации жертв политических репрессий, что выразилось как в отказе руководства страны от разработки новой законодательной базы, так в активизации репрессивной политики против правозащитников.

Новый этап развития политики реабилитации начался с периодом «перестройки». В 1989 г. впервые руководство советского государства признало факт массовых репрессий по политически мотивированным, сфальсифицированным обвинениям. Также был признан факт антиконституционности и «противоречивости» в существовании внесудебных органов. Несмотря на то, что в процесс реабилитации начали включаться появившиеся независимые общественные организации, однако комплексный закон о реабилитации жертв политических репрессий в Советском Союзе так и не был принят.

Большая работа по созданию российского законодательства, регулирующего процесс реабилитации, возникнет с принятием 18 октября 1991 г. Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». В этом документе будет не только впервые дана правовая и нравственная оценка государственного террора против собственного народа, но и определена необходимость ликвидации его последствий. В Бурятии порядок оказания помощи жертвам политических репрессий будет определен Законом Республики Бурятия «Об отдельных полномочиях органов государственной власти Республики Бурятия» только 17.12.2004 г.

Важным событием станет образование в 1992 г. Комиссии по восстановлению прав реабилитируемых при Президенте РФ, на которую будут возложены обязанности по координации и контролю за деятельностью органов государственной власти по реализации закона, возмещения материального ущерба, предоставления льгот уже реабилитированным гражданам и многое другое.

На основе анализа исследуемых документов и воспоминаний реабилитированных граждан авторы пришли к выводу о том, что в ходе реализации реабилитационного законодательства выявились трудности, связанные с отсутствием экономических и социальных условий. Это выражалось в том, что работа по возмещению ущерба, нанесенного незаконными репрессиями гражданам, носила ограниченный характер. Например, в соответствии с Законом о реабилитации решения по вопросу о возмещении ущерба принимают исполнительные органы власти субъектов Федерации и местного самоуправления. Республика Бурятия, в свою очередь, из-за нелегкого положения была не способна исполнять пункты закона о предоставлении льгот реабилитированным гражданам в полном объеме.

Важной вехой в реализации государственной реабилитационной политики стало принятие указа Правительства РФ об утверждении в августе 2015 г. «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». Кроме подведения итогов реабилитации в документе определен план мероприятий по реабилитации и увековечению жертв политических репрессий, а также внесены изменения в нормативно-правовую базу федерального и регионального уровня, которые позволили значительно расширить сотрудничество государства и общественных организаций в сфере реализации проектов, направленных на увековечивание памяти жертв политических репрессий.

Одновременно с государственными органами к процессу реабилитации подключились общественные организации, которые ставили своей целью содействие восстановлению прав политических репрессированных и осуществление контроля за выполнением законодательства. На территории Бурятии такой организацией стала Ассоциация жертв политических репрессий (АЖПР), основной задачей которой является защита прав и интересов реабилитированных и пострадавших

от политических репрессий, общественный контроль за исполнением реабилитационного законодательства. Ассоциация с первых дней своего основания занимается вопросами увековечивания памяти жертв политических репрессий. Важной составляющей в деятельности АЖПР Бурятии являются составление и публикация списков жертв политических репрессий. Решение поставленных задач позволило применить новейшие IT-технологии в гуманитарных исследованиях. В связи с этим особую актуальность приобретает предоставление легкого и удобного поиска информации о конкретном человеке.

На базе выполненного исследования была разработана методика поиска и восстановления списка репрессированных граждан Бурят-Монгольской АССР. Сотрудничество с лабораторией информационных систем БГУ в рамках инновационного проекта предоставило возможность разработать портал, на котором размещена информация о жертвах политических репрессий и вести поиск сведений о репрессированных по выдвинутым критериям.

Таким образом, в исследуемый период были образованы органы и созданы условия для продолжения процесса реабилитации жертв политических репрессий. Современное законодательство о реабилитации разработало механизм компенсации материального ущерба, возврата конфискованного или изъятого имущества, предусмотрело предоставление различных льгот реабилитируемым гражданам. Вместе с тем необходимо отметить противоречивость реабилитационной политики государства. Это касается не только вопросов, связанных с восстановлением всех социальных и гражданских прав, но и материальной ответственности государства перед репрессированными гражданами.

В целом проведенное исследование дало основание сделать вывод о том, что государственная реабилитационная политика — это системный процесс, в структуру которого входят не только основание и порядок реабилитации, но и правосстановительные и компенсационные меры, а также увековечение их памяти. Анализ работы с региональными общественными организациями жертв политических репрессий показал, что их деятельность наиболее эффективно ведется там, где вопросы решаются в комплексе объединенными силами общества и государственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

Архивные документы

а) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

1. ГАРФ, фонд Р-4459, опись 27, дело 18759.
2. ГАРФ, фонд Р-4459, опись 27, дело 18760.
3. ГАРФ, фонд Р-4459, опись 27, дело 18761.
4. ГАРФ, фонд Р-8131, опись 28, дело 33.
5. ГАРФ, фонд Р-8131, опись 12, дело 2.
6. ГАРФ, фонд Р-8131, опись 14, дело 1.
7. ГАРФ, фонд Р-8131, опись 16, дело 2.
8. ГАРФ, фонд Р-9401, опись 2, дело 450.
9. ГАРФ, фонд Р-9414, опись 1, дело 1801.
10. ГАРФ, фонд Р-9414, опись 1а, дело 862.
11. ГАРФ, фонд Р-9414, опись 1а, дело 1944.
12. ГАРФ, фонд Р-9479, опись 1а, дело 246.
13. ГАРФ, фонд Р-9479, опись 1, дело 248.
14. ГАРФ, фонд Р-9492, опись 5, дело 111.
15. ГАРФ, фонд Р-3316, опись 12, дело 516.

б) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

16. РГАСПИ, фонд М-28, опись 1, дело 1.
17. РГАСПИ, фонд 17, опись 2, дело 612.
18. РГАСПИ, фонд 17, опись 3, дело 896.
19. РГАСПИ, фонд 17, опись 3, дело 1003.
20. РГАСПИ, фонд 17, опись 3, дело 1073.
21. РГАСПИ, фонд 17, опись 98, дело 23.
22. РГАСПИ, фонд 17, опись 98, дело 24.
23. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 8.
24. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 9.
25. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 11.
26. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 13.
27. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 21.
28. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 22.
29. РГАСПИ, фонд 17, опись 162, дело 23.
30. РГАСПИ, фонд 17, опись 163, дело 981.
31. РГАСПИ, фонд 17, опись 163, дело 1204.

ЛИТЕРАТУРА

32. РГАСПИ, фонд 17, опись 164, дело 54.
33. РГАСПИ, фонд 505, опись 1, дело 73.
34. РГАСПИ, фонд 505, опись 1, дело 75.
35. РГАСПИ, фонд 505, опись 1, дело 85.
36. РГАСПИ, фонд 613, опись 3, дело 159.
37. РГАСПИ, фонд 613, опись 3, дело 180.
38. РГАСПИ, фонд 613, опись 3, дело 183.
39. РГАСПИ, фонд 613, опись 3, дело 189.
40. РГАСПИ, фонд 671, опись 1, дело 265.

в) Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ):

41. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1620.
42. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1314.
43. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1428.
44. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1643.
45. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1148.
46. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1748.
47. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1068.
48. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1892.
49. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1893.
50. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 1793.
51. ГАРБ, фонд П-1, опись 1, дело 2652.
52. ГАРБ, фонд Р-465, опись 6, дело 3.

г) Отдел специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия (ОСФ ИЦ МВД по РБ)

53. ОСФ ИЦ МВД по РБ, фонд 013, опись 1, д. 1–739.

д) Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК):

54. ГАЗК, фонд П-3, опись 1, дело 14.
55. ГАЗК, фонд П-3, опись 1, дело 20.
56. ГАЗК, фонд П-3, опись 1, дело 131.
57. ГАЗК, фонд П-3, опись 1, дело 132.
58. ГАЗК, фонд П-3, опись 1, дело 135.
59. ГАЗК, фонд П-3, опись 1, дело 681.
60. ГАЗК, фонд П-75, опись 1, дело 851.
61. ГАЗК, фонд П-75, опись 1, дело 2713а.
62. ГАЗК, фонд Р-55, опись 1, дело 143.
63. ГАЗК, фонд Р-531, опись 1, дело 4.

-
64. ГАЗК, фонд Р-531, опись 1, дело 11.
 65. ГАЗК, фонд Р-531, опись 1, дело 22.
 66. ГАЗК, фонд Р-1228, опись 1, дело 14.
 67. ГАЗК, фонд Р-1228, опись 1, дело 85.
 68. ГАЗК, фонд Р-1228, опись 1, дело 143.
 69. ГАЗК, фонд Р-1228, опись 4, дело 9.
 70. ГАЗК, фонд Р-1598, опись 1, дело 3.
 71. ГАЗК, фонд Р-1765, опись 1, дело 2.

Сборники документов

72. Восточный вектор переселенческой политики в СССР, конец 1920-х — конец 1930-х гг. : сборник документов / ред. С. А. Красильников. — Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. — 358 с.
73. ВЧК ГПУ: документы и материалы / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. — Москва : Изд-во гуманитар. лит., 1995. — 272 с.
74. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. ред. К. Аймермахер. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 912 с.
75. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / ред. Н. А. Ивницкий, В. П. Данилов ; сост. В. П. Данилов. — Москва : Политиздат, 1989. — 526 с.
76. Забвению не подлежит : сборник документов / сост. В. И. Василевский, Г. М. Любин. — Чита : Упр. Судеб. департамента в Читинской области, 2006. — 204 с.
77. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации прокуратуры 1917–1954 гг. : сборник документов / сост. Л. Н. Гусев ; под ред. С. А. Голунского. — Москва : Юр. лит., 1955. — 636 с.
78. История Советской Конституции. В документах, 1917–1956 гг. / сост. : А. А. Липатов, Н. Т. Савенков, С. С. Студеникин. — Москва : Госюриздат, 1957. — 1046 с.
79. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко ; отв. сост. И. А. Зюжина. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 728 с.
80. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 2. Карательная систе-

ма: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н. В. Петров ; отв. сост. Н. И. Владимирцев. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 696 с.

81. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 4. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 624 с.

82. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания / отв. ред. и сост. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталеv. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 622 с.

83. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред., сост. Т. В. Царевская-Дякина. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 824 с.

84. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В. А. Козлов ; сост. О. В. Лавинская. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 736 с.

85. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов : в 7 томах. — Т. 7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации : аннотир. указ. дел / отв. ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко ; сост. А. В. Добровская (отв. сост.), Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, В. П. Наумов, В. И. Широков. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 712 с.

86. Калинин М. И. О международном положении : доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 года / М. И. Калинин. — Москва : Политиздат, 1938. — 32 с.

87. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири 1927–1937 гг. / под ред. А. А. Говорков, А. П. Акаченко. — Новосибирск, 1972. — 332 с.

88. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневe. 1953–1982 годы. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР / отв. ред. В. Л. Козлов, С. В. Мироненко. — Москва : Материк, 2005. — 432 с.

89. Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928–1933 гг.). Сборник документов из фондов РГВА / сост. А. Романо, Н. Тархова. — Неаполь, 1996. — 322 с.

90. Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972 / отв. сост. С. Д. Таванец. — Москва : РОСПЭН, 2009. — 1248 с.

91. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева. — Москва : МФД, 1999. — 512 с.

92. Лишены избирательных прав : сборник документов / сост. С. Г. Аюшеева, И. О. Баранникова и др. ; рец. В. Б. Базаржапов. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2003. — 216 с.

93. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: документы высших органов партийной и государственной власти 1937–1938. — Москва : МФД, 2004. — 736 с.

94. Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. — Москва : Материк, 2006. — 640 с.

95. Молотов В. М. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел СССР тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года / В. М. Молотов // Свободная мысль. — 2009. — № 10. — С. 157–170.

96. О реабилитации жертв политических репрессий : доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий в 2006–2008 годах. — Москва, 2009. — 53 с.

97. О реабилитации жертв политических репрессий : доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. — Москва, 2000. — 40 с.

98. О реабилитации жертв политических репрессий : доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. — Москва, 2015. — 75 с.

99. От ВЧК до ФСБ. 1918–1998 : сборник документов и материалов по истории органов государственной безопасности Тверского края / отв. сост. В. А. Смирнов, А. В. Борисов, М. В. Цветкова ; ред. совет: Г. П. Виноградов и др. — Тверь, 1998. — 384 с.

100. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / отв. ред. : Н. Н. Покровский [и др.]. — Москва : РОССПЭН, 2005. — Кн. 1. — 912 с.
101. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / отв. ред. Н. Н. Покровский [и др.]. — Москва : РОССПЭН, 2006. — Кн. 2. — 1118 с.
102. Реабилитация: как это было : документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / А. И. Артизов [и др.]. — Москва : МФД, 2000. — Т. 1. — 503 с.
103. Реабилитация: как это было : документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / А. И. Артизов [и др.]. — Москва : МФД, 2003. — Т. 2. — 958 с.
104. Реабилитация: как это было : документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / А. И. Артизов [и др.]. — Москва : МФД, 2004. — Т. 3. — 720 с.
105. Сахаров А. Н. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. — Москва : ИРИ РАН, 2008. — Ч. 1, т. 8. — 864 с.
106. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — Курск : Курск, 1999. — Ч. 1. — 510 с.
107. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — Курск : Курск, 1999. — Ч. 2. — 410 с.
108. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / отв. и сост. Е. А. Зайцев. — Москва : Республика 1993. — 224 с.
109. Сборник материалов и документов по истории СССР советского периода. — Москва, 1966. — 486 с.
110. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. — Москва : Республика, 1942. — 886 с.
111. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 гг. Управление делами Совнаркома СССР. — Москва : Республика, 1943. — 800 с.

-
112. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 томах. — Москва : РОССПЭН, 2003. — Т. 3, кн. 1 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — 864 с.
113. Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 — весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников и другие. — Новосибирск, 1992. — 283 с.
114. Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931 — начало 1933 г. / сост. С. А. Красильников и другие. — Новосибирск, 1993. — 341 с.
115. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание (1927–1939) : документы и материалы : в 5 томах / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Р. Джонсона, Р. Дэвиса, С. Уиткрофта, Л. Виолы. — Москва : РОССПЭН, 1999. — Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. — 880 с.
116. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание (1927–1939) : документы и материалы : в 5 томах / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Р. Джонсона, Р. Дэвиса, С. Уиткрофта, Л. Виолы. — М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 — Декабрь 1930. — 925 с.
117. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года : постановление ЦИК и СНК СССР от 22 ноября 1926 г. // Собрание законодательства СССР. — 1926. — № 9. — 256 с.
118. Хрущев Н. С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии / Н. С. Хрущев. — Москва, 1956. — 142 с.

Многотомные издания

119. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов : в 2 томах / А. Буллок. — Смоленск : Русич, 2000. — Т. 2. — 680 с.
120. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов : в 2 томах / А. Буллок. — Смоленск : Русич, 2000. — Т. 1. — 654 с.
121. История Бурятии : в 2 частях / М-во образования Республики Бурятия, обществ.-науч. центр «Сибирь» ; под общ. ред. С. Д. Намсараева. — Улан-Удэ, 1993. — Ч. 1. Конец XIX в. — 1941 г. / Б. В. Базаров [и др.] ; науч. ред. В. Ц. Найдаков. — 76 с.
122. История Бурятии : в 3 томах / отв. ред. Б. В. Базаров ; науч. ред.: М. Н. Балдано, Л. В. Кальмина. — Улан-Удэ, 2011. — Т. 3. XX–XXI вв. — 462 с.
123. История Бурятской АССР : в 2 томах / гл. ред. П. Т. Хаптаев. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. — Т. 2. — 643 с.

124. История Сибири с древнейших времён до наших дней : в 5 томах / под ред. А. П. Окладникова. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 2. — 490 с.
125. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2007. — Т. 1. — 290 с.
126. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2009. — Т. 2. — 213 с.
127. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. — Т. 3. — 251 с.
128. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. — Т. 4. — 234 с.
129. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2011. — Т. 5. — 246 с.
130. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2012. — Т. 6. — 238 с.
131. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / сост. С. В. Васильева [и др.]. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2012. — Т. 7. — 230 с.
132. Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары : в 4 книгах / сост. В. А. Козлов [и др.] / Моск. город. объед. архивов. — Москва : Историческое наследие, 1992.
133. Поляков Ю. А. Население России в XX веке: исторические очерки : в 3 томах / Ю. А. Поляков. — Москва : РОСПЭН, 2000. — Т. 1. 1900–1939. — 460 с.
134. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. — Москва : РОССПЭН, 2010. — Т. 1. — 473 с.

Воспоминания

135. Авторханов А. Г. Мемуары / А. Г. Авторханов. — Frankfurt am Main : Possev-Verlag, 1983. — 761 p.

136. Алин Д. Е. Мало слов, а горя реченька...: невыдуманные рассказы / Д. Е. Алин. — Томск : Водолей, 1997. — 224 с.

137. Белых П. И. Своими глазами: воспоминания узника ГУЛАГа / П. И. Белых. — Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1997. — 58 с.

138. Берия С. Л. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти / С. Л. Берия ; пер. с фр. Н. М. Стамбулян. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 480 с.

139. Пока дышу — надеюсь : сборник воспоминаний репрессированных в годы культа личности Сталина / И. А. Картель, В. И. Сизов, Т. М. Хитарова. — Кемерово, 1991. — 326 с.

140. Страницы трагических судеб : сборник воспоминаний / сост. Д. Б. Фартусов ; науч. ред. С. В. Васильева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2015. — 192 с.

Монографии, сборники

141. 15 лет Бурят-Монгольской АССР: политико-экономический сборник, посвященный празднованию 15-летнего юбилея БМАССР. — Улан-Удэ : Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1938. — 101 с.

142. Adler N. Victims of Soviet Terror: the story of the Memorial Movement / N. Adler. — New York : Praeger, 1993. — 200 p.

143. Boffa G. Le fenomeno Stalin nella stona del XX secolo / G. Boffa. — Italiano: Ban, 1982. — 550 p.

144. Conquest R. Stalin: Breaker of Nations / R. Conquest. — New York, 1991. — 345. p.

145. Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties / R. Conquest. — Toronto, 1968. — 416 p.

146. Merl S. Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre : über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute / S. Merl. — Berlin : Duncker & Humblot, 1990. — 276 p.

147. Абрамов Б. А. Коллективизация сельского хозяйства – великая революция в социально-экономических отношениях и во всем укладе жизни крестьянства / Б. А. Абрамов. — Москва : Высшая школа, 1967. — 96 с.

148. Авторханов А. Г. Мемуары / А. Г. Авторханов. — Москва : Посев, 1983. — 767 с.

149. Авторханов А. Г. Технология власти / А. Г. Авторханов. — Москва : Слово, 1991. — 638 с.
150. Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа / Н. Адлер ; пер. с англ. И. П. Лейко. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 262 с.
151. Адлер Н. Трудное возвращение. Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы / Н. Адлер. — Москва : Звенья, 2005. — 318 с.
152. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период / Л. М. Алексеева. — Москва : Московская Хельсинская группа, 2012. — 384 с.
153. Антонов-Овсеенко А. В. Театр Иосифа Сталина / А. В. Антонов-Овсеенко. — Москва : Грэгори-Пэйдж, 1995. — 380 с.
154. Афанасьев Ю. Н. Опасная Россия: традиции самовластья сегодня / Ю. Н. Афанасьев. — Москва : Изд-во РГГУ, 2001. — 432 с.
155. Базаров Б. В. Дело Максима Шулукшина, или очерк политической борьбы в послевоенные годы / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. — 84 с.
156. Базаров Б. В. Органы внутренних дел Республики Бурятия в условиях трансформации российского общества / Б. В. Базаров, И. И. Калашников. — Улан-Удэ, 2002. — 48 с.
157. Базаров Б. В. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1920–1930-х гг. / Б. В. Базаров, Д. Д. Намнанов ; под ред. Л. В. Кураса. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. — 207 с.
158. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. — 68 с.
159. Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. — 194 с.
160. Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жаббаева. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. — 376 с.
161. Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки / М. Н. Балдано. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001. — 432 с.
162. Балдано (Кириченко) С. В. Формирование и развитие художественной интеллигенции Бурятии / С. В. Балдано (Кириченко). — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. у-та, 2007. — 160 с.

-
163. Басаев Г. Д. М. Н. Ербанов / Г. Д. Басаев. — Улан-Удэ, 1989. — 238 с.
164. Башкуев В. Ю. Литовские спецпереселенцы в Бурят-Монголии (1948–1960 гг.) / В. Ю. Башкуев. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2009. — 298 с.
165. Биобиблиографический словарь репрессированных писателей Бурятии / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт общественных наук ОНЦ «Сибирь». — Улан-Удэ, 1996. — 76 с.
166. Бордюгов Г. А. История и конъюнктура: субъективные записки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. — Москва : Политиздат, 1992. — 352 с.
167. Борисов А. Н. История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири. 1927–1937 гг.: документы и материалы / А. Н. Борисов, А. П. Косых. — Иркутск, 1979. — 320 с.
168. Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века) / Н. Ф. Бугай. — Москва : МСНК-пресс, 2006. — 464 с.
169. Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник. 1927–1930. — Верхнеудинск : Изд-во Госплана БМАССР, 1931. — 508 с.
170. Бурятская АССР в цифрах (1923–1973): юбилейный статистический сборник. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. — 205 с.
171. Бутенко А. П. Откуда и куда идем: взгляд философа на историю советского общества / А. П. Бутенко. — Ленинград ; Лениздат, 1990. — 288 с.
172. Василевский В. И. Трагическая страница забайкальской истории / В. И. Василевский. — Улан-Удэ : Домино, 2012. — 224 с.
173. Вегетарианская эпоха. Антология выстаивания и преобразования / С. Я. Подольский [и др.]. — Москва : Пик, 2003. — 480 с.
174. Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии. — Новосибирск : Наука, 1980. — 350 с.
175. Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. — Москва : ОГИ, 1998. — 432 с.
176. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / под ред. В. В. Журавлева. — Москва : РОССПЭН, 1995. — 400 с.
177. Волгогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина / Д. А. Волгогонов. — Москва ; Изд-во АПН, 1989. — Кн. 1, ч. 1. — 302 с.

178. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина / Д. А. Волкогонов. – Москва : Изд-во АПН, 1989. — Кн. 1, ч. 2. — 332 с.

179. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина / Д. А. Волкогонов. — Москва : Изд-во АПН, 1989. — Кн. 2, ч. 1. — 424 с.

180. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина / Д. А. Волкогонов. — Москва : Изд-во СПН, 1989. — Кн. 2, ч. 2. — 272 с.

181. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги / Академия наук СССР, Институт истории СССР. — Москва, 1991. — 239 с.

182. Выдающиеся бурятские деятели / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. М. Михайлов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1999. — Вып. 3. — 180 с.

183. Голенков А. М. Сталин без наветов: только факты / А. М. Голенков. — Москва : Форум, 1998. — 424 с.

184. Гордон Л. А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40 годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. — Москва : Политиздат, 1989. — 320 с.

185. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917–1933 = The great Soviet peasant war / А. Грациози ; пер. с англ. Л. Ю. Пантиной ; пер. с фр. В. А. Мильчиной. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 136 с.

186. ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. — 316 с.

187. Гусарова Т. О. Уголовно-исполнительная система Республики Бурятия (1923–1991 гг.) / Т. О. Гусарова, Л. В. Курас, С. П. Суш. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2009. — 261 с.

188. Гущин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н. Я. Гущин. — Новосибирск : Экор, 1996. — 160 с.

189. Гущин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. / Н. Я. Гущин. — Новосибирск : Наука, 1987. — 332 с.

190. Данзанова А. А. Религиозная политика Советского государства по отношению к буддизму в Бурятии в 1920–1930-е гг. / А. А. Данзанова. — Улан-Удэ, 1998. — 193 с.

-
191. Данилов А. А. История инакомыслия в России: советский период 1917–1991 / А. А. Данилов. — Москва : Социум, 1993. — 104 с.
192. Докучаев М. С. История помнит: И. В. Сталину посвящается / М. С. Докучаев. — Москва : Соборъ, 1998. — 398 с.
193. Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30-х гг. / Д. Л. Доржиев. — Улан-Удэ, 1993. — 82 с.
194. Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930 гг. / Д. Л. Доржиев. — Улан-Удэ, 1996. — 180 с.
195. Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности / А. А. Елаев. — Москва : Антал, 1994. — 176 с.
196. Жабаева Л. Б. Э.-Д. Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. — Улан-Удэ, 2001. — 468 с.
197. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 278 с.
198. Жиромская В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись 1937 года / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1996. — 152 с.
199. Жухрай В. М. Сталин: правда и ложь / В. М. Жухрай. — Москва : Сварогъ, 1996. — 352 с.
200. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера, Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. В. И. Матузова, Л. Е. Сидикова, Г. И. Германенко, С. В. Шулятьев. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 679 с.
201. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития / Л. А. Зайцева. — Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2011. — 320 с.
202. Звягинцев В. Е. «Балтийская голгофа», или как узаконили беззаконие / В. Е. Звягинцев, А. В. Сапсай. — Санкт-Петербург : Пресс, 2003. — 518 с.
203. Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) / Н. А. Ивницкий. — Москва : Наука, 1972. — 360 с.
204. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н. А. Ивницкий. — Москва : Интерпракс, 1996. — 286 с.

205. Историческая наука в Сибири за 50 лет: (основные проблемы истории советской Сибири) / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии. — Новосибирск : Наука, 1972. — 276 с.
206. История создания памятников жертвам политических репрессий в Республике Бурятия / рук. проекта С. В. Васильева, А. Т. Богданов. — Улан-Удэ : НоваПринт, 2009. — 16 с.
207. Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма / М. П. Ким. — Москва : Наука, 1983. — 560 с.
208. Кип Дж. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Дж. Кип, А. Литвин. — Москва, 2009. — 328 с.
209. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е — начало 1950-х гг. / В. М. Кириллов. — Нижний Тагил : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та ; Нижнетагильского гос. пед. ин-та, 1996. — 470 с.
210. Кондрашин В. В. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани) / В. В. Кондрашин, Д. Пеннер. — Пенза, 2002. — 432 с.
211. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). / С. А. Красильников. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 1998. — 90 с.
212. Красильников С. А. Серп и Молох: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С. А. Красильников. — Москва : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 342 с.
213. Крестьянство Сибири в период строительства социализма 1917–1937 гг. / отв. ред. Н. Я. Гушин. — Новосибирск : Наука, 1983. — 390 с.
214. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии. — Новосибирск : Наука, 1983. — 388 с.
215. Крыленко Н. В. Беседы о праве и государстве / Н. В. Крыленко. — Москва : Красная новь, 1924. — 184 с.
216. Кудрявцев В. Н. Политическая юстиция в СССР / В. Н. Кудрявцев, А. И. Трусов. — Москва : Наука, 2002. — 386 с.
217. Кузьмина М. А. Свет и тени «Мемориала» / М. А. Кузьмина. — Комсомольск-на-Амуре : Жук, 2009. — 194 с.

-
218. Кульчицкий С. В. Цена «великого перелома» / С. В. Кульчицкий. — Киев, 1991. — 432 с.
219. Курас Л. В. История уголовного розыска Бурятии (1922 — начало 1930-х годов): 85-летию уголовного розыска России посвящается / Л. В. Курас. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2003. — 152 с.
220. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. : монография / Л. В. Курас ; науч. ред. М. Н. Балдано ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирское отделение, Российская академия наук. — Иркутск : Отгиск, 2016. — 252 с.
221. Маренков Ф. Государь и погань. Непроизнесенная речь адвоката в защиту И. В. Сталина / Ф. Маренков. — Москва : Палея, 1995. — 216 с.
222. Маслов Н. Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929–1956) / Н. Н. Маслов. — Москва : Знание, 1990. — 64 с.
223. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме / Р. А. Медведев. — Москва : Прогресс, 1990. — 484 с.
224. Мильбах В. С. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус / В. С. Мильбах. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского госуниверситета, 2014. — 380 с.
225. Митыпов В. М. Государство и буддийская церковь в СССР/России: эволюция отношений / В. М. Митыпов. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. — 104 с.
226. Митыпова Е. С. Ацагатский дацан 1825–1937: история, события, люди / Е. С. Митыпова. — Улан-Удэ, 1995. — 56 с.
227. Митыпова Е. С. Православные храмы в Забайкалье (XVII — начало XX в.) / Е. С. Митыпова. — Улан-Удэ, 1997. — 106 с.
228. Могордоев М. О. Переход бурятского кочевья к оседлости / М. О. Могордоев. — Улан-Удэ, 1972. — 134 с.
229. Морозов А. Г. Девять ступеней в небытие / А. Г. Морозов. — Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1991. — 384 с.
230. Население России за 100 лет (1897–1997): статистический сборник. — Москва, 1998. — 222 с.
231. Осколков Е. Н. Голод 1932–1933 гг. : хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае / Е. Н. Осколков. — Ростов-на-Дону, 1991. — 91 с.

232. Откровенно о многом : посвящается 80-летию органов госбезопасности Бурятии / сост. О. А. Яковлева, отв. ред. А. М. Ростовцев. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2003. — 340 с.
233. Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма / И. В. Павлова. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. — 460 с.
234. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941 / С. А. Папков. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. — 280 с.
235. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири / С. А. Папков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 440 с.
236. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий: опыт историко-правового анализа / А. Г. Петров. — Москва : ИНИОИ РАН РФ, 2005. — 316 с.
237. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р. Г. Пихоя. — Москва : Изд-во РАГС, 1998. — 734 с.
238. Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство / Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1967. — 520 с.
239. Полян П. Н. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / П. Н. Полян. — Москва : ОГИ–Мемориал, 2001. — 328 с.
240. Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 — начало 2000-х гг.) / Е. Г. Путилова. — Уфа : Инфинити, 2012. — 140 с.
241. Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских политических репрессий в странах бывшего СССР / сост. Я. З. Рачинский. — Москва : Мемориал ; Звенья, 2016. — 480 с.
242. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу / Ж. Росси. — Москва : Просвет, 1991. — Ч. 1. — 270 с.
243. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу / Ж. Росси. — Москва : Просвет, 1991. — Ч. 2. — 518 с.
244. Рубинштейн Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. — Москва : Госполитиздат, 1941. — 642 с.
245. Санжиев Г. Л. Коммунистическая партия — организатор победы колхозного строя в Бурят-Монголии / Г. Л. Санжиев. — Улан-Удэ, 1957. — 86 с.
246. Санжиев Г. Л. Переход народов Сибири к социализму минуя капитализм / Г. Л. Санжиев. — Новосибирск : Наука, 1980. — 368 с.

-
247. Себаг-Монтефиоре С. Молодой Сталин / С. Себаг-Монтефиоре ; пер. Л. Оборина. — Москва : Корпус, 2014. — 576 с.
248. Север А. История КГБ / А. Север. — Москва : Алгоритм, 2008. — 336 с.
249. Семенов Н. Советский суд и карательная политика / Н. Семенов. — Мюнхен, 1952. — 364 с.
250. Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму: материалы по истории Сибири / Академия наук СССР, Сибирское отделение. — Новосибирск : Наука, 1966. — Вып. 6. — 160 с.
251. Соколов А. К. Курс советской истории 1917–1940 / А. К. Соколов. — Москва : Высшая школа, 1999. — 272 с.
252. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 463 с.
253. Сталин и Красная Армия (1940–1953 гг.). (Судьбы генеральские) / Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры ; сост. И. И. Кузнецов. — Улан-Удэ, 1992. — 124 с.
254. Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников / И. В. Сталин. — Москва : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — 70 с.
255. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну / В. Суворов. — Москва : Добрая книга, 2017. — 752 с.
256. Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — Москва : Изд-во РГГУ, 1996. — 595 с.
257. Трапезников С. П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства / С. П. Трапезников. — Москва : Мысль, 1965. — 614 с.
258. Троцкий Л. Д. Преступления Сталина / под ред. Ю. Г. Фельптинского. — Москва : Изд-во гуманит. лит., 1994. — 310 с.
259. Уйманов В. Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.) / В. Н. Уйманов. — Томск : Изд-во Томского университета, 2012. — 562 с.
260. Уйманов В. Н. Репрессии. Как это было... : (Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х годов) / В. Н. Уйманов ; под ред. Ю. В. Куперта. — Томск : Издательство Томского университета, 1995. — 334 с.
261. Хаустов В. М. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. / В. М. Хаустов, Л. Самуэльсон. — Москва, 2009. — 432 с.

262. Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество / О. В. Хлевнюк. — Москва : Республика, 1992. — 270 с.
263. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти / О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 1996. — 304 с.
264. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 1996. — 304 с.
265. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — 478 с.
266. Хлевнюк О. В. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры, 1945–1953 / О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий ; пер. с англ. А. А. Пешкова ; Уполномоченный по правам человека в Рос. Федерации, Гос. архив Рос. Федерации [и др.]. — Москва : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 230 с.
267. Хлусов М. И. Развитие советской индустрии. 1946–1958 / М. И. Хлусов. — Москва : Наука, 1977. — 280 с.: 1 л. схем.
268. Цыжипов Э. Б. История политических репрессий в Бурят-Монголии (1928 — июнь 1941 г.) / Э. Б. Цыжипов. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. — 180 с.
269. Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.) / И. С. Цыремпилова. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. — 162 с.
270. Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза / Л. Шапиро. — Нью-Йорк, 1970. — 934 с. Firenze: Argo, 1975.
271. Шатуновская О. Г. Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская / сост. Д. Кутьина, А. Бройдо, А. Кутын. — USA, La Jolla : DAA Books, 2001. — 470 с.
272. Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.) / В. Я. Шашков. — Мурманск, 1993. — 142 с.
273. Шейнис В. Л. Власть и закон: политика и конституции в России в XX–XXI веках / В. Л. Шейнис. — Москва : Мысль, 2014. — 1088 с.
274. Шулунов П. М. Горькие судьбы / П. М. Шулунов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1991. — 38 с.
275. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930 гг. / Л. В. Кальмина [и др.] ; под ред. Б. В. Базарова. — Иркутск : Оттиск, 2015. — 228 с.

276. Юнге М. Как Террор стал Большим. Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения / М. Юнге, Р. Биннер. — Москва : АИРО-XX, 2003. — 352 с.

277. Яковлев А. Н. Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов / А. Н. Яковлев. — Москва : Политиздат, 1991. — 462 с.

Сборники статей

278. Историки спорят. 13 бесед / под общ. ред. В. С. Лельчука. — Москва : Политиздат, 1988. — 510 с.

279. Маслов Н. Н. Очерки источниковедения и историографии истории КПСС / Н. Н. Маслов, З. В. Степанов. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. — 166 с.

280. Международный проект создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий «Возвращенные имена» : сборник материалов по итогам первого этапа проекта. 2000–2003 годы. — Нижний Тагил : Изд-во НТГСПЛ, 2003. — 306 с.

281. Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ) / сост. Б. В. Базаров. — Улан-Удэ, 1991. — Вып. 1. — 52 с.

282. Осмыслить культ Сталина : сборник / ред.-сост. Х. Кобо. — Москва : Прогресс, 1989. — 650 с.

283. Политические репрессии в условиях тоталитарного режима СССР (1920–1950-е гг.) / сост. Т. В. Паликова, С. В. Палхаева, К. Б.-М. Митупов, С. З. Ахмадулина. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012. — 140 с.

284. Реабилитированы историей : очерки о первых начальниках Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота / гл. ред. Л. Головнев. — Москва : Главное политическое управление Советской Армии и ВМФ, 1989. — 94 с.

285. Сибирская ссылка : сборник научных статей / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов. — Иркутск : Оттиск, 2007. — Вып. 4 (16). — 532 с.

286. Судьба человека в тоталитарном государстве : материалы III–IV научно-практической конференции, с. Ноехон Селенгинского района Республики Бурятия, 30 октября 2010 г., Улан-Удэ, 19 октября 2012 г. / науч. ред. Е. Н. Палхаева. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012. — 124 с.

287. Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма / сост. Ю. П. Сенокосов. — Москва : Политиздат, 1989. — 512 с.

Статьи

288. Conquest R. The Great Terror / R. Conquest. — London : Macmillan, 1965. — 228 с.

289. Harris J. The Growth of the Gulag: Forced Labour in the Urals Region, 1929–1931 / J. Harris // Ibid. — 1997. — Vol. 56. — Is. 2. — P. 265–280.

290. Labedz L. Resurrection and Perdition / L. Labedz // Problems of Communism, 1963. — Vol. 12. — № 2. — С. 15–18.

291. Martin T. Stalinist Forced Relocation Policies: Patterns, Causes, Consequences / T. Martin // Demography and National Security. — Oxford : Berghahn, 2001. — P. 305–339.

292. Oppenheim S. A. Rehabilitation in the Post-Stalinist Soviet Union / S. Oppenheim A. // The Western Political Quarterly, 1967. — Vol. 20. — № 4. — P. 94–99.

293. Shapiro J. Political Rehabilitation in Soviet Central Asian Party Organizations / J. Shapiro // Central Asian Review. — 1966. — Vol. 14. — № 3. — P. 76–81.

294. Taniuchi Yu. Decision-making on the Ural-Siberian Method / Yu. Taniuchi // Soviet History, 1917–1953. — St. New York : Martin's Press, 1995. — P. 78–103.

295. Амосова А. А. Реабилитация жертв политических репрессий (на материалах «ленинградского дела») / А. А. Амосова // Новейшая история России. — 2011. — № 1. — С. 153–159.

296. Аронсон Д. Из записок тюремного старосты / Д. Аронсон // На чужой стороне. — 1925. — № 9. — С. 57–89.

297. Базаров Б. В. Агван Доржиев. Последние страницы жизни / Б. В. Базаров, Ю. П. Шагдуров // Байкал. — 1991. — № 3. — С. 121.

298. Базаров Б. В. Кризис национальной культуры в 30-е годы / Б. В. Базаров, Л. В. Курас // Проблемы истории Бурятии : тезисы и доклады научной конференции. Улан-Удэ, 11–12 ноября 1993 г. — Улан-Удэ, 1993. — С. 89–90.

299. Базаров Б. В. О судьбах чекистов Бурятии в 30-е годы / Б. В. Базаров, Ю. П. Шагдуров // Из истории спецслужб Бурятии : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЧК-ФСБ. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1997. — С. 61–68.

300. Базаров Б. В. Писатели Бурятии и дело «панмонгольской организации» / Б. В. Базаров, Л. В. Курас // Банзаровские чтения : тезисы и доклады научной конференции посвященной 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. — Улан-Удэ, 1992. — С. 94–95.

301. Базаров Б. В. Политика репрессий в Бурятии (20–30-е гг.) / Б. В. Базаров, Ю. П. Шагдуров, Л. В. Курас // Проблемы истории Бурятии : тезисы и доклады научной конференции, Улан-Удэ, 11–12 ноября 1993 г. — Улан-Удэ, 1993. — С. 95–98.

302. Базаров Б. В. Репрессивная политика Советского государства в 20–30-е годы XX века (на материалах Бурят-Монгольской АССР) / Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Ю. А. Петрушин // Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. — Улан-Удэ : Респ. тип., 2007. — Т. 1. — С. 5–14.

303. Базаров Б. В. Современная отечественная историография становления и развития государственности Республики Бурятия / Б. В. Базаров, Ц. Б. Батуев // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск, 2010. — С. 78–89.

304. Базаров Б. В. Спецпоселение немцев в Бурятии (1943–1956 гг.) / Б. В. Базаров, Л. П. Саганова // Этническая и национальная политика государства в Бурятии (XIX — начало XX в.). — Улан-Удэ, 2008. — Ч. 2. — С. 141–167.

305. Базаров Б. В. СССР и судьба национальной интеллигенции Бурятии / Б. В. Базаров // Проблемы истории Бурятии. — Улан-Удэ, 1993. — С. 86–89.

306. Базаров Б. В. Трагический финал Солбонэ Туя / Б. В. Базаров // Неизвестные страницы истории Бурятии : (из архивов КГБ). — Улан-Удэ, 1991. — С. 40–51.

307. Балдано (Кириченко) С. В. Бурятская художественная интеллигенция в структуре общества и власти (1920–1930-е гг.) / С. В. Балдано (Кириченко) // Власть. — 2009. — № 7. — С. 97–99.

308. Биггарт Д. Бухарин, «культурная революция» и истоки сталинизма / Д. Биггарт // Отечественная история. — 1994. — № 2. — С. 90–104.

309. Бордюгов Г. А. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов // Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 8. — С. 15–33.

310. Борисов Ю. С. Политическая реабилитация в СССР (1950–1960-е гг.) в освещении западной историографии / Ю. С. Борисов, А. В. Голубев // Отечественная история. — 1992. — № 5. — С. 205–209.

311. Борисов Ю. Тоталитаризм и отечественная история / Ю. Борисов, А. В. Голубев // Свободная мысль. — 1992. — № 14. — С. 61–71.

312. Бороздина Е. С. Репрессивная политика советского государства в отношении безнадзорных несовершеннолетних (1935-1940) / Е. С. Бороздина // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Оттиск, 2007. — Вып. 4(16). — С. 333–339.

313. Боханов П. П. Трагическая судьба народов (национальная политика сталинизма) / П. П. Боханов // Жертвы политических репрессий Иркутской области: память и предупреждение будущему. — Иркутск, 2000. — Т. 3. — С. 6–24.

314. Бугай Н. Ф. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 г. / Н. Ф. Бугай // Проблемы Дальнего Востока. — 1992. — № 4. — С. 152–161.

315. Бугай Н. Ф. 20-50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР / Н. Ф. Бугай // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 175–185.

316. Бугай Н. Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» / Н. Ф. Бугай // История СССР. — 1991. — № 2. — С. 172–180.

317. Бугай Н. Ф. Власть сатаны. О депортациях народов из Прибалтики в 40-50-е годы / Н. Ф. Бугай // Молодая гвардия. — 1993. — № 4. — С. 40–48.

318. Бугай Н. Ф. Депортация народов с Украины (30–50-е годы) / Н. Ф. Бугай // Украинский исторический журнал. — 1990. — № 10. — С. 32–45.

319. Бугай Н. Ф. О выселении корейцев из Дальневосточного края / Н. Ф. Бугай // Отечественная история. — 1992. — № 6. — С. 141–68.

320. Бугай Н. Ф. О депортациях иранцев из Азербайджана и Казахстана / Н. Ф. Бугай // Восток. — 1994. — № 6. — С. 146–154.

321. Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Л. Берия — И. Сталину / Н. Ф. Бугай // История СССР. — 1991. — № 1. — С. 143–165.

322. Бурганов А. История — мамаша суровая / А. Бурганов // Суровая драма народа. — Москва, 1989. — С. 29–54.

323. Бутин А. И. Информационные технологии в изучении истории политического террора в Бурятии / А. И. Бутин, Т. Р. Качалина, Д. Б. Фартусов // Материалы 54-й международной научной студенческой конференции МНСК-2016: история. — Новосибирск, 2016. — С. 158.

324. Варфоломеева М. И. Архивные источники, раскрывающие процесс политических репрессий в Советской России в 20–40-х гг. XX века (на материалах Белгородской, Курской, Орловской областей) / М. И. Варфоломеева // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. — Волгоград : Изд-во Волгоградского госун-та, 2007. — Т. 2. — С. 645–650.

325. Варфоломеева М. И. Массовые политические репрессии в 30-е гг. XX в. и их последствия / М. И. Варфоломеева // Общество. Личность. Культура : сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. инженерно-экономического ун-та, 2007. — С. 55–58.

326. Варфоломеева М. И. Формирование нормативно-правовой базы массовых политических репрессий в 30-е годы / М. И. Варфоломеева // Общество. Личность. Культура : сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. инженерно-экономического ун-та, 2003. — С. 41–45.

327. Васильева С. В. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия: демографический анализ / С. В. Васильева, Д. Б. Фартусов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2017. — Вып. 3. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — С. 17–24.

328. Величко С. А. Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «Перестройка» посвящается) / С. А. Величко // Вестник Омской юридической академии. — 2016. — № 2 (31). — С. 4–9.

329. Воробьев С. М. Реабилитация жертв политических репрессий как комплексный уголовно-процессуальный институт / С. М. Воробьев // Журнал российского права. — 2016. — № 4 (232). — С. 125–132.

330. Гадаборщева Ф. М. Реабилитация народов, подвергшихся депортации в середине XX века в СССР: (историко-правовые проблемы) / Ф. М. Гадаборщева // Политика и общество. — 2011. — № 5. — С. 177–182.

331. Глебов А. Н. Общая характеристика правового регулирования налогообложения сельскохозяйственным налогом в 1928–1941 годах / А. Н. Глебов // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. — 2011. — Вып. 1(11). — С. 28–34.

332. Гусев К. В. Перестройка и формирование общественного сознания / К. В. Гусев // О чем говорят и пишут историки. — Москва : Знание, 1988. — С. 18–27.

333. Данилов В. П. Аграрная реформа и аграрные революции в России / В. П. Данилов // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. — Москва : Прогресс, 1992. — С. 310–321.

334. Дейли Дж. Красный террор в Советском государстве (в оценках российских и зарубежных исследователей) / Дж. Дейли // Россия в XX веке: история и историография. Международный альманах. — Екатеринбург, 2004. — С. 20–42.

335. Дугаров В. Д. Деятельность Народного комиссариата внутренних дел Бурят-Монгольской АССР накануне и в период Второй мировой войны / В. Д. Дугаров // Из истории спецслужб Бурятии : материалы научно-практической конференции, посвященной 80 лет. ВЧК–ФСБ. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1997. — С. 68–73.

336. Дугаров В. Д. Политические репрессии в Бурятии 30–40-х гг. XX в. в современной бурятской историографии / В. Д. Дугаров // Судьба человека в тоталитарном государстве : материалы III–IV научно-практической конференции, с. Ноехон Селенгинского района, Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 2012. — С. 17–21.

337. Дятленко П. П. Взаимосвязь реабилитации жертв сталинских репрессий и политической трансформации постсоветских центрально-азиатских государств / П. И. Дятленко // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. — 2015. — Т. 15, № 12. — С. 31–33.

338. Занданова Л. В. Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е гг.: документы свидетельствуют / Л. В. Занданова, А. В. Паламарчук // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. — 2016. — Т. 11, № 4. — С. 93–98.

339. Зеленин И. Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930–1932 гг.) / И. Е. Зеленин // История СССР. — 1990. — № 6. — С. 31–49.

340. Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 10. — С. 3–21.

341. Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1992. — № 2. — С. 3–26.

342. Земсков В. Н. ГУЛАГ, где ковалась победа / В. Н. Земсков // Родина. — 1991. — № 6–7. — С. 69–70.

343. Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 6. — С. 10–27.

344. Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 7. — С. 3–17.

345. Земсков В. Н. Заключение, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: статистико-географические аспекты / В. Н. Земсков // История СССР. — 1991. — № 5. — С. 151–155.

346. Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан: 1944–1951 годы / В. Н. Земсков // История СССР. — 1990. — № 4. — С. 26–41.

347. Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 1. — С. 5–26.

348. Земсков В. Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 2. — С. 79–81.

349. Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их судьба / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1995. — № 5. — С. 3–13.

350. Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их судьба / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1995. — № 6. — С. 3–13.

351. Земсков В. Н. Спецпоселенцы / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 11. — С. 5–27.

352. Ивницкий Н. А. «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ / Н. А. Ивницкий // Судьбы российского крестьянства. — Москва : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 1995. — С. 249–297.

353. Ивницкий Н. А. Раскулачивание в начале 30-х годов и судьба раскулаченных / Н. А. Ивницкий // Россия в XX веке: историки мира спорят. — Москва : Наука, 1994. — С. 329–336.

354. Казарин В. Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел «О контрреволюционных преступлениях» в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы / В. Н. Казарин // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Оттиск, 2007. — Вып. 4 (16). — С. 454–482.

355. Катков Н. Ф. Восстановление исторической правды и справедливости / Н. Ф. Катков // Вопросы истории КПСС. — 1991. — № 9. — С. 83–89.

356. Кириллов В. М. Масштабы государственного террора в СССР и процесс реабилитации репрессированных / В. М. Кириллов // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания : материалы IX

Всероссийской научно-практической конференции. — Москва : Изд-во НТГСПИ (ф) РГППУ, 2015. — С. 80–85.

357. Комарская Л. Идет процесс реабилитации невиновных / Л. Комарская // Социалистическая законность. — 1991. — № 5. — С. 15–17.

358. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья / В. В. Кондрашин // Вопросы истории. — 1991. — № 6. — С. 176–181.

359. Кононов А. Л. Пятилетие Конституционного Суда Российской Федерации / А. Л. Кононов // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 1997. — № 2. — С. 10–15.

360. Косаковский А. А. Трудная дорога к правде: основные этапы реабилитации жертв политических репрессий / А. А. Косаковский // Лубянка: историко-публицистический альманах. — Москва, 2004. — № 1. — С. 91–100.

361. Кстаубаева У. А. Реабилитация жертв политических репрессий в постсталинский период (1953–1968 гг.) в Казахстане: особенности и противоречия / У. А. Кстаубаева // Исторические исследования: материалы III Международной научной конференции, май 2015 г. — Казань : Бук, 2015. — С. 75–78.

362. Курас Л. В. НКВД и буддийские дацаны / Л. В. Курас, Л. А. Данзанова // Из истории спецслужб Бурятии : материалы научно-практической конференции, посвященной 80 летию ВЧК-ФСБ, 7-9 октября 1997 г. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1997. — С. 55–61.

363. Курас Л. В. Очерки истории мест лишения свободы в Бурят-Монгольской АССР в 1920 — начале 1950-х гг. / Л. В. Курас, С. П. Суш // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Оттиск, 2007. — Вып. 4 (16). — С. 340–392.

364. Курицын В. М. 1937 г. в истории советского государства / В. М. Курицын // Советское государство и право. — 1988. — № 2. — С. 109–119.

365. Лавинская О. В. Документы прокуратуры о процессе реабилитации жертв политических репрессий в 1954–1956 гг. / О. В. Лавинская // Отечественные архивы. — 2007. — № 3. — С. 38–46.

366. Левада, Ю. Сталинские альтернативы / Ю. Левада // Осмыслить культ Сталина. — Москва, 1989. — С. 121–195.

367. Лягушкина Л. А. К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» / Л. А. Лягушкина // Исторический журнал: научные исследования. — 2014. — № 2. — С. 157–166.

368. Максудов С. О публикациях в журнале «Социс» / С. Максудов // Социологические исследования. — 1995. — № 9. — С. 38–45.

369. Мешкова С. И. Состав служащих засорен «бывшими людьми»: лишенцы Харькова и Донецка в период чистки советского аппарата 1930–1931 гг. / С. И. Мешкова // Вісник НТУ «ХП». Сер. Актуальні проблеми історії України. — Харків: НТУ «ХП», 2014. — № 25 (1068). — С. 83–90.

370. Митупов К. Б.-М. Становление национальной государственности бурятского народа в 1920-30-е гг. / К. Б.-М. Митупов, Е. Н. Палхаева // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История. — 2002. — Вып. 4. — С. 22–35.

371. Митыпова Е. С. НКВД и православная церковь в Бурятия (1920–1930-е гг.) / Е. С. Митыпова // Из истории спецслужб Бурятии : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЧК — ФСБ. — Улан-Удэ, 1997. — С. 50–54.

372. Наумов В. П. «Дело» маршала Г. К. Жукова. 1957 г. / В. П. Наумов // Новая и новейшая история. — 2000. — № 5. — С. 87–108.

373. Наумов В. П. Борьба Н. С. Хрущёва за единоличную власть / В. П. Наумов // Новая и новейшая история. — 1996. — № 2. — С. 10–32.

374. Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС / В. П. Наумов // Новая и новейшая история. — 1996. — № 4. — С. 147–168.

375. Наумов В. П. Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий / В. П. Наумов // Вопросы истории. — 1997. — № 4. — С. 19–35.

376. Номогоева В. В. Репрессии в отношении эмчи-лам в 1920–1930-х гг. / В. В. Номогоева, А. В. Митапова // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История. — 2002. — Вып. 5. — С. 72–81.

377. О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» 29 июля 2000 г. № 106-ФЗ // Пермь. — 2004. — 30 окт. — № 44. — С. 3.

378. О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» 29 июля 2000 г. № 106-ФЗ // Пермь. — 2004. — 30 окт. — № 46. — С. 1.

379. О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов : указ ЦК КПСС. № 556. 13 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1990. — № 34. — С. 647.

380. О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав: Декларация Верховного Совета СССР» от 14 ноября 1989 // Ведомости народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1989. — 15 нояб. (№ 23). — С. 607.

381. Об ужесточении надзора за арестованными в следственных тюрьмах в целях предотвращения самоубийств : циркуляр ГУГБ НКВД. № 100. 4 октября 1937 // Пермь. — 2004. — 30 окт. — № 44. — С. 12.

382. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты / Е. Н. Осколков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 1993. — № 1–2. — С. 3–23.

383. Палхаева Е. Н. К вопросу образования Бурятских национальных округов / Е. Н. Палхаева // Взаимоотношения народов России и Дальнего Востока: история и современность. Национальное, социальное и экономическое развитие в Байкальской Азии : материалы международной научно-практической конференции, 16–20 сентября 1999 г. — Улан-Удэ, 2000. — С. 133–137.

384. Палхаева Е. Н. Репрессивная политика тоталитарного государства по отношению к Бурят-Монголии в 1930-х гг. / Е. Н. Палхаева, К. Б.-М. Митупов // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История и востоковедение. — 2004. — Вып. 9. — С. 124–133.

385. Папков С. А. Тройки ОГПУ — НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) / С. А. Папков // Власть и общество в Сибири в XX веке : сборник научных статей. — Новосибирск, 2010. — С. 128–154.

386. Пожаров А. И. Из истории органов безопасности России (1930–1950-е годы) / А. И. Пожаров // Отечественные спецслужбы. 1917–2006 годы : материалы всероссийской научной конференции. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. — С. 161–167.

387. Поляков Ю. А. Полвека молчания: Всесоюзная перепись 1937 г. / Ю. А. Поляков // Социологические исследования. — 1990. — № 6. — С. 3–25.

388. Поляков Ю. А. Полвека молчания: Всесоюзная перепись 1937 г. / Ю. А. Поляков // Социологические исследования. — 1990. — № 8. — С. 30–52.

389. Понарин П. В. Право на реабилитацию в современной РФ: проблемы реализации / П. В. Понарин // Университет XXI века: научное измерение : в 2 томах : материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и соискателей

ТГПУ им. Л. Н. Толстого / Министерство образования и науки РФ, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. — Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2010. — Т. 2. — С. 173–176.

390. Попов Б. С. Реабилитация / Б. С. Попов // Правда. — 1989. — 31 янв. — С. 8–15.

391. Попов В. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития / В. Попов, Н. Шмелев // Осмыслить культ Сталина. — Москва, 1989. — С. 284–326.

392. Путилова Е. Г. История возникновения общественного движения по защите прав и увековечению памяти жертв политических репрессий в СССР во II половине 1980-х гг. (на примере историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал») / Е. Г. Путилова // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. — 2010. — № 5 (13). — С. 71–76.

393. Путилова Е. Г. Особый путь «Мемориала»: из истории становления движения / Е. Г. Путилова // Science Time. — 2014. — № 5. — С. 171–176.

394. Путилова Е. Г. Проблема увековечения памяти жертв политических репрессий в России (II половина 1980-х — начало 2000-х гг.) / Е. Г. Путилова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. — 2010. — Вып. 9. — С. 71–75.

395. Путилова Е. Г. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России как одно из направлений деятельности общества «Мемориал» по сохранению исторической памяти / Е. Г. Путилова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота. — 2012. — № 11 (25), ч. 1. — С. 148–152.

396. Саганова Л. П. Материалы архива МРВ Республики Бурятия в истории спецпереселенцев в Сибири (1940-е гг.) / Л. П. Саганова // Мир Центральной Азии – 3 : сборник научных трудов. — Улан-Удэ ; Иркутск : Оттиск, 2012. — С. 111–115.

397. Саганова Л. П. Особенности переселенческой политики Советского государства в послевоенный период: немецкий вопрос / Л. П. Саганова // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России. — Улан-Удэ ; Иркутск : Оттиск, 2011. — С. 136–140.

398. Симонов Н. С. Термидор, брюмер или фрюктидор / Н. С. Симонов // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 3–17.

399. Создание web-сайта Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия : опыт совместной работы программистов и историков / Д. Б. Фаргусов [и др.] // Сибирская ссылка : сборник научных статей. — Иркутск : Отгиск, 2017. — Вып. 8 (20). — С. 81–89.

400. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930 — середина 1950-х гг. / А. К. Соколов // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. — Москва : РОССПЭН, 2005. — С. 17–66.

401. Степанов В. А. Красный террор / В. А. Степанов // Радуга. — 1991. — № 2. — С. 63–69.

402. Степанов М. Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 годы): обзор современных историографических исследований / М. Г. Степанов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 12. — С. 145–149.

403. Таугер М. Урожай 1932 года и голод 1933 года / М. Таугер // Судьба российского крестьянства. — Москва, 1996. — С. 298–332.

404. Туйков В. Реабилитация необоснованно репрессированных / В. Туйков // Социалистическая законность. — 1989. — № 1. — С. 19–21.

405. Убушаев К. В. Государственные акты по политико-правовой реабилитации калмыцкого и других репрессированных народов России / К. В. Убушаев // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. — Элиста, 2003. — С. 73–83.

406. Фаргусов Д. Б. Государственная политика по увековечению памяти жертв политических репрессий в Бурятии (1920–2010-е гг.): к постановке проблемы / Д. Б. Фаргусов // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2017. — Вып. 3. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — С. 3–10.

407. Фаргусов Д. Б. Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы / Д. Б. Фаргусов // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, № 4. — С. 28–32.

408. Фаргусов Д. Б. Нормативно-правовая база реабилитации жертв политического террора в Бурятии / Д. Б. Фаргусов // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2016. — Вып. 1. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — С. 12–17.

409. Фаргусов Д. Б. Политические репрессии в СССР граждан Монголии и Китая на территории БМАССР / Д. Б. Фаргусов // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2015. — Вып. 1. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — С. 72–77.

410. Фаргусов Д. Б. Политический террор в Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. в отношении старообрядческого духовенства / Д. Б. Фаргу-

сов // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. — 2017. — Т. 19. — С. 112–116.

411. Фартусов Д. Б. Разработка архитектуры электронной Книги памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия / Б. В. Хабитуев, Д. Б. Фартусов, Д. Ф. Дерюгин, Н. Д. Овечкин // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. — 2017. — № 1 (12). — С. 27–33.

412. Фартусов Д. Б. Реализация законодательных основ реабилитации политических репрессированных в СССР: на примере Республики Бурятия / Д. Б. Фартусов // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество : сборник научных статей. — Иркутск : Оттиск, 2016. — С. 90–96.

413. Фартусов Д. Б. Репрессивная политика в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны / Д. Б. Фартусов // Вестник Бурят. гос. ун-та. — 2015. — Вып. 7. История. — С. 43–47.

414. Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР / О. В. Хлевнюк // Свободная мысль. — 1992. — № 13. — С. 74–75.

415. Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД—МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития / О. В. Хлевнюк // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. — Москва : РОССПЭН, 2005. — С. 67–89.

416. Цаплин В. В. Архивные материалы о числе заключенные в конце 30-х годов / В. В. Цаплин // Вопросы истории. — 1991. — № 4–5. — С. 157–163.

417. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В. В. Цаплин // Вопросы истории. — 1989. — № 4. — С. 175–181.

418. Ципко А. С. Истоки сталинизма / А. С. Ципко // Наука и жизнь. — 1988. — № 11. — С. 45–55.

419. Ципко А. С. Истоки сталинизма / А. С. Ципко // Наука и жизнь. — 1988. — № 12. — С. 40–48.

420. Ципко А. С. Истоки сталинизма / А. С. Ципко // Наука и жизнь. — 1989. — № 2. — С. 53–61.

421. Ципко А. С. Истоки сталинизма / А. С. Ципко // Наука и жизнь. — 1989. — № 1. — С. 46–56.

422. Ципко А. С. Истоки сталинизма / А. С. Ципко // Наука и жизнь. — 1989. — № 4. — С. 175–181.

423. Цыжилов Э. Б. Реабилитация незаконно осужденных в Бурят-Монголии в годы сталинских репрессий / Э. Б. Цыжилов // Судьба челове-

ка в тоталитарном государстве : материалы III–V научно-практической конференции, с. Ноехон Селенгинского района Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 2012. — С. 70–73.

424. Шагдуров Ю. П. Государство и религиозные конфессии Бурятии в 1920–1930 гг. / Ю. П. Шагдуров // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 1998. — С. 65–82.

425. Шуткова Е. Ю. Проблемы изучения истории репрессий в отношении несовершеннолетних граждан в период советской власти / Е. Ю. Шуткова // Вестник Удмуртского университета. — 2002. — № 4. — С. 59–64.

426. Якимов К. А. Общественные настроения молодежи в годы массовых политических репрессий конца 1930-х гг. / К. А. Якимов // Genesis: исторические исследования. — 2016. — № 3. — С. 234–251.

Авторефераты

427. Антонов В. И. Институт реабилитации и его уголовно-правовое значение : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.08 / В. И. Антонов. — Ижевск, 2001. — 22 с.

428. Багавиева С. С. Политические репрессии в Советском Татарстане, 1918 — начало 1950-х годов : анализ и характеристика источников : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.09 / С. С. Багавиева. — Казань, 2003. — 22 с.

429. Батуев С. В. История уголовного розыска Бурятии: 1922 — начало 1930-х годов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. В. Батуев. — Иркутск, 2003. — 26 с.

430. Башкуев В. Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии, 1948–1958 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Ю. Башкуев. — Иркутск, 2002. — 24 с.

431. Бетров С. А. Институт реабилитации в уголовном процессе России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.09 / С. А. Бетров. — Санкт-Петербург, 2006. — 24 с.

432. Варфоломеева М. И. Репрессивная политика Советского государства в 1930-е годы и политические настроения населения (на материалах

Белгородской, Курской и Орловской областей) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. И. Варфоломеева. — Курск, 2002. — 24 с.

433. Головин С. А. История политических репрессий на Дальнем Востоке России 1920–1930-е годы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. А. Головин. — Благовещенск, 2000. — 28 с.

434. Доржиева Д. А. Репрессии против духовенства в Калмыкии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. А. Доржиева. — Ставрополь, 2007. — 22 с.

435. Дугарова С. Ж. Органы суда, прокуратуры, милиции Бурятии в 1928–1932 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. Ж. Дугарова. — Улан-Удэ, 1998. — 24 с.

436. Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае в 1919–1938 гг.: историко-статистический анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Г. Д. Жданова. — Барнаул, 2010. — 26 с.

437. Калашников И. И. Органы внутренних дел Республики Бурятия, 1923 — начало 2000 г. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. И. Калашников. — Иркутск, 2002. — 24 с.

438. Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е годы: на материалах Хакасии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. В. Карлов. — Абакан, 2000. — 24 с.

439. Климова Г. З. Реабилитация как правовой институт: вопросы теории и практики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / Г. З. Климова. — Волгоград, 2004. — 30 с.

440. Кудрявцев С. В. Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х годов. На материалах областей Верхнего Поволжья : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. В. Кудрявцев. — Ярославль, 2000. — 30 с.

441. Кузнецов И. Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Н. Кузнецов. — Томск, 1992. — 20 с.

442. Кузнецова Е. С. Реабилитация жертв политических репрессий (по материалам Кемеровской области) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. С. Кузнецова. — Кемерово, 1997. — 24 с.

443. Лавинская О. В. Внесудебная реабилитация жертв политических репрессий в СССР в 1953–1956 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. В. Лавинская. — Москва, 2008. — 28 с.

444. Матюшин П. Н. Репрессии 1930-х гг. и политическая реабилитация 1950-х — начала 1960-х гг.: исторический опыт и уроки: на материалах доктора исторических наук, профессора И. Д. Кузнецова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / П. Н. Матюшин ; Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова. — Чебоксары, 2008. — 20 с.

445. Мильбах В. С. Политические репрессии командно-начальствующего состава рабоче-крестьянской Красной Армии и Флота на Востоке страны в 1936–1939 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук : 07.00.02 / В. С. Мильбах. — Иркутск, 2005. — 40 с.

446. Митыпов В. М. История взаимоотношений государства и буддийской церкви в СССР/России: 1969–1990-е гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. М. Митыпов. — Улан-Удэ, 2006. — 26 с.

447. Намнанов Д. Д. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1924–1939 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Д. Намнанов. — Улан-Удэ, 1997. — 22 с.

448. Папков С. А. Репрессивная политика советского государства в Сибири (1928 — июнь 1941 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. А. Папков. — Новосибирск, 2000. — 24 с.

449. Петров А. Г. Реабилитация жертв политических репрессий: историко-правовой анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.01 / А. Г. Петров. — Нижний Новгород, 2005. — 54 с.

450. Путилова Е. Г. История государственной реабилитационной политики и общественного движения за увековечение памяти жертв политических репрессий в России (1953 — начало 2000-х гг.) : автореферат диссер-

тации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Г. Путилова. — Екатеринбург, 2011. — 28 с.

451. Саганова Л. П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии, 1941–1956 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. П. Саганова. — Улан-Удэ, 2001. — 24 с.

452. Семено А. В. Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929–1934 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Семено. — Киров, 2003. — 22 с.

453. Тушемилов В. К. История ГПУ—ОГПУ Бурят-Монгольской АССР: 1923–1934 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. К. Тушемилов. — Иркутск, 2004. — 30 с.

454. Хамисов Б. Г. Деятельность органов внутренних дел Бурят-Монгольской АССР в 1941–1953 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. Г. Хамисов. — Улан-Удэ, 2008. — 28 с.

455. Хориноев Г. Н. Организация и деятельность рабоче-крестьянской милиции Бурятской АССР в период построения социализма (1917–1937 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Г. Н. Хориноев. — Иркутск, 1985. — 18 с.

456. Цыжипов Э. Б. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 — июнь 1941 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / Э. Б. Цыжипов. — Улан-Удэ, 2006. — 26 с.

457. Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава Ленинградского военного округа в 1937–1938 гг. и их влияние на состояние боеспособности войск : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Чернавский. — Иркутск, 2012. — 32 с.

458. Шашкова О. Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и ее последствия (на материалах Центрального Черноземья) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. Л. Шашкова. — Курск, 2000. — 28 с.

459. Шилова И. С. Политические репрессии против технической и педагогической интеллигенции в конце 1920 — конце 1930-х годов : авторе-

ферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. С. Шилова. — Тюмень, 2013. — 26 с.

Электронный сетевой ресурс

460. «Мемориал», общество, Иркутск. — URL : http://irkipedia.ru/content/memorial_obshchestvo_irkutsk. Дата обращения : 19 января 2018. Текст: электронный.

461. В защиту Олега Орлова. — URL : <http://old.memo.ru/d/77628.html>. Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

462. Доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 1 июня 2015 г. — URL : <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/197>. Дата обращения : 15 мая 2018. Текст: электронный.

463. Жертвы политического террора СССР // Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». — URL : <http://lists.memo.ru/> Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

464. Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР № П-6028 от 8 мая 1933 года // Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». — URL : <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/330508.htm>. Дата обращения : 8 марта 2017. Текст: электронный.

465. История диссидентов в СССР. — URL : <http://old.memo.ru/d/3073.html>. Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

466. Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия. — URL : <http://kniga1937.bsu.ru/> (9 мая 2017). Дата обращения : 23.11.2017. Текст: электронный.

467. Красильников С. А. Советская система принудительного труда: некоторые черты и особенности формирования в конце 1920-х — начале 1930-х годов / С. А. Красильников. — URL : http://http://gf.nsu.ru/www/?page_id=2148. Дата обращения : 12 января 2014. Текст: электронный.

468. Краткий курс истории ВКП(б) (1938 г.). — URL : http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt. Дата обращения : 17 октября 2015. Текст: электронный.

469. О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР. : постановление от 11 ноября 1922 года / Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8322#0> Дата обращения : 14 февраля 2017. Текст: электронный.

470. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» : Закон Российской Федерации от 22.08.2004 № 122-ФЗ. — URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49025. Дата обращения : 19 января 2018. Текст: электронный.

471. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечением памяти жертв политических репрессий : федеральный закон от 09.03.2016 № 67-ФЗ. — URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194887. Дата обращения : 10 мая 2017. Текст: электронный.

472. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов : постановление Политбюро ЦК КПСС 05.01.1989 г. — URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/76190>. Дата обращения : 1 марта 2017. Текст: электронный.

473. О комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий : постановление Правительства Республики Бурятия от 03.05.2005 № 150. — URL : <http://docs.cntd.ru/document/816001070>. Дата обращения : 10 августа 2017. Текст: электронный.

474. О межведомственной рабочей группе по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : распоряжение Правительства РФ от 15.02.2016 г. № 25-рп. — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40527>. Дата обращения : 1 апреля 2018. Текст: электронный.

475. О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством : постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля

1930 г. — URL : <http://istmat.info/node/44274>. Дата обращения : 8 марта 2017. Текст: электронный.

476. О порядке выплаты денежной компенсации и предоставлении льгот лицам, реабилитированным в соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» : постановление Правительства РФ от 16.03.1992. № 160. — URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1596. Дата обращения : 11 июня 2017. Текст: электронный.

477. О реабилитации жертв политических репрессий : Закон Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 — URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619. Дата обращения : 11 июня 2016. Текст: электронный.

478. О создании постоянной межведомственной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий : постановление Правительства Республики Бурятия от 31.07.1995 № 272. — URL : <http://docs.cntd.ru/document/473805906>. Дата обращения : 8 августа 2017. Текст: электронный.

479. О составе Постоянной межведомственной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий : постановление Правительства Республики Бурятия 28.10.2002 № 292. — URL : <http://docs.cntd.ru/document/939400164>. Дата обращения : 9 августа 2017. Текст: электронный.

480. О сталинских репрессиях // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. — 2012. — 28 авг. — URL : <http://www.levada.ru/28-08-2012/o-stalinskikh-repressiyakh>. Дата обращения : 19 ноября 2012. Текст: электронный.

481. Об административной высылке : декрет ВЦИК 10 августа 1922 г. — URL : <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/220810.htm>. Дата обращения : 9 марта 2017. Текст: электронный.

482. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия : постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». — URL : http://www.memo.ru/history/document/pbnadzor.htm#_VPID_3. Дата обращения : 1 марта 2017. Текст: электронный.

483. Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов : оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 // Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемо-

риал». — URL : <http://www.memo.ru/history/document/0447.htm>. Дата обращения : 1 марта 2017. Текст: электронный.

484. Об отдельных полномочиях органов государственной власти Республики Бурятия : закон Республики Бурятия от 07.12.2004 № 899-III. — URL : <http://docs.cntd.ru/document/802038757>. Дата обращения : 3 мая 2017. Текст: электронный.

485. Об упразднении Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий : постановление Правительства Республики Бурятия от 08.09.2009 г. № 333. — URL : <http://docs.cntd.ru/document/473808266>. Дата обращения : 10 августа 2017. Текст: электронный.

486. Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 г. № 1561-р. — URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184562. Дата обращения : 1 мая 2017. Текст: электронный.

487. Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов — жертв политических репрессий (ООБОИЖПР). — URL : <http://rosagr.natm.ru/organization.php>. Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

488. Открытый список. — URL : <https://ru.openlist.wiki>. Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

489. Охотин Н. Г. О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921–1953 / Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский // Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». — URL : <http://demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php#1>. Дата обращения : 14 февраля 2016. Текст: электронный.

490. Положение о правах Объединенного Государственного Политического Управления в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь : приказ по ОГПУ за № 172 от 2 апреля 1924 г. — URL : <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/240402.htm>. Дата обращения : 12 марта 2017. Текст: электронный.

491. Постышев П. П. Доклад второго секретаря ЦК КП(б) Украины тов. П. П. Постышева на XVII съезде ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934 года. — URL : http://www.hrono.ru/dokum/1934vkrpb17/3_2.php. Дата обращения : 2 февраля 2018. Текст: электронный.

492. Разъяснение Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» / Прокуратура Нижегородской области. — URL : <http://procpn.ru/ru/10/46/665/>. Дата обращения : 14 февраля 2016. Текст: электронный.

493. Расстрелянные в Москве. — URL : <http://mos.memo.ru>. Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

494. Рудзутак Я. Э. Доклад председателя ЦКК ВКП(б) и Народного Комиссара РКИ СССР тов. Я. Э. Рудзутака на XVII съезде ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934 года. — URL : http://www.hrono.ru/dokum/1934vkrb17/11_1.php. Дата обращения : 02.06.2018. Текст: электронный.

495. Социальный паспорт населения Республики Бурятия на 1 февраля 2017 года. — URL : <http://www.cspn-rb.ru/rehab/stat/passport>. Дата обращения : 12 мая 2018. Текст: электронный.

496. Структура и организации общества «Мемориал». — URL : <https://www.memo.ru/ru-ru/departments/#map>. Дата обращения : 9 мая 2017. Текст: электронный.

497. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях / Н. С. Хрущев. — URL : http://www.coldwar.ru/hrushev/cult_of_personality.php. Дата обращения : 21 ноября 2014. Текст: электронный.

498. Энциклопедия Забайкалья. — URL : <http://encycl.chita.ru>. Дата обращения : 19 января 2018. Текст: электронный.

Периодическая печать

499. Пермь. 2004–2007. 30 окт.

500. Бурят-Монгольская правда. 1923–1934.

501. Известия. 1937–1941.

502. Правда. 1934–1919.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Нормативно-правовые акты репрессивной и реабилитационной политики

№	Дата	Название
1	28 ноября 1917 г.	Декрет СНК «Об аресте вождей Гражданской войны против революции»
2	21 февраля 1918 г.	Декрет СНК «Социалистическое Отечество в опасности»
3	30 июля 1918 г.	Постановления СНК «О набатном звоне»
4	2 сентября 1918 г.	Постановление ВЦИК «О превращении Советской республики в военный лагерь»
5	5 сентября 1918 г.	Постановление СНК РСФСР «О красном терроре»
6	10 декабря 1918 г.	Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ»
7	1 июня 1922 г.	Уголовный кодекс РСФСР
8	10 августа 1922 г.	Декрет ВЦИК «Об административной высылке»
9	24 марта 1924 г.	Положение, принятое Президиумом ЦИК СССР «О правах ОГПУ в части административных высылки и ссылки и заключения в концентрационный лагерь»
10	31 октября 1924 г.	Постановление ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»
11	4 ноября 1926 г.	Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах в городские и сельские советы и о созыве съездов советов»
12	22 ноября 1926 г.	Уголовный кодекс РСФСР
13	30 января	Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по лик-

ПРИЛОЖЕНИЕ

	1930 г.	видации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»
14	1 февраля 1930 г.	Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»
15	2 февраля 1930 г.	Приказ ОГПУ «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса»
16	7 апреля 1930 г.	Постановление СНК СССР об утверждении «Положения об исправительно-трудовых лагерях»
17	2 сентября 1930 г.	Постановление ЦИК и СНК СССР «О налоговой реформе»
18	27 ноября 1930 г.	Постановление ЦИК и СНК СССР «О железнодорожных линейных судах»
19	7 августа 1932 г.	Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»
20	22 августа 1932 г.	Постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией»
21	8 мая 1933 г.	Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении применения массовых выселений и острых форм репрессий в деревне»
22	1 августа 1933 г.	Постановление ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР «Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР»
23	10 июля 1934 г.	Постановление ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного комиссариата внутренних дел»
24	10 июля 1934 г.	Постановление ЦИК СССР «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых народным комиссариатом внутренних дел и его местными органами»
25	1 декабря 1934 г.	Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов»
26	1 декабря 1934 г.	Постановление ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»
27	2 июля 1937 г.	Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах»

28	31 июля 1937 г. № 00447	Оперативный приказ НКВД СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов»
29	15 августа 1937 г.	Оперативный приказ НКВД СССР «О репрессировании жен изменников Родины»
30	20 сентября 1937 г.	Оперативный приказ НКВД «О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев»
31	17 ноября 1938 г.	Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»
32	15 июня 1939 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «О лагерях НКВД»
33	27 марта 1953 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии»
34	1 сентября 1953 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР»
35	13 декабря 1955 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»
36	29 июня 1956 г.	Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей»
37	30 января 1956 г.	Постановление Президиума ЦК КПСС «О создании партийных комиссий по пересмотру дел осужденных, отбывающих наказание в лагерях»
38	24 марта 1956 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления»
39	28 апреля 1956 г.	Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»
40	1 ноября	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амни-

ПРИЛОЖЕНИЕ

	1957 г.	стии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции»
41	12 ноября 1956 г.	Приказ Министерства финансов и КГБ СССР «О порядке расчетов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества»
42	31 октября 1967 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции»
43	28 декабря 1972 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с 50-летием образования Союза Советских Социалистических Республик»
44	14 мая 1975 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
45	16 мая 1975 г.	Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с Международным годом женщины»
46	11 июля 1988 г.	Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению реабилитации необоснованно репрессированных лиц»
47	5 января 1989 г.	Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов»
48	14 ноября 1989 г.	Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»
49	13 августа 1990 г.	Указ Президента СССР М. С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х гг.»
50	18 октября 1991 г.	Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»
51	16 декабря 1991 г.	Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий»
52	16 марта 1992 г.	Постановление Правительства РФ «О порядке выплаты денежной компенсации и предоставлении льгот лицам, реабилитированным в соответствии с Законом

		Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»
53	23 июня 1992 г.	Указ Президента РФ «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»
54	31 июля 1995 г.	Постановление Правительства Республики Бурятия «О создании постоянной межведомственной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий»
55	12 января 1996 г.	Закон РФ «О некоммерческих организациях»
56	22 августа 2004 г.	Закон РФ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
57	7 декабря 2004 г.	Закон Республики Бурятия «Об отдельных полномочиях органов государственной власти Республики Бурятия»
58	4 февраля 2005 г.	Постановление Правительства Республики Бурятия «О порядке предоставления мер социальной поддержки реабилитированным лицам, лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, и учета, обеспечения жилыми помещениями реабилитированных лиц, членов их семей и других родственников, проживавших совместно с репрессированными лицами до применения к ним репрессий, утративших жилые помещения в связи с репрессиями»
59	3 мая 2005 г.	Постановление Правительства Республики Бурятия «О комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий»
60	8 сентября	Постановление Правительства Республики Бурятия

ПРИЛОЖЕНИЕ

	2009 г.	«Об упразднении Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий»
61	15 августа 2015 г.	Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий»
62	15 февраля 2016 г.	Распоряжение Правительства РФ «О межведомственной рабочей группе по координации деятельности, направленной на реализацию Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий»
63	9 марта 2016 г.	Закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с увековечением памяти жертв политических репрессий»

Таблица 2

Национальный состав арестованных

№	Национальность	Процент	количество
1	Русские	15.86%	2023
2	Буряты	13.89%	1772
3	Китайцы	1.45%	185
4	Украинцы	0.79%	102
5	Евреи	0.39%	51
6	Поляки	0.29%	37
7	Белорусы	0.19%	25
8	Татары	0.15%	20
9	Эвенки	0.15%	20
10	Корейцы	0.14%	19
11	Немцы	0.13%	17
12	Литовцы	0.11%	15
13	Латыши	0.1%	14
14	Монголы	0.08%	11
15	Казахи	0.08%	11
16	Эстонцы	0.06%	8
17	Венгры	0.06%	8
18	Молдаване	0.05%	7

19	Мордовцы	0.03%	5
20	Чехи	0.03%	4
21	Цыгане	0.02%	3
22	Абазины	0.02%	3
23	Башкиры	0.02%	3
24	Армяне	0.01%	2
25	Киргизы	0.01%	2
26	Чуваши	0.01%	2
27	Австрийцы	0.01%	2
28	Азербайджанцы	0.007%	1
29	Уйгуры	0.007%	1
30	Румыны	0.007%	1
31	Греки	0.007%	1
32	Нет сведений	64.26%	8196

Основание: Электронная база данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия». URL : <http://kniga1937.bsu.ru> (дата обращения: 23.11.2017). Текст: электронный.

Таблица 3

**Распределение арестованных
по территориальному принципу**

Район	Процент осужденных	Количество осужденных
Селенгинский	9.03%	1 152
Кяхтинский	7.62%	972
Мухоршбирский	7.26%	926
Закаменский	7.08%	904
Джидинский	4.23%	540
Бичурский	4%	511
Тункинский	4%	511

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хоринский	3.68%	470
Верхнеудинский	3.52%	450
Баргузинский	3.29	420
Тарбагатайский	3.03%	387
Кабанский	2.8%	358
Агинский	2.11%	270
Еравнинский	1.77%	227
Заиграевский	1.73%	221
Эхирит-Булагатский	0.66%	85
Иволгинский	0.57%	73
Боханский	0.54%	69
Красночикийский	0.43%	56
Аларский	0.31%	40
Окинский	0.26%	34
Кижингинский	0.21%	27
Баунтовский	0.14%	18
Курумканский	0.03%	5
г. Улан-Удэ	36.6%	4668

Основание: Электронная база данных «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия». URL : <http://kniga1937.bsu.ru> (дата обращения: 23.11.2017). Текст: электронный.

Рис. 1. Собрание представителей общественности реабилитированных и пострадавших от политических репрессий, посвященное Дню памяти. Улан-Удэ, 28 октября 1994 г.

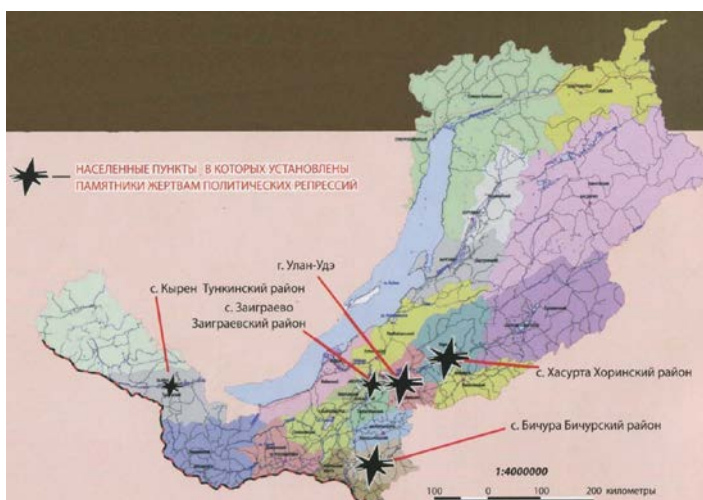

Рис. 2. Карта памятников жертвам политических репрессий в Республике Бурятия

Рис. 3. Памятник жертвам политических репрессий
на улице Л. Линховоина

Рис. 4. Памятник жертвам политических репрессий на пересечении улиц Соборная и Коммунистическая (с 2015 г.)

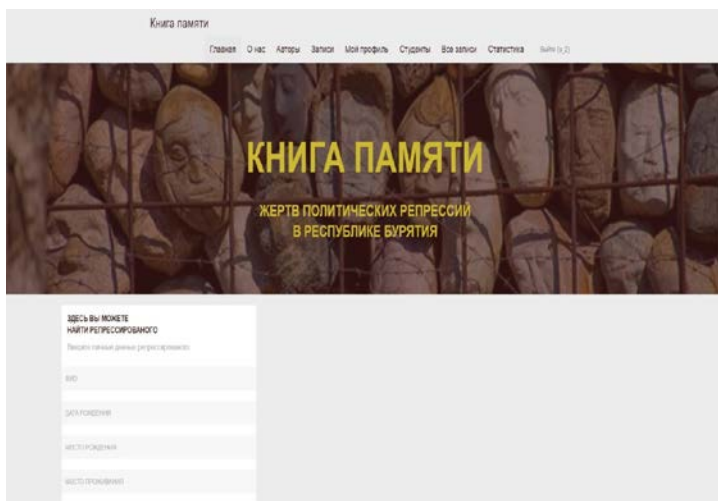

Рис. 5. Электронная база «Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия»

ПРИЛОЖЕНИЕ

МВД по РБ

0

ТЕЛ: 292171

14 МАЙ 2018 19:02 СТР1

МВД России
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ
(МВД по Республике Бурятия)

ул. Дзмитрова, 2а, корп. 2, г. Улан-Удэ,
Республика Бурятия, 670000

«14» 05 2018 г. № 2/02842
на № 01.21-06-442 от «10» мая 2018 г.

Уполномоченному по правам
человека в Республике Бурятия

Ю.В. Жамбаловой
ул. Ербанова, 7, г. Улан-Удэ,
670001

Уважаемая Юлия Валерьевна!

На Ваш запрос от 10.05.2018 года об оказании содействия Региональной общественной организации «Бурятская ассоциация жертв политических репрессий» в предоставлении информации о количестве реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий в Республике Бурятия, сообщая, что со дня подписания Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» за период с 1992 года по 2017 год реабилитировано 5165 лиц, признано пострадавшими от политических репрессий 528 лиц.

Министр
генерал-майор полиции

О.Ф. Кудинов

15.05.18 06:13 169

Рис. 6

Прокуратура Российской Федерации

**ПРОКУРАТУРА
Республики Бурятия**

ул. Борсоева, 23а, г. Улан-Удэ, 670000
тел (8-3012) 21-76-75, факс (8-3012) 21-14-10

04.06.2018 № 27-07-2018/Нд19685-18

на № _____ от _____

Председателю правления «Бурятской
ассоциации жертв политических
репрессий»

Соколовой Л.В.

На Ваше обращение с просьбой предоставить сведения о количестве реабилитированных лиц и лицах, признанных пострадавшими от политических репрессий в Республике Бурятия, сообщаю, что в период 1991 - 2017 гг. прокуратурой республики во исполнение Закона РФ от 18.10.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» рассматривались обращения граждан о реабилитации лиц, подвергшихся по политическим мотивам уголовным репрессиям по решениям судебных и внесудебных органов (ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, совещаний особых троек, двоек и т.д.), реабилитации и признании пострадавшими детей и супругов репрессированных лиц.

Всего в указанный период органами прокуратуры республики рассмотрено 9 035 обращений, по результатам рассмотрения которых признано жертвами политических репрессий и реабилитировано 18 140 человек.

Старший помощник прокурора
республики по надзору за исполнением
законов о федеральной безопасности,
межнациональных отношениях
и противодействии экстремизму

старший советник юстиции

С.А. Киселев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БМАССР — Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края
- ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГПУ — Государственное политическое управление
- ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
- ГУГБ НКВД — Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел
- ЗабВО — Забайкальский военный округ
- ЗСК — Западно-Сибирский край
- к/р — контрреволюционный
- КГБ — Комитет государственной безопасности
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
- КРО — Контрразведывательный отдел
- МВД — Министерство внутренних дел
- МГБ — Министерство государственной безопасности
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
- НКО — Некоммерческая организация (общественная организация)
- НТК, ИТЛ, ИТУ — подразделения внутренних дел на местах (исправительно-трудовая колония, исправительно-трудовой лагерь, исправительно-трудовое учреждение), занимавшиеся трудоустройством и перевоспитанием заключенных
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- ОКР — отдел контрразведки
- ОМЗ — отдел мест заключения
- ООБОИЖПР — Общероссийская общественная благотворительная организация инвалидов — жертв политических репрессий
- ОСО — особое совещание
- ОСФ ИЦ МВД по РБ — отдел специальных фондов Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Бурятия
- ПВО — Польская военная организация

РАЖНПР — Российская ассоциация жертв незаконных политических репрессий
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РОВС — Русский общевоинский союз
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
СибВО — Сибирский военный округ
СНК — Совет народных комиссаров
СПО — секретно-политический отдел
УК — Уголовный кодекс
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЧК — Чрезвычайная комиссия

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Эволюция взаимоотношений государства и общества в период советской репрессивной политики	
1.1 Формирование и развитие правовой системы как инструмента репрессивной политики	27
1.2 Политические репрессии в форме административных преследований в Бурят-Монгольской АССР (конец 1920-х — 1930-е гг.)	44
1.3 Уголовное преследование по политическим мотивам в Бурят-Монгольской АССР (конец 1930-х — начало 1950-х гг.)	63
ГЛАВА 2. Реабилитационная политика как инструмент разрушения тоталитарного режима	
2.1 Государственно-правовая деятельность по защите прав жертв политических репрессий в 1953–1991 гг.	81
2.2 Реализация государственной реабилитационной политики (1991–2015 гг.)	94
2.3 Развитие общественного движения по увековечению памяти жертв политических репрессий (конец 1980-х — 2010-е гг.)	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
ЛИТЕРАТУРА	129
ПРИЛОЖЕНИЕ	169
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	182

Научное издание

Светлана Владимировна Васильева

Дмитрий Борисович Фартусов

РЕПРЕССИИ 1920-х — 1930-х гг. И ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В БУРЯТИИ

МОНОГРАФИЯ

Дизайн обложки <i>А. Б. Дашиевой</i>	Подписано в печать 26.11.21. Формат 60x84 1/16
Редактор <i>З. З. Арданова</i>	Уч.-изд. л. 8,65. Усл. печ. л. 10,68. Тираж 500.
Компьютерная верстка <i>Т. А. Олоевой</i>	Заказ № 155. Цена договорная
Свидетельство государственной регистрации № 2670 от 11 августа 2017 г.	Издательство Бурятского госуниверситета 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а riobsu@gmail.com
	Отпечатано в типографии Издательства Бурятского госуниверситета 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а